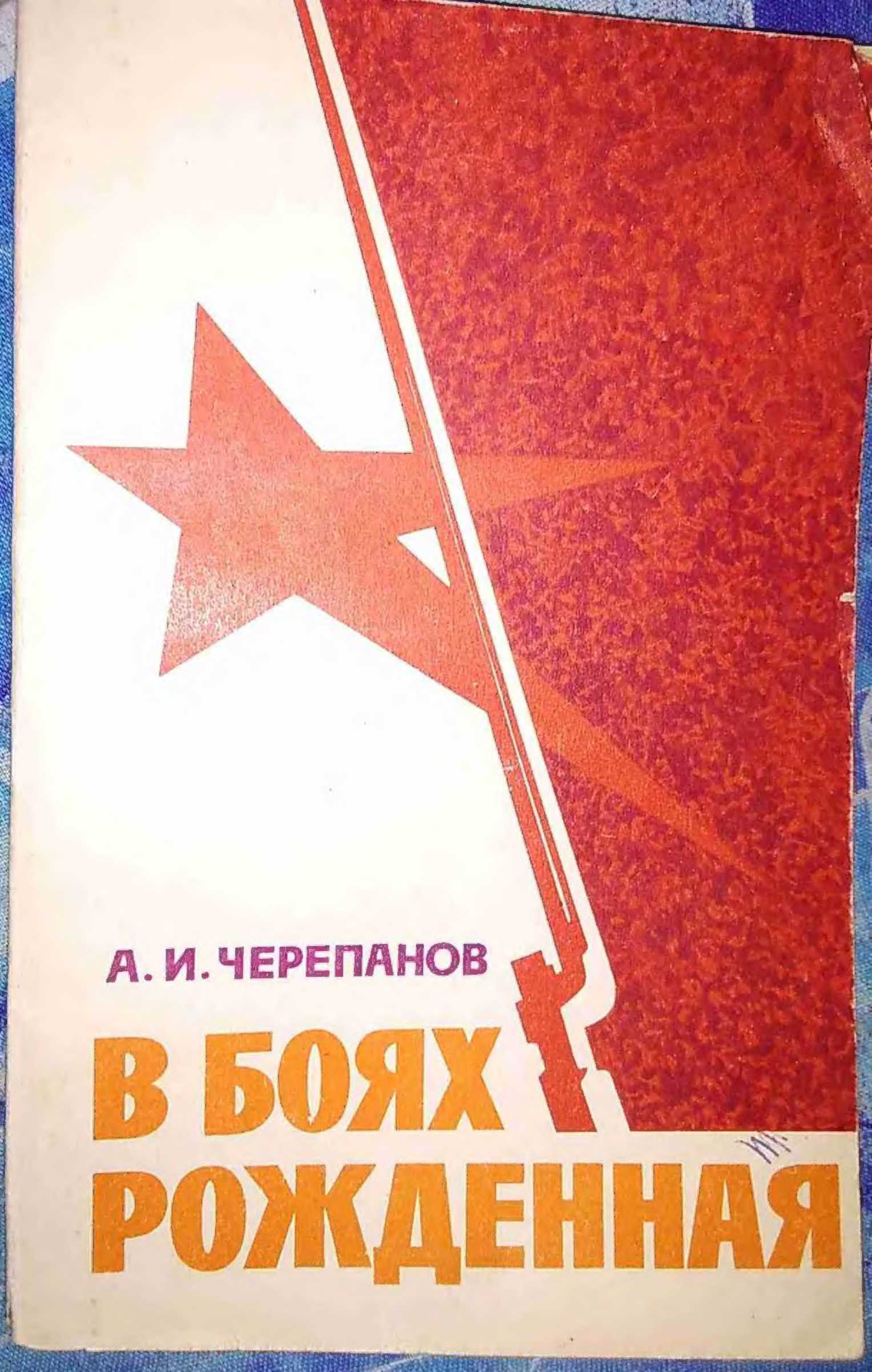


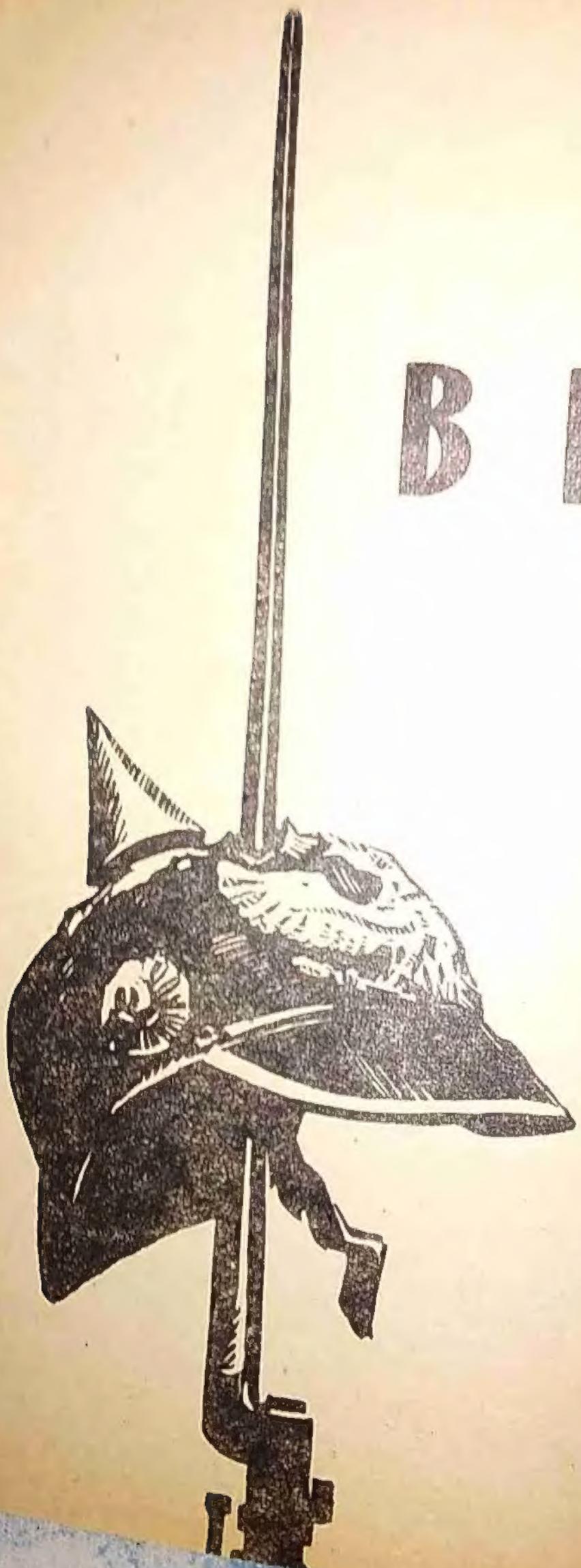
А. И. ЧЕРЕПАНОВ

В БОЯХ РОЖДЕННАЯ

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

издательство

В БОЯХ



генерал-лейтенант
А. И. ЧЕРЕПАНОВ

РОЖДЕННАЯ

★

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДОСААФ
МОСКВА • 1970

7—3—2
36—70

Генерал-лейтенант
А. И. ЧЕРЕПАНОВ

Автор книги генерал-лейтенант в отставке Александр Иванович Черепанов после Великой Октябрьской социалистической революции в чине штабс-капитана старой армии добровольно перешел на сторону Советской власти и был избран командиром 2-го красноармейского полка. Об этом полке и других частях и отрядах молодой Красной Армии, о первых советских бойцах и командирах, их героизме и беззаветной преданности революции рассказывает автор.

К ДРУЗЬЯМ-ЧИТАТЕЛЯМ

В последние годы партийные, комсомольские, советские, профсоюзные и общественные организации развернули широкую деятельность по воспитанию советских людей, особенно молодежи, на революционных, трудовых и боевых традициях советского народа. Эта работа уже дала прекрасные результаты, о чем, в частности, свидетельствуют массовые походы молодежи по дорогам героев революционных битв, по дорогам боевой славы Советской Армии.

Огромный интерес нашего народа к своей революционной и боевой истории особенно возрос в связи с празднованием трех знаменательных событий: 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, 50-летия Советской Армии и Военно-Морского Флота и 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

Автору этой книги довелось в пору рождения Красной Армии командовать 2-м красноармейским полком, который в феврале 1918 г. преградил интервентам путь к Петрограду.

В морозный февральский день 1952 г. вместе с группой старых красноармейцев и командиров я побывал под Псковом, в тех местах, где сражался наш полк. Принял участие в торжественной закладке камня на месте будущего памятника.

Тогда на камне высекли надпись: «Здесь будет установлен памятник на месте боев первых регулярных частей Красной Армии, которые 23 февраля 1918 г. геройски сражались под Псковом и остановили продвижение войск германского империализма, рвавшегося к колыбели пролетарской революции — городу Ленина».

На этих торжествах я встретил много товарищей, вместе с которыми сражался в те памятные дни под Псковом, Ревелем (Таллином) и Нарвой. О многих из них я долгие годы ничего не знал. Встреча была радостной, сердечной. Ведь в те далекие грозовые дни большинство из нас получило серьезное боевое крещение в рядах нашей молодой армии.

И вот в 1968 году мы увиделись снова на открытии памятника в Пскове. Это были незабываемые торжества. В ряду с нами, ветеранами первых боев с интервентами, стояли наши сыны — участники Великой Отечественной войны и внуки — молодые парни — военнослужащие, что родились после войны и видели только мирное небо Родины. После таких встреч мне всегда хочется рассказать молодежи о том, как нелегок был путь старшего поколения, как трудно было завоевать ему свободную и счастливую жизнь.

Много лет прошло с тех пор, минули дни нашей боевой юности, а кажется мне, старику, что это было вчера. Память сохранила ход событий, образы людей, многое из того, что пришлось пережить тогда...

Сейчас каждый юноша и девушка, имей они только желание, могут идти учиться куда угодно, могут получить любую специальность. Мне же пришлось начинать свою сознательную жизнь до революции. А тогда для сына бедного крестьянина, каким был я, так же как для сына рабочего, совсем не просто было найти свое место в жизни.

Очень хотелось учиться. Еще в отрочестве мечтал я об университете, но даже среднее образование было недоступно человеку без средств, к тому же выходцу из трудовых классов. Аттестата зрелости, как я ни бился, получить не удалось. Окончил высшее начальное училище в Кургане (это соответствует примерно нашей школе-семилетке), одновременно работал, потому что у отца нас было шестеро и помогать мне он не мог. Затем поступил в Уральское горное училище в Екатеринбурге (теперь Свердловск), там готовили горнозаводских техников и штейгеров. Но какая это была учеба?! Каждое утро я просыпался с мыслью о еде. Однако не всегда имел возможность даже хлеб купить. Голодал. Много времени уходило на поиски заработка. Поэтому учиться как следует не мог. В итоге не выдержал переводного экзамена на второй курс и вынужден был оставить училище.

Летом 1913 г. поступил рабочим на Сергиевско-Уфалейский горный завод. К осени в моем кармане имелось восемнадцать рублей, накопленных в результате жесткой экономии. Приехал в Омск и поступил на вечерние землемерные курсы. Мне хотелось быстрее приобрести специальность, зарабатывать на жизнь, чтобы иметь возможность учиться дальше. Но и в Омске жизнь была дорогой. Опять пришлось и учиться и работать: копал землю, бурил колодцы, забивал сваи. И так ежедневно — с шести утра до шести вечера. Но моя судьба никого не интересовала.

С большим трудом я все же окончил курсы. Это было весной 1915 г. В это время шла война, в армию досрочно призывались юноши моего возраста. И вот в Омске за мной закрылись ворота казармы, я стал рядовым запасного полка. Здесь окончил учебную команду и был произведен в ефрейторы, а затем в младшие унтер-офицеры.

В царской армии офицерство составляло касту, офицерский чин был привилегией правящих классов — туда нелегко допускались люди из народа. Но в военное время, когда офицеров не хватало, многих грамотных рабочих и крестьянских парней посылали в офи-

церские школы. Так и я попал в 1-ю Иркутскую школу прапорщиков и, окончив ее, стал младшим офицером.

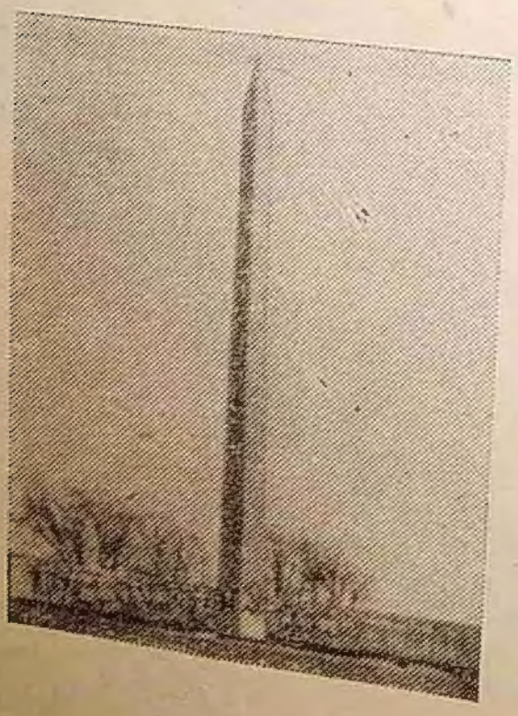
Ранней весной 1916 г. я прибыл в действующую армию на Северный фронт. Мой 56-й Сибирский стрелковый полк 14-й Сибирской стрелковой дивизии 6-го Сибирского корпуса 12-й армии стоял юго-западнее Риги.

Мне тогда едва исполнилось двадцать лет. В политических событиях я почти не разбирался. Однако вместе с ростом революционного сознания народа менялось и мое мировоззрение.

Почти два года провел я на фронте. Своими глазами видел, как разваливалась царская армия, пробуждалась и росла политическая сознательность солдат.

После Октябрьской революции, когда победившие и взявшие в свои руки власть рабочие и крестьяне стали создавать новую армию, армию революционного народа, рота, которой я командовал, в полном составе вступила в Красную Армию и участвовала в первых ее боях.

Вот о том, что пришлось мне увидеть на фронте первой мировой войны — о разложении старой, царской и зарождении новой, социалистической армии, о ее первых боях и первых героях, о рядовых, нередко безвестных бойцах, и о командирах, руководителях сформированных подразделений и частей, о Владимире Ильиче Ленине — организаторе и вдохновителе молодой Красной Армии, — рассказал я тебе в этой книге, мой молодой друг.



Памятник первых побед Красной Армии в феврале 1918 г.

НАКАНУНЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

★ ★ ★

В ОКОПАХ СЕВЕРНОГО ФРОНТА

Прибыл я на Северный фронт в тот период, когда не только в армии, но и в тылу как-то забыли уже о первых победах русского оружия, настолько тяжела была горечь поражений. И Львов, и Перемышль, занятые нами в боях 1914—1915 гг., были вновь отбиты германскими и австрийскими войсками. К весне 1916 г. немцы захватили все наши крепости в Польше. Пала Варшава. Русские войска оставили Литву.

Мне казалось, что боевая жизнь на фронте должна быть очень напряженной. Но среда, в которую я попал, напоминала стоячее болото. Офицеры, с которыми пришлось столкнуться в полку, поразили меня своим равнодушием, безразличным отношением к службе.

Позиционная война, прошлые неудачи, тяжелая обстановка в стране создавали гнетущее настроение в действующей армии. Кадровых офицеров к тому времени оставалось мало. Большинство из них выбыло из строя в начале войны, когда велись активные боевые действия, а о сохранении резервов командование царской армии не позаботилось. Уже к концу 1915 г. основная масса командиров состояла из так называемых «офицеров военного времени». Оставшиеся еще в армии кадровые офицеры почти не занимались обучением молодых командиров.

В нашем полку 1-й ротой командовал морской офицер из запаса Сипягин. Высокого роста, в пенсне, он всегда был чисто выбрит и подчеркнуто вежлив.

Любитель поболтать, Сипягин не любил, однако, распространяться о том, как в бою под Цусимой во время русско-японской войны он попал в плен к японцам.

Самоуверенный и наглый Сипягин славился в полку как лгун и очковтиратель. Однажды он доложил начальству, что застава противника якобы выдвинулась на высотку в нейтральной полосе, между нашей передовой позицией и немецкой, и там закрепилась. Он тут же попросил разрешения выбить противника силами своей роты. Начальство согласилось и выделило в помощь роте два артиллерийских дивизиона.

Не лучше был командир и другой роты, капитан Имшенецкий. Еще перед войной он был представлен за выслугу лет к производству в подполковники. Но началась война, а по существующему тогда положению звание подполковника во время войны присваивалось только в действующей армии. Имшенецкий отправился на фронт «за подполковником». Однако тут ему дали в командование только роту, а это оттягивало получение нового звания. Капитан вечно ворчал и был зол на весь мир.

Мало чем отличался от Имшенецкого и другой кадровый офицер капитан Радашевский, который тоже прибыл на фронт в 1916 году за получением очередного звания.

Назначенный из дивизионного обоза на должность командира 7-й роты, Радашевский решил обойти ротный участок и ознакомиться с обстановкой. Но в это время противник произвел по нашим позициям огневой налет, и командир роты поспешил возвратиться в землянку. Другая попытка отправиться на передовую опять совпала с артиллерийским обстрелом. Увидев в этом «божье провидение», Радашевский вовсе отказался изучать ротный участок.

— Пусть это делают молодые офицеры, — сказал он, — а я поберегу себя для настоящего дела.

С тех пор Радашевский большую часть времени проводил в землянке; обычно он сидел на нарах босой и зычно покрикивал на вестовых и телефонистов:

— Эй, кто там закурил махорку? Холуи, хамы!..

Не зная чем заняться, Радашевский приказал всем солдатам роты приобрести сапожные щетки и чистить сапоги ваксой. Причем лично проверял выполнение это-

го приказа. Солдаты недоумевали: зачем понадобилась вакса, когда интендантство выдает для чистки сапог мазь из дегтя?

Подобные этим кадровые офицеры были не только в 56-м стрелковом полку.

Но основную массу офицеров составлял «прапорщик юный», как тогда распевали в модном романсе, то есть молодые люди, как и я, призванные в армию во время войны. За их спиной были гимназия, реальное или городское училище. Житейского опыта они не имели, а военного и подавно. Пройдя сокращенный курс школы прапорщиков или военного училища, они стали офицерами, но никто ни на фронте, ни в тылу не занимался повышением уровня их военных знаний и боевого мастерства.

Когда я прибыл на фронт, боевые действия велись вяло, активность проявляли лишь разведчики. Однако разведка не связывалась с подготовкой к серьезным действиям, а была своеобразным развлечением для офицеров, вроде спорта или охоты. Происходило это потому, что командование — штабы дивизий и армий — за редким исключением, разведкой не руководило. Все поиски намечались и проводились по инициативе и желанию самих младших офицеров. Солдаты хорошо относились к офицерам-разведчикам.

Большой популярностью пользовался начальник пешей разведки нашего полка поручик Василий Буслаев. До войны он был землемером и в армию пришел как прапорщик запаса. О его разведывательных поисках в дивизии складывались легенды.

Внешне Буслаев чем-то напоминал своего былинного новгородского тезку Буслаева. Был он крупным и статным кудрявым блондином, ходил вразвалку, носил большую окладистую бороду. Обращаясь к солдату, называл его «батенькой». В свою очередь, и солдаты за глаза дали ему кличку «Батенька».

Никогда Буслаев не бывал груб с подчиненными. К провинившемуся у него был особый подход. Вызовет его в землянку, прочитает нотацию, а затем, засучив рукав, покажет свою мускулистую руку и скажет полушутя — полусерьезно: «Ты, батенька мой, смотри, я никого не бью, но если позволишь что-либо подобное, стукну — и дух из тебя вон». Однако своей угрозы Бусла-

ев в исполнение не приводил. В полку его уважали и любили с ним ходить в разведку.

Бывший студент, а ныне командир 9-й роты подпоручик Семеньковский происходил из мелкобуржуазной семьи: где-то на Украине его мать имела небольшой сахарный заводик. По внешности Семеньковский был настоящий украинец : темноглаз, статен и чернобров. Солдаты его любили за веселый и общительный характер, красивую наружность и даже за смешное ругательство «мать ее сахарный завод!». Семеньковский был страстный картежник и часто ночами отлучался из роты к артиллеристам, предварительно доложив командиру батальона, что он уходит в разведку: «Какое-то строительство идет у немцев».

Резкую противоположность Семеньковскому представлял младший офицер пулеметной команды Урбанковский, также призванный из студентов. Этот был чванлив, даже на равных себе смотрел, как говорится, с «верхней полки». Ни солдаты, ни офицеры не любили его.

Кадровые офицеры замыкались в своей среде и по существу не желали знать ни младших офицеров, ни солдат. Младшие офицеры, хоть и в большинстве своем хорошо относились к солдатам, тоже держались обособленно, не знали душевного мира солдата. А в это время в армии шло массовое брожение, нарастали антивоенные настроения.

Состав офицеров нашей 8-й роты, в которой я тогда командовал взводом, мог в какой-то степени характеризовать вообще офицеров военного времени. Командир роты Люсинов был из сельских учителей. Младшие офицеры Павлов* — сын мелкого петербургского чиновника — окончил реальное училище, а Меркурьев — сын железнодорожного кондуктора из Забайкалья — до армии учился на краткосрочных бухгалтерских курсах. Исполняющий обязанности младшего офицера подпрапорщик Черкашин служил до войны гардеробщиком в Московском художественном театре. Черкашина между собой солдаты называли Стуколкин: он любил ночью при проверке тихо подкрадываться и бить заснувшего на посту солдата.

---

* Закончил Павлов военную службу в рядах Советской Армии.

В 6-й роте нашего полка служил подпоручик Марсеев — уральский рабочий. До призыва в армию он работал на Мотовилихинском заводе в Перми.

У нас с Марсеевым была общая заветная мечта — окончить университет, но оба не имели аттестата зрелости. «Буду учиться хоть до седых волос», — говорил часто Марсеев. Офицер он был подтянутый, требовательный и храбрейший из храбрых.

Подавляющее большинство офицеров военного времени не были трусами, желали воевать до победы. Они принадлежали к тем слоям ограниченно мыслящих русских патриотов, которых Ленин называл «добросовестно заблуждающимися оборонцами».

Командовал 56-м Сибирским стрелковым полком полковник Фукин. До этого назначения он занимал должность помощника командира по хозяйственной части. И это, видимо, больше соответствовало его подготовке и натуре. Став полковым командиром, он остался все тем же хозяйственником. Если, например, после боевой разведки обнаруживалось, что у солдата пропал подсумок или ремень, для командира полка успешный результат разведки терял свое значение.

Посещая занятия в ротах, Фукин всегда давал офицерам однотипное указание: упражнения лежа солдаты должны производить на разбросанной траве или сене — дабы не испачкать обмундирование.

В первые недели войны Фукин даже приказал все имевшиеся в полку пулеметы хранить в обозе и не давать на передовую, чтобы не потерять их в бою.

Как-то летом 1916 г., когда наш полк стоял на позиции вблизи Рижского залива, группа, которой командовал я, находясь в разведке, обнаружила несколько артиллерийских наблюдательных пунктов противника. Нейтральная полоса здесь проходила по густому сосновому лесу. Можно было незаметно проложить телефонный провод до того места, откуда вражеские наблюдательные пункты были хорошо видны, и с помощью артиллерийского корректировщика уничтожить их орудийным огнем.

Я доложил командиру батальона, а тот командиру полка. В целом Фукин одобрил план, но сказал:

— Зачем наводить телефонную связь, ведь провод в лесу может быть поврежден... — И приказал телефон-

ную линию заменить цепочкой солдат. Корректировщиком артиллерийского огня Фукин назначил меня, не имевшего в этом деле никакого опыта. Я сидел на верхних сучьях высокой сосны, с которой видны были наблюдательные пункты противника, а внизу, под деревом, начиналась цепь устных «телефонистов», располагавшихся один от другого на расстоянии пятидесяти-ста шагов. Живая линия связи протянулась через весь лес до нашей передовой позиции к командиру роты, у которого был телефон.

Как только снаряд нашей батареи разрывался, я кричал: «Перелет двести шагов!» или «Недолет сто шагов!» Солдаты передавали мои команды по цепочке. В лесу поднимался невообразимый галдеж и, конечно, не обходилось без путаницы. Все это напоминало известную детскую игру «испорченный телефон». Я передавал, например: «Двести шагов недолет». До командира батареи доходило: «Подать батарею вперед».

В окопах противника услышали шум, выслали разведку, и вся наша затея окончилась перестрелкой.

Ближайшими помощниками Фукина являлись командиры батальонов Бакич, Вегенер, Грушецкий и Багорский.

Кадрового офицера подполковника Бакича (впоследствии сподвижник атамана Дутова) солдаты ненавидели за рукоприкладство. Избивал он рядовых беспощадно и при этом настолько входил в раж, что глаза наливались кровью, а изо рта текла пена.

Зато в боевой обстановке Бакич был трусом. Когда в 1915 г. немцы впервые применили на фронте удушливые газы, он один из первых бежал с передовых позиций.

Командир полка (к его чести, надо сказать, не жаловал сторонников рукоприкладства) к Бакичу относился плохо и добился перевода его в другой полк.

На вакантное место командиром 1-го батальона прибыл подполковник (не помню его фамилии) — начальник одной из конвойных команд, еще хуже, чем Имшенецкий и Радашевский, подготовленный к должности строевого командира. Приняв батальон, он «доверительно» сообщил своему денщику, что теперь-то наверняка получит мечи и бант к имеющемуся у него ордену Владимира 4-й степени, который выдавался в мирное время без мечей и банта.

Командира батальона капитана Вегенера, храброго, грамотного в военном отношении офицера, роднила с Бакичем страсть к рукоприкладству. Всякий раз, когда полк выходил в резерв, полковник Фукин отправлял Вегенера «за превышение власти» на гауптвахту.

Подполковник Грушецкий считался в полку замечательным стрелком и отличным гимнастом. До войны он неоднократно получал призы за меткую стрельбу. Он был вежлив с солдатами, и те к нему относились неплохо. В то же время Грушецкий мало интересовался делами батальона и большую часть времени проводил за карточным столом.

Среди командиров батальонов нашего полка наиболее светлой личностью был полковник Багорский — человек умный, справедливый, серьезно и добросовестно относившийся к службе.

В русско-японскую войну Багорский в чине штабс-капитана неплохо командовал батальоном, после же войны ему не доверили командования даже ротой. Обидевшись, Багорский подал в отставку и несколько лет прослужил в банке, но приспособиться к условиям гражданского учреждения не мог и в 1913 году вернулся в армию.

Когда началась война, Багорский был назначен командиром батальона и уже в действующей армии произведен в полковники. Но до середины 1916 г. он оставался командиром батальона. Багорского любили солдаты и уважали офицеры.

В 1915 г. во время отхода 56-го Сибирского полка из Польши батальон Багорского, находившийся в арьергарде, немцы отрезали от гати, проложенной среди болота. Багорского в это время в батальоне не было, он замещал временно отсутствовавшего Фукина. Положение батальона было критическим. К тому же кончились боеприпасы. Вообще в те месяцы тяжелых боев боеприпасов на фронт поступало чрезвычайно мало. Часто солдаты выходили из трудных положений только за счет своей исключительной выдержки и храбрости. Так было и в тот раз. Батальон Багорского развернулся для боя. Солдаты по привычке спускали курки незаряженных винтовок, кляня начальство. Не растерялся фельдфебель 6-й роты. Он поднялся во весь рост и крикнул: «Рота, в атаку, за мной!» Весь батальон с криком «ура» бросился

на врага. Опешившие немцы разбежались, и батальон благополучно отошел через гать. Когда Багорский узнал о выходе батальона из окружения, он очень обрадовался и выехал навстречу.

Солдаты с удовольствием вспоминали, как их встретил батальонный, и уверяли, что видели слезы радости на его глазах, хотя встреча произошла ночью.

Но таких, как Багорский, было очень мало среди старших офицеров.

Изредка на передовые позиции, которые отстояли далеко от противника, приезжал начальник дивизии Довбор-Мусницкий*. Этот высокий пожилой генерал-лейтенант одевался под англичанина: носил френч, а вместо сапог — ботинки с обмотками. На околыше фуражки, неизвестно для какой цели, у него были укреплены шоферские очки. Его семенящая походка и необычный наряд вызывали насмешки солдат: они прозвали Довбор-Мусницкого журавлем.

По торжественным дням появлялся командир корпуса генерал от инфантерии Васильев. Могучий голос позволял ему здороваться сразу со всем выстроенным к его приезду полком.

Однажды на какое-то торжество в наш полк прибыл командующий 12-й армией Радко-Дмитриев. Этот генерал, болгарин по национальности, был неплохим оратором. За обедом он очень дельно обрисовал офицерам сложившуюся к тому времени военную обстановку на Западном и Восточном фронтах, чем произвел на нас благоприятное впечатление.

Радко-Дмитриева в армии уважали, он был одним из наиболее дальновидных генералов царской армии. Помню, как-то после смотра нашей 14-й дивизии он собрал командиров рот, а также младших офицеров и выступил перед нами с речью.

— Проведите мысленную линию взаимоотношений между офицерами и солдатами, — говорил Радко-Дми-

---

* Брат генерала Довбор-Мусницкого впоследствии стал организатором белополяков — польских легионеров.

триев. — Если будете держаться с солдатами выше этой линии, вы останетесь для них чужими и далекими, если опуститесь ниже этой линии, дойдете до панибратства, потеряете уважение солдата и власть над ним. Командиру роты нужно знать каждого солдата в роте, а младшим офицерам — во взводе и полуроте. Входите в их нужды, заботьтесь о них, если нужно, пишите даже за неграмотных письма родным. Спрашивайте, как живут их семьи, их дети.

До меня тогда не дошел истинный смысл этих слов. Позднее я узнал, что к 1917 г. из армии дезертировало более полутора миллиона человек. Радко-Дмитриеву казалось, что, если офицеры найдут подход к солдатам, армию удастся спасти от развала.

СОЛДАТЫ БОЛЬШЕ ВОЕВАТЬ НЕ ЖЕЛАЮТ

Первым командиром и ближайшим воспитателем солдата был унтер-офицер — основа и фундамент царской армии.

Однако уже в первый год войны почти все кадровые унтер-офицеры, так же как и офицеры, были перебиты. Когда я прибыл на фронт, в нашем полку их оставалось очень мало. Подобно нам, офицерам военного времени, младшие командиры были подготовлены ускоренным порядком. Всего за три месяца они проходили курс учебной команды в запасном полку или в самой действующей армии. Знаний и опыта у них было недостаточно, на фронте их никто ничему не учил. Довольно скоро после окончания школы они теряли полученные в ней знания и разница между ними и солдатами становилась лишь формальной. Унтер-офицеры из крестьян тяжело переживали разорение своего хозяйства, подолгу перечитывали невеселые письма из дому.

Нас, младших офицеров, обязывали прочитывать солдатские письма на родину. Полагалось следить за тем, чтобы солдаты не разбалтывали военных секретов. Эти

письма были проникнуты тоской по дому, беспокойством о тяжелом положении семей. «Повремени продавать корову, может, обойдетесь; продашь корову — ребят заморишь». «Лошадь не продавай, не на себе же будешь пахать. Если нужно, поклонись в ноги Ивану Матвеевичу, чтобы он ссудил под урожай семенами». «Покрепись еще малость, может, война кончится, я уцелею и приду. Ведь не вечно же она будет тянуться, рано или поздно, но конец будет».

Подобные настроения звучали не только в письмах; солдаты и унтер-офицеры все более открыто выражали свое недовольство затянувшейся войной.

Был в нашей роте старший унтер-офицер Седельников, призванный из запаса. Он участвовал еще в русско-японской войне. Сутулая фигура этого пожилого, уставшего, вечно ноющего человека производила на окружающих унылое впечатление. При нем солдаты не стеснялись вести антивоенные разговоры. Он не только поддакивал, но часто сам заводил такие беседы.

Иногда он обращался ко мне с вопросом:

— Когда же, ваше благородие, наконец, кончится эта проклятая война? Шибко надоела она, да и по своим соскучился. Работать некому, весь дом рушится: сын в армии, жена болеет — все хозяйство на молодухе.

Я казенно отвечал, что война кончится, когда победим немцев. Он грустно глядел на меня и, вздохнув, отходил.

Вторым взводом командовал старший унтер-офицер Строев, прошедший военную подготовку уже в ходе войны. Внешность этого мешковатого человека не соответствовала его фамилии. Он даже в присутствии своих подчиненных открыто выражал недовольство войной. К тому же он был еще и трус. После февральской революции, воспользовавшись заменой некоторой части фронтовиков тыловиками, Строев пристроился посыльным в полковой комитет.

Четвертым взводом командовал старший унтер-офицер Наумов. Этот всегда подтянутый, знающий командир был призван из запаса и так же, как солдаты его взвода, ненавидел войну.

По своему развитию Наумов был намного выше Седельникова и Строева. Если Седельникову война осточертела из-за усталости, а Строеву из-за трусости, то Наумов был настроен против нее сознательно. Однако

причины этого для меня так и остались загадкой. Во время декабрьского наступления Наумов как-то таинственно исчез из роты.

Командир роты и мы, младшие офицеры, знали об антивоенных настроениях в роте, но, видя исправную службу солдат, активно не боролись с этими настроениями.

В нашей роте выделялись два унтер-офицера. И авторитетом у солдат они пользовались, и дисциплина в их подразделениях была выше. Однако, как я заметил, уважение к ним меньше всего зависело от каких-то особых командирских качеств. Причины были совсем иные.

Во главе первого взвода стоял старший унтер-офицер Онучин. Он не окончил даже учебной команды, а был произведен в чин за боевые отличия как георгиевский кавалер. Жизнерадостный, смелый Онучин, которому было не более двадцати пяти лет, оставлял впечатление развитого и грамотного человека. До армии он работал в Петрограде на Путиловском заводе и уволили его оттуда во время войны за политическую неблагонадежность. Работа на Путиловском заводе освобождала от призыва в армию. Уволенного Онучина мобилизовали.

После Февральской революции я узнал, что Онучин — член большевистской партии. Уже позднее я понял, как он умело вел в полку революционную работу, разъясняя солдатам идеи партии большевиков.

Другой унтер-офицер, Гасников, был тоже питерским рабочим. В его взводе собрались наиболее смелые солдаты — ротные разведчики и гренадеры *. Гасников пользовался у них непререкаемым авторитетом и большой любовью. Он выделялся своей смелостью и умением быстро ориентироваться в сложной фронтовой обстановке. Гасников тоже оказался большевиком.

В годы войны большевистская партия создавала в царской армии и на фронте военные организации. Они разъясняли солдатам и матросам причины возникновения мировой войны, ее империалистический характер. Армейские большевики говорили солдатам, что выход из войны может дать народу только революция. Онучин и Гасников были представителями военных ячеек партии

* Гренадеры — солдаты, обученные метанию гранат.

большевиков в нашем полку. Но я, конечно, тогда об этом ничего не знал.

Апатия солдат, их усталость усиливались и теми настроениями, которые приносили в полк вновь мобилизованные.

Полк наш назывался Сибирским, но сибиряков в нем уже осталось мало: одни пали в бою, другие, будучи ранеными, после госпиталей не возвратились.

Пополнение шло из запасного полка дивизии, который стоял в Москве. Новые резервы набирались по преимуществу из внутренних губерний России. В основном это были крестьяне, которые, и не будучи на фронте, уже достаточно хорошо почувствовали что такое война.

В 1915 г. русская армия вела тяжелые оборонительные бои. Войска несли большие потери и нуждались в многочисленных пополнениях. Поэтому до предела сократились сроки подготовки солдат в запасных полках. Только что оторванных от земли крестьян даже не успевали как следует обучить военному делу. Да и винтовок было мало — одна на 10—12 человек. Люди приходили в полк, не имея никакого желания воевать, не понимая целей войны, к тому же и необученные.

На настроении солдат не мог не отразиться новый подъем рабочего движения, начавшийся летом 1915 г. Вести об экономических и политических забастовках в августе и сентябре 1915 г. дошли и до солдатской массы на фронте. В полках и ротах стали появляться листовки. Некоторые из них приходилось читать и мне. В них объяснялось, кому нужна война, кто от нее выигрывает. Листовки подписывала военная организация РСДРП(б). Солдаты с интересом читали и перечитывали и потихоньку обсуждали их. Всякое выступление против войны находило в сердцах живой отклик.

В декабре 1916 г. командующий нашей 12-й армией генерал Радко-Дмитриев отдал приказ войскам прорвать германские позиции на Рижском плацдарме и овладеть Митавой (ныне Елгава). Эта операция осуществлялась во исполнение союзнических обязательств русской армии, как часть общего плана военных действий союзников на 1917 г. Операция не могла дать больших шансов русским, проводилась с одной целью — сковать германские силы на Восточном фронте и облегчить тем самым положение союзников на Западе. Естественно, что она не на-

ходила поддержки даже среди офицеров, не говоря уже о солдатах.

Сразу же после получения приказа о наступлении в окопах появилось множество листовок. Большинство из них было написано от руки. В них говорилось: «Война нужна царю и кайзеру. Поднимайте оружие против царя, его министров и царских генералов». «Не будем зря проливать кровь», «Просидели лето без дела, а теперь в холод решили наступать: Летом раненого санитары подберут, а зимой замерзнешь». Листовки открыто призывали солдат не идти в наступление. В эти дни начались волнения в 17-м и 55-м полку нашей дивизии. Они отказались идти в наступление. Ни уговоры, ни угрозы офицеров на солдат не действовали. «Обороняться будем, противника не пропустим, но в наступление не пойдем»,— говорили солдаты.

Командование вынуждено было вывести 17-й и 55-й полки с передовых позиций в резерв. Над восставшими учинили жестокую расправу: в 17-м полку 167 человек было предано военно-полевому суду, 24 солдата расстреляны, десятки сосланы на каторгу. В 55-м полку тоже было расстреляно 13 солдат, многих отправили в военные тюрьмы.

Спустя много лет я познакомился с рапортом палача — генерала Довбор-Мусницкого на имя царя Николая II о событиях в 55-м полку: «Вашему Императорскому Величеству всеподданейше доношу, что в боях под Ригой 23 и 25 декабря стрелки некоторых рот 55-го Сибирского стрелкового полка отказались идти в бой и на увещевания офицеров грозили последним оружием. По моему приказанию в 15.30 25 декабря 13 стрелков 5-й и 7-й рот расстреляны перед строем... Расстрелянные — уроженцы преимущественно Пермской, Томской, Владимирской и Петроградской губерний. Дознание производится. Порядок восстановлен *.

Николай Кровавый наложил на рапорте резолюцию: «Правильный пример».

Однако недовольство солдат затянувшейся войной не везде выливалось в открытую форму. В частности, наш 56-й полк подчинился приказу и перешел в наступле-

---

* Центральный Государственной Военно-исторический архив (ЦГВИА), фонд 2262, том 1, дело 510, лист 26.

...ю расправу: в 17-м
...редано военно-полевому су
расстреляны, десятки сосланы на катор
тоже было расстреляно 13 солдат, мно
военные тюрьмы.

Спустя много лет я познакомился с ра
ча — генерала Довбор-Мусницкого на имя
лая II о событиях в 55-м полку: «Вашему Им
му Величеству всеподданейше доношу, что
Ригой 23 и 25 декабря стрелки некоторых ро
бирского стрелкового полка отказались идти
на увещевания офицеров грозили последним
По моему приказанию в 15.30 25 декабря 13
5-й и 7-й рот расстреляны перед строем... Расс
ные — уроженцы преимущественно Пермской, То
Владимирской и Петроградской губерний. Дознание
изводится. Порядок восстановлен *.

Николай Кровавый наложил на рапорте резолю
«Правильный пример».

Однако недовольство солдат затянувшейся войной
везде выливалось в открытую форму. В частности, на
56-й полк подчинился приказу и перешел в наступле

---

* Центральный Государственной Военно-исторический архив (ЦГВИА), фонд 2262, том 1, дело 510, лист 26.

ние. Перед началом Митавской операции я находился на офицерских курсах при штабе корпуса и ничего не знал об антинаступательных настроениях солдат.

В двадцатых числах декабря на курсы приехал генерал Радко-Дмитриев. Прекрасный оратор, он красочно объяснил нам цель операции, рассказал о наиболее приемлемых способах прорыва вражеской обороны. Мы с открытыми ртами слушали о внезапной атаке без единого артиллерийского выстрела, о быстром преодолении проволочных заграждений, о дружной штыковой атаке.

Увлекшись, он воскликнул: «Не руками, вы зубами должны рвать проволоку!»

Речь его нас зажгла, мы действительно были готовы руками и зубами рвать проволоку. Но в следующую минуту нас, разгоряченных до предела, сильно облили холодной водой, когда генерал предупредил: Вас, господа офицеры, это не касается. Вы будете исполнять учебу и находиться в офицерском резерве.

Наше настроение резко изменилось. Позиционная война, окопы, зеленая скука остаются. Не слаще было и на офицерских курсах, где целыми днями приходилось слушать нудные лекции по истории военного искусства, оснащенные примерами из жизни древних греков, римлян и т. д. Заманчивая перспектива покинуть курсы, окопы, опостылевшие прокуренные землянки заслонила собой возможные бедствия: огромные потери, муки и страдания раненых — все, что связано с наступлением.

Со всех сторон раздались просьбы направить на фронт.

— Ну что с вами делать?! — довольно пробасил Радко-Дмитриев.— Не могу я таких молодцов оставить в тылу. Быть по-вашему, и марш по своим частям.

Мы не заставили долго ждать себя. Через несколько часов я и несколько моих товарищей докладывали полковнику Фукину о нашем прибытии в часть.

— Оставьтесь в резерве полка, господа офицеры — опечалил прибывших Фукин.— Куда вас, — обратился он ко мне.— Командир батальона капитан Новицкий очень просил о вас. Будете в его батальоне.

И я стрелком пошел в 6-й Двинский.

Оказалось, что перед началом операции еще до моего возвращения, в бою

батальонного отряда разведчиков, гренадеров и саперов. На этот отряд была возложена труднейшая задача — проделать в проволочных заграждениях проходы, через которые батальон с наименьшими потерями должен был ворваться во вражеские окопы. Наступление, как и говорил командующий армией, начиналось внезапно, без артиллерийской подготовки.

Капитан Имшенецкий, принявший батальон после назначения полковника Багорского командиром одного из полков, не задумываясь, поставил меня командиром сводного отряда, даже не спросил, знаю ли я участок предстоящего наступления. Видимо, сказалось то обстоятельство, что я всегда возглавлял в батальоне разведывательные поиски и хорошо знал впереди лежащую местность в полосе всего полка.

Проходя вдоль переднего края к убежищу, где перед наступлением находился командир батальона, я увидел солдат сводного отряда, которыми мне предстояло командовать. Отряд состоял из пяти взводов рот; во взводы входили отделения гренадеров и разведчиков.

В убежище, кроме капитана Имшенецкого, я застал всех командиров рот нашего батальона, получавших последние указания перед боем. Доложив о прибытии, я скромно отошел в сторонку.

— Сюда, сюда,— приказал мне Имшенецкий, указывая на место рядом с собой.— Вы у нас сегодня именинник. Если ваши солдаты своевременно не проделают проходы, висеть нам всем на проволоке.

— Мне очень хотелось бы наступать, господин капитан, со своей ротой, со своими взводами,— ответил я.

— Не отказывайся,— зашептал мне тревожно поручик Марсеев.— В случае чего, проволоку будем резать вдвоем.

Я тогда не понял смысла его слов, так как не знал настроения солдат. А Марсеев, видимо, подумал, что я отказываюсь из-за боязни непослушания солдат.

Марсеева поддержали командиры рот. Все они в один голос упрашивали меня возглавить это трудное, но очень ответственное дело, от которого во многом зависел успех атаки, жизнь или смерть сотен людей.

— Ты имеешь уже большой опыт, — говорили мне.

Я попросил разрешение выйти и поговорить с солдатами отряда, которым предстояло идти на труднейшее

дело. Подойдя к сгрудившимся у брустверов насыпных окопов гренадерам и разведчикам, я молча пробился в их гущу.

— Мы радовались за вас, ваше благородие, что вы на курсах. А вы, оказывается, опять с нами,— проговорил кто-то из солдат. Затем наступила тишина. Все чего-то ждали.

— Ребята,— начал я.— Командир батальона назначает меня командиром вашего отряда. Нам предстоит непосредственно перед атакой проделать проходы в проволочных заграждениях немцев. Задача очень ответственная. От ее выполнения зависит успех не только нашего второго батальона, но и первого, который будет двигаться вслед за нашим и развивать прорыв влево. Мы не раз пробивались с вами через такие же заграждения, когда ходили в разведку. Но тогда мы отвечали сами за себя, а теперь от нас зависит жизнь сотен наших боевых друзей. Прежде чем принять назначение, я решил повидаться с вами и убедиться, что вы пойдете со мной на это опасное дело и с честью выполните боевую задачу.

— Выполним, ваше благородие. Не подведем. Резать проволоку нам не впервой,— ответил за всех командир отделения разведчиков 8-й роты Гладких.

— И нам с вами будет веселей,— сказал кто-то из разведчиков.

— Без меня в разведку ходили? Есть ли какие неизвестные нам изменения в обороне противника? — спросил я у Гладких.

— Ходили, и не раз,— спокойно ответил опытный командир разведчиков.— По-прежнему три полосы проволочных заграждений, по четыре ряда кольев в каждой полосе.

— Ну что ж! Привык я с вами на опасное дело ходить, пойду и на этот раз,— сказал я и направился к командиру батальона.

Вскоре я вернулся в отряд и вместе с солдатами начал разрабатывать конкретный план предстоящей массовой вылазки.

Два левых прохода должны были проделать саперы с помощью удлиненных зарядов, составленных из пироксилиновых шашек. Им предстояло под прикрытием темноты подползти к заграждениям противника, протолкнуть

под них заряды и зажечь бикфордов шнур. Как только пламя достигало зарядов, шашки взрывались и разрывали колючую проволоку.

Два правых прохода в проволочных заграждениях было приказано прорезать ножницами группе гренадеров под командой Гасникова. На случай замены выбывших из строя его людей я организовал еще две группы, которым приказал двигаться в затылок гренадерам, в пятидесяти шагах одна от другой.

Только после Февральской революции я узнал, что во время выхода нашего отряда на боевое задание солдаты головных 6-й и 8-й рот намеревались задержать гренадеров и разведчиков. Но, видимо, уважение, которое солдаты питали ко мне и к поручику Марсееву, удержало их от этого.

Указав направление гренадерам Гасникова и саперам, которых вел Гладких, я пошел между этими группами и немного впереди. Сейчас я задумываюсь: а поступил бы я так, если бы знал о нежелании солдат идти в наступление и о возможности получить пулю в затылок?

Да, поступил бы именно так. Я уверен, что, несмотря ни на какие настроения, ни у одного из солдат не поднялась бы рука на человека, с которым они много раз вместе смотрели смерти в глаза. Грош цена командиру, не верящему в своих солдат, допускающему возможность выхода их из повиновения. Это может случиться лишь с тем, кто идет вразрез коренным интересам солдат, становится на их пути к своему социальному и политическому освобождению. Так случилось в дни Февральской революции со многими неплохими командирами, не понявшими очистительной природы революции и не поддержавшими солдат.

...Стояла тихая морозная ночь. На небе — ни одной тучки, лишь яркие, крупные звезды. Кругом царила непривычная для слуха и какая-то настороженная тишина.

Разрезать проволоку оказалось значительно труднее, чем мы предполагали, так как через нее был пропущен электрический ток. К тому же противник вскоре обнаружил нас и, осветив местность прожектором, открыл сильный ружейный и пулеметный огонь. Преодолев все трудности, отряд довольно быстро проделал проходы и обозначил их электрическими фонариками. Роты пошли в атаку.

В первой линии нашего батальона наступали 6-я и 8-я роты. Когда командир 6-й роты поручик Марсеев поравнялся со мной, длинная очередь станкового пулемета противника разорвала тишину. За время проделывания проходов это была уже не первая очередь. И я хорошо знал, что пули полетят в нашем направлении.

— Ложись,— крикнул я и бросился на снег. Поручик неохотно последовал моему примеру.

— Сбил меня с толку,— проворчал Марсеев.— Я хотел захватить окопы противника, наступая во весь рост, ни разу не применяясь к местности.

— А зачем это показное ухарство,— сказал я.— Вот расстреляет всю ленту вражеский пулеметчик, тогда поднимай роту и — вперед!

Рота Марсеева успешно овладела вражескими окопами, но сам командир, следовавший девизу «не кланяться вражеским пулям», был ранен в бою в глубине обороны.

Не повезло и мне. В разгар боя меня словно кирпичом ударило в левую стопу и я свалился в рыхлый снег. Одновременно вблизи разорвалась вражеская ручная граната. Я схватился за ногу — цела. Попытался встать. Но кровь, хлынувшая в носок сапога, заставила снова опуститься на землю.

— Ранены, ваше благородие? — подбежал ко мне гренадер из 8-й роты.— Сейчас я вас вынесу.

У меня сразу же мелькнула мысль об уставе, который запрещает бойцу без приказа оставлять свое место в боевом порядке. И, забыв другое положение, согласно которому солдат, вынесший раненого офицера из-под огня противника, награждается георгиевским крестом, я отказался от товарищеской услуги гренадера.

Солдат тем не менее до конца выполнил свой воинский долг. Прежде чем вернуться к атакующим, он нашел на местности небольшую выемку и перенес меня в нее. Теперь пули противника были для меня безопасны. Но выемка скрыла меня от глаз санитаров, и я почти закоченел, когда саперы, проделывавшие проходы в проволочных заграждениях левее группы Гасникова, случайно наткнулись на меня. Рана оказалась серьезной, и я попал в госпиталь.

На участке 4-го батальона гренадеры не смогли полностью проделать необходимые проходы в заграждени-

ях противника. Командиры рот приказали рубить проволоку лопатами. А там, где это не удавалось, солдаты бросали на нее свои шинели и таким образом преодолевали заграждения.

Когда в ходе боя из строя выбыли все офицеры 8-й роты, ее возглавил старший унтер-офицер Онучин. Боевая задача была решена успешно. За проявленные в бою храбрость и инициативу Онучина наградили третьим Георгиевским крестом.

В то время я смотрел на Онучина и Гасникова лишь как на исправных солдат.

Позднее я понял другое.

Большевики не сумели отговорить полк от участия в наступлении и, когда он подчинился приказу, сделали все, что было в силах, чтобы уменьшить потери. Гасников в сложнейшей боевой обстановке проделал проходы в проволочных заграждениях для солдат правофланговой роты, а Онучин, когда офицеры во время боя выбыли из строя, принял на себя командование ротой.

Наши наступающие части прошли тактическую полосу, захватили огневые позиции артиллерии противника, но дальше продвинуться не смогли.

В то время как солдаты под командованием унтер-офицеров и младших офицеров самоотверженно дрались с врагом, полковник Фукин со своим штабом отсиживался в убежище. У него даже не возникло мысли перенести командный пункт поближе к району боевых действий.

Командир 2-го батальона Имшенецкий вместо того, чтобы руководить ротами, уселся с вновь прибывшим из конвойной команды командиром 1-го батальона на сбитое снарядом дерево и они начали распивать коньяк. Изрядно захмелев, батальонные принялись крестить друг друга, целоваться, поздравлять с победой, до которой еще было далеко. В общем, боем никто не руководил. Но этим воякам тоже не повезло: при отступлении оба попали в плен.

Молодцом держался в бою капитан Радашевский, но с ним получился курьез. При отступлении он завяз в глубоком снегу и в темноте не нашел проделанного нами прохода. Капитан подполз под проволоку и застрял.

— Помогите мне, братец! — обратился он к пробегавшему мимо солдату.

— А ваксы не хочешь? — крикнул тот и побежал дальше, но потом все же вернулся и помог выкарабкаться командиру роты.

Противник перешел в контратаку и отбросил нашу дивизию.

Операция, известная в русской военной истории под названием Митавской, началась отлично. Части 12-й армии осуществили тактический прорыв, но развить его в оперативный не сумели.

Я очень переживал неудачный исход Митавской операции, но причины его узнал позднее.

Командование Северным фронтом не имело единства взглядов. Командующий 12-й армией генерал Радко-Дмитриев настаивал на решительных действиях. Главнокомандующий же фронтом генерал Рузский разрешил проводить операцию армии в расчете только на свои силы, «в смысле боевой практики для войск», как он указал в приказе. Высшие военачальники не верили в успех операции, еще до начала считали ее проигранной и не подготовили резервов для развития успеха.

Расправа с восставшими 17 и 55 полками, неудача наступления окончательно убили веру в победу и внесли еще большее уныние и озлобленность в солдатские массы.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. СОЛДАТСКИЕ КОМИТЕТЫ

Февральская буржуазно-демократическая революция застала меня в госпитале. С утра до вечера в нашем отделении не прекращались жаркие споры.

Революция разделила обитателей госпиталя на два лагеря. Основная масса раненых была настроена против царского правительства и восторженно встретила весть о его свержении.

Когда было опубликовано сообщение о создании Комитета Государственной Думы, многим раненым офицерам показалось, что этот комитет и есть самое «архиреволюционное» правительство. На самом деле он состоял из архиреакционных представителей промышлен-

ного капитала и помещиков, пытавшихся удержать власть в своих руках, не допустить к ней народ.

Из этого комитета в госпиталь пришла бумага с просьбой подписаться под ней тем, кто признает комитет. Многие из нас, не разобравшись, «подмахнули» документ. Узнав об образовании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, мы даже не подумали, что Советы и есть истинная форма народной власти.

Молодой священник госпиталя бегал по палатам и спрашивал:

— Как теперь служить обедню, право, не знаю? Раньше я провозглашал здравицу в честь его императорского величества, а теперь в честь кого? Что происходит? Не пойму...

Ему советовали:

— Служите за здравие народа. Не ошибетесь...

А в России происходили события, многие из которых были тогда не понятны и нам, молодым офицерам.

В Петрограде и по всей стране образовалось два органа власти: Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — орган восставшего народа и Временное правительство — орган буржуазии и помещиков.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов издал знаменитый в то время «Приказ № 1», устанавливающий выборы солдатских комитетов во всех ротах, батальонах, полках, батареях и на кораблях военного флота. Отменялось титулование генералов «вашим превосходительством» и офицеров «вашим благородием».

С образованием солдатских комитетов в армии, как и в стране, установилось двоевластие. Говорили, что в проекте приказа был еще пункт о выборности командиров, но в последний момент по настоянию меньшевиков его исключили. Однако фактически назначение командиров в армии стало происходить только с согласия солдатских комитетов.

С солдатским комитетом мне пришлось столкнуться в первый же день по возвращении в полк.

Мне вручили приказ принять роту, но не 8-ю, в которой до ранения я был младшим офицером, а другую — 5-ю. Едва я приступил к просмотру ротных книг, переданных временным командиром роты, прапорщиком, недавно прибывшим из военного училища, как открылась

дверь землянки и в нее вошли трое солдат. Один отре.
комендовался:

— Председатель ротного комитета. Честь имею. А эти товарищи — члены комитета.

— Очень приятно. Что скажете?

— Мы вот с какими заявлениями пришли, господин капитан *,— обратился ко мне председатель.— Знаем мы вас с неплохой стороны. Служили вместе в одном батальоне. Даже уважали вас. Но все же покорнейше просим роту не принимать, а прапорщика просим роту не сдавать.

— Как так не принимать? Есть же приказ командира полка.

— Скажите, мол, рота не желает, и все тут,— невозмутимо заметил второй член комитета.

— Совершенно правильно,— охотно согласился третий.

— А как же быть с приказом командира полка?

— А никак...

Подавляя задетое самолюбие, я вышел из землянки, ничего не сказав.

Меня догнал знакомый фельдфебель и, боязливо озираясь, вполголоса заговорил:

— Что тут только было до вас, господин капитан! Как только рота узнала о вашем назначении, будто с ума все сошли. Созвали митинг. Кричат: «Не надо его принимать. Он роту в наступление уведет, с ним ничего не поделаешь!» А еще говорят: «Теперешний прапорщик хотя еще и не воевал, но это неважно. Воевать мы все равно не собираемся. Зато он роту слушает».

Фельдфебель остановился и, наклонившись к моему уху, тихо сказал:

— Да к тому же, по слухам, вы кадет...

— Какой кадет?

— Да тут... говорят,— неопределенно махнул рукой фельдфебель.

В общем, пришлось вернуться в прежнюю 8-ю роту снова младшим офицером, а затем ее командиром.

Вскоре выяснилось недоразумение насчет моего «кадетства». В день отъезда на фронт я в ожидании поезда

---

* Штабс-капитана в старой армии при обращении называли капитаном.

ходил по Царскому Селу. На фасаде дома увидел объявление о митинге с участием членов Государственной думы Милюкова, Родичева и Винавера. Чтобы скоротать время, отправился на митинг. В первых рядах небольшого зала сидела нарядная публика — городское мещанство, лавочники, чиновники, а в последних рядах — очень немного рабочих и солдат.

Митинг уже начался. Выступал Милюков. Фамилия эта была тогда известна всем, но я, например, не знал, что он является лидером крупной буржуазии, заинтересованной в захвате чужих земель.

Милюков говорил самоуверенно и красиво. Когда он закончил, стали задавать вопросы. Солдаты спрашивали, когда заключат мир, дадут ли землю. Милюков что-то пробормотал о выкупе. В задних рядах загудели.

Меня очень удивило, что Милюков не мог вразумительно ответить ни на один вопрос. Он вдруг как-то стушевался, обмяк и поспешно предоставил слово Родичеву. Этот говорил еще более цветисто, призывая воевать до победного конца. Изобразив на своем лице страдальческую мину, он патетически восклицал:

— Что подумают о русской армии англичане и французы, когда на них перейдут в наступление немцы? Нашим друзьям-союзникам будет тяжело, они обратятся к России за помощью, а им ответят: «В России митингуют — воевать или нет?»

Какой-то солдат с места крикнул:

— А как же мы себя чувствовали в девятьсот пятнадцатом году, когда без снарядов и патронов одними штыками отбивались от наступающих немцев? Нам никто не помогал. А в газетах мы читали: «На Западном фронте без перемен».

С ответом снова произошла заминка.

Приближалось время отправления поезда — пришлось покинуть митинг, не дождавшись его окончания. Тут же в газетном киоске я накупил всякой литературы, чистосердечно желал сделать что-либо приятное солдатам своей роты. А литература эта оказалась сплошь кадетской.

Восьмая рота с самого начала Февральской революции находилась под влиянием большевиков. Недаром в нашем полку она считалась ненадежной.

Естественно, что солдаты сразу же разобрались в содержании привезенной литературы.

— Так вот, оказывается, кто он такой! Одно слово — кадет,— возмущались они.

В конечном счете все разъяснилось. Мы посмеялись над этим недоразумением вместе с Онучиным и Гасниковым, которые рассказали мне, как был послан делегат в 5-ю роту сказать, что я кадет и принимать меня командиром не нужно.

После митинга в Царском Селе и истории с кадетской литературой мне стала понятна вся лицемерность заверений кадетов. Но в программах других партий я еще не разобрался. А партий в то время было много, немудрено запутаться.

Многие младшие офицеры воспринимали революцию как ураган, сокрушающий оплот старого, но мало представляли себе, что же будет дальше.

После февраля оказалось, что некоторые офицеры, в основном из бывших студентов, состоят в партиях меньшевиков или эсеров. Они сразу же включились в активную политическую работу и начали занимать ключевые позиции в ротных и полковых солдатских комитетах, создавая в них значительную прослойку так называемых оборонцев.

Большевиков или примкнувших к их платформе среди офицеров было мало. Тем заметнее оказалось прибытие в 56-й Сибирский стрелковый полк солдат-большевиков Лезина, Семикова и Сандалова. 1-й пулеметный полк, в котором они служили до прибытия к нам, 3 июля 1917 г. одним из первых вышел на улицы Петрограда и вместе с другими революционными демонстрантами потребовал передачи всей полноты государственной власти в руки Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Временное правительство жестоко расправилось с революционным полком. По приказу Керенского всех пулеметчиков, кроме реакционных офицеров, в штрафном порядке отправили на фронт с лишением права голоса при выборах в Учредительное собрание.

Неприветливо встретили солдат-большевиков и реакционные офицеры нашего полка. Сразу же предупредили их, что за большевистскую агитацию по законам Временного правительства предусматривается смертная казнь. К тому же руководство полковым и ротными солдатскими комитетами было захвачено меньшевиками

М. А. ЛЕЗИН

и эсерами, которые активно поддерживали Временное правительство.

Несмотря на жестокий террор и массовые репрессии, установленные в армии Временным правительством, преследования реакционных офицеров и их меньшевистско-эсеровских подголосков, большевики развернули в полку активную политико-агитационную деятельность.

Вот как описывает первые дни своей агитационной работы старый большевик, бывший председатель полкового солдатского комитета 56-го Сибирского полка Михаил Андрианович Лезин.

«Находясь в окопах вместе с солдатами-фронтовиками, мы рассказывали им втайне от офицеров правду о Ленине, об истинных причинах июльского выступления рабочих и солдат в Петрограде. Вскоре получили мы решение VI съезда партии большевиков, давшего нам четкую ориентацию. Курс партии на подготовку вооруженного восстания против Временного правительства отвечал думам и настроениям солдат, которым надоела империалистическая война. Всех глубоко взволновали слова выпущенного съездом манифеста:

«Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!»

Нелегально доходившие до окопов большевистские газеты помогали нам привлекать на свою сторону все новых и новых солдат» *.

Действительно трудно было не заметить, как росла политическая активность раньше забитого, безответного солдата. Офицеров уже не удивляло, что солдаты имеют свое мнение и не боятся высказывать его.

В это время я впервые познакомился с большевистской литературой. У нас в окопах нередко можно было прочесть газеты «Солдатская правда», «Окопная правда», а иногда и «Правду». Лозунги большевиков о немедленном прекращении войны, о передаче крестьянам земли находили живой отклик в сердцах солдат. Большевистские газеты были очень популярны. Их читали буквально до дыр, бережно хранили, и я ни разу не видел, чтобы из них свертывали самокрутки, — для этого находилось много других газет.

Понимая, что солдаты устали от войны, что она им смертельно надоела, я, однако, считал позорным добиваться мира, пока не достигнута победа. Мое политическое развитие тогда было очень низким, и мне даже в голову не приходило, что война может вестись за несправедливые интересы. Считал: надо защищать родину, но в то же время чувствовал — чего-то не понимаю, и это мучило меня.

Часто спорил с командирами взводов Онучиным и Гасниковым. Для них все было ясно. Они старались убедить меня в правоте своих идей, говорили: пора заключать мир. Споры наши кончались тем, что каждая сторона оставалась при своем мнении. Несмотря на это, работали мы дружно. Все мои приказы по боеготовности роты Онучин и Гасников выполняли точно.

Я видел, как росло среди солдат влияние большевиков, а вместе с ним росло недоверие к распоряжениям Временного правительства и приказам вышестоящего начальства.

Помню, начальник нашей дивизии, сменивший Довбор-Мусницкого, объявил какой-то очередной приказ Керенского, совмещавшего в ту пору функции премьер-министра, главнокомандующего и военного министра.

---

* М. Лезин. Воспоминания большевика. Татар. издат. Казань, 1961, стр. 24.

Открытка-плакат «Митинг в дни Февральской революции»

В конце приказа начальник дивизии по старинке прибавил: «С богом, за дело!» До революции этими словами было принято заканчивать приказы перед наступлением.

Солдаты заволновались. «Уже не наступление ли готовят?» — говорили они. Полк, стоявший в это время в резерве, вынес на своем митинге постановление: «Вызвать начальника дивизии и потребовать объяснения».

Перепуганный начальник дивизии вынужден был предстать перед полком и, волнуясь, пояснил, что наступления не предвидится, а слова в конце приказа вставлены по привычке.

Через некоторое время наш полк занял оборону. 8-я рота была в резерве командира батальона. Как-то приехали к нам представители исполкома Советов солдатских депутатов 12-й армии — меньшевики во главе с Накоряковым. До революции 1905—1907 гг. он был большевиком, а потом, в годы столыпинской реакции, растерялся, примкнул к ликвидаторам и летом 1917 г. стоял на меньшевистских позициях.

Воспользовавшись тем, что наша рота находилась в резерве, большевики из полкового комитета предложили провести митинг в ней, а из других рот пригласить делегатов. Это предложение приняли, и большевики начали подготовку. Сразу во все ротные комитеты были посланы гонцы, чтобы обеспечить присутствие на митинге сочувствующих большевикам.

Когда подошли все делегаты, я построил роту. Председатель ротного комитета и член полкового комитета Онучин сказал собравшимся:

— Придут к нам в роту подголоски буржуазии, будут напевать, что надо нам воевать до победы. Они, как и буржуи, чужими руками воевать хотят, нашими руками. Ну, мы им разъясним, что к чему. Верно, товарищи?

Слова эти были встречены одобрительным гулом.

И вот начался митинг. Накоряков говорил о необходимости продолжать войну, пока не разгромим Германию и Австрию. Оратор он был неплохой, и все же ему никак не удавалось установить контакт с аудиторией. Слышались возгласы:

— Долой!

— Не хотим воевать!

— Даешь землю!

Накорякова не слушали, перебивали.

— В роту иди, если воевать хочешь! — кричали солдаты.

— Посмотрим, надолго ли тебя хватит! — со злостью сказал пожилой солдат, стоявший около Накорякова.

— Ничего ты не понимаешь, — ответил тот и пренебрежительно махнул рукой.

Солдаты возмущенно зашумели.

Накоряков вынужден был сойти с трибуны, так и не закончив свою речь.

Слово взял Онучин. Сразу стало тихо,

— Слушали мы тут, как Накоряков о войне хлопочет. Говорит нам, что нужно воевать до победного конца, а сам и пороха не нюхал, и голода не переносил, и в зимние ночи в окопе не мерз. Чтобы узнать, тяжело ли лошади воз вести, нужно на себя хомут надеть. Кричишь ты, господин Накоряков, чтобы русский мужик на противника лез да на барина работал, а сам в кусты прячешься.

Солдаты зааплодировали Онучину.

— А теперь, товарищи, вот что скажу. Все вы знаете, что не так давно нам на полфунта паек хлебный урезали. Хлеба, говорят, нет в стране. Если это так, пусть нам Накоряков ответит: почему Временное правительство приказало больше пяти миллионов пудов хлеба свезти в Архангельск для отправки англичанам? А транспорта в Архангельске не оказалось. Лежит нынче этот хлеб там и гниет. Не потому ли рабочий класс в Питере и других больших городах голодает? И на фронте нечего есть, паек урезан. А капиталисты на этом наживаются. Им-то и нужна война.

И снова поднялись крики:

— Пусть в роту идет! В роту!

Пришлось Накорякову сдаться. Но, видно, беседы, которые он имел с солдатами, были малоприятны. Уехал он с позором и больше уже в полку не появлялся.

К концу июля 1917 г. участились случаи братания между русскими и немецкими солдатами. Наши не знали немецкого языка, а немцы—русского, и все же они всегда умели договориться.

Между русскими окопами и немецкими проволочными заграждениями был давно уже проделан узкий проход. На нейтральной полосе отгородили небольшую площадку и поставили столбик с довольно странной надписью: «Место скопления». Здесь и происходили встречи.

Русские приносили хлеб, мыло, табак, немцы — губные гармошки, сигары, перочинные ножи, электрические фонарики. Иногда появлялся переводчик. Солдаты быстро находили общий язык. Говорили они большей частью о том, что войну пора кончать.

По правде сказать, встречи эти мне не нравились, но помешать им было не в моих силах.

Офицеры других рот спрашивали у меня, как я живу с ротным комитетом: ведь он целиком состоит из

большевиков. Ответ мой был вполне правдивым: «Хорошо».

Я жил в одной землянке с членами солдатского комитета, большевиками, воевал с ними два года и могу сказать: это честные люди и хорошие солдаты.

Что делали члены ротного комитета? Вместе с офицерами они проверяли, как солдаты несут службу, следили за чистотой в землянках, за содержанием оружия, качеством пищи, за тем, чтобы офицеры не допускали грубости к подчиненным.

В назначении командиров отделений и взводов слово ротного комитета имело решающее значение. Мне, например, ротный комитет не раз подсказывал, кого из солдат выдвинуть.

Но главное внимание, конечно, солдатские комитеты уделяли политическим вопросам.

В тот период я не понимал, что революция не закончена, что народу еще надо много сделать, чтобы завоевать полную свободу, и что большевики в армии готовят солдат к этой борьбе.

Огромное революционизирующее влияние на солдат оказали предательское поведение Верховного командования русской армии во время Рижской операции и позорная сдача Риги.

Противник начал наступление 1 сентября. Основной удар пришелся по левому флангу 12-й армии, где важный в оперативном отношении Икскюльский участок обороняла недавно сформированная 186-я пехотная дивизия. Она не смогла остановить неприятеля, и он без особого труда форсировал Западную Двину. Однако развить успех противник не сумел. Его наступление было остановлено на второй позиции.

На правом фланге армии оборонялся 6-й Сибирский корпус, в состав которого входила и наша 14-я стрелковая дивизия.

Корпус был вполне боеспособен и мог не только успешно отразить наступление врага, но и ударом во фланг и тыл разгромить его. Но нам неожиданно приказали оставить занимаемый рубеж. И, совершенно не испытывая давления противника, в течение 2 и 3 сентября корпус отошел на тыловые позиции, затем за реку Западную Двину и далее к северу за реку Гаую, на так называемую Венденскую тыловую позицию армии.

Никто из солдат и младших офицеров не понимал, что происходит; даже старшие офицеры терялись в догадках. А в это время по приказу Верховного главнокомандующего Корнилова войска 12-й армии оставили Ригу. Это был позорнейший в мировой военной истории случай, когда генерал намеренно сдал город без боя. Через три месяца, в декабре, я прочел опубликованный в большевистской «Окопной правде» разоблачительный документ — секретную телеграмму румынского дипломата Диаманди, находившегося в России при Ставке Верховного главнокомандующего, своему премьер-министру Братиану: «Генерал Корнилов сказал, что не нужно придавать большого значения взятию Риги. Генерал прибавил, что войска оставили Ригу по его приказанию и отступили потому, что он предпочитал потерю территории потере армии».

...Отходила дивизия сосновым бором. Слева, за рядами лесистых дюн, укрылся Рижский залив, справа раскинулось озеро, позади неторопливо текла река Гауя. Противнику неоткуда было появиться, да к тому же дивизию прикрывал арьергард. Но вдруг в колонне раздался чей-то истерический крик: «Немецкая кавалерия!» Его подхватили, и началась паника.

— Восьмая рота, ко мне! — подал я команду и стал посреди дороги.

Рядом со мной остановились ротные санитары. Подошли еще несколько солдат. Это были ветераны, участвовавшие в боях с первых дней войны.

Скоро возле нас собралась почти вся рота и мы рассыпались в цепь на небольшом пригорке. Время шло, а противник не появлялся. Оказалось, никакой немецкой кавалерии не было. Из лесу выехал конный ординарец командира полка, направлявшийся на мызу за молоком. Увидев его, какой-то трус крикнул: «кавалерия!», и два полка в панике побежали...

Об истинных причинах позорного, предательского поведения Верховного командования в дни Рижской операции я узнал значительно позже. Оказывается, русскому командованию были известны не только замыслы германцев, но даже направление удара и время начала операции. Можно было успешно отразить врага и предотвратить захват Риги. Однако генерал Корнилов придерживался противоположных взглядов.

Ярый монархист Корнилов требовал от Временного правительства предоставления ему диктаторских полномочий для борьбы с революционным движением, все более захватывающим народ и армию. Под видом защиты Петрограда от немцев он стягивал поближе к нему войска, надеялся задушить революцию. Сдав Ригу, Корнилов запугивал Временное правительство мнимой угрозой наступления германских войск на Петроград. Преследовал он и другую цель. Район Риги обороняла 12-я армия, в которой велико было влияние большевиков на солдатские массы. Потому-то Корнилов и готовился свалить вину за оставление Риги на революционных солдат и большевистскую партию.

Сразу же после сдачи Риги Корнилов начал мятеж, стремясь к захвату власти и установлению военной диктатуры. 8 сентября 3-й конный корпус двинулся на Петроград.

Узнав из столичных газет о контрреволюционном походе генерала Корнилова на Петроград, большевистская группа 56-го Сибирского полка нелегально собралась в деревенском овине. Гневно звучали голоса Семикова, Сандалова и других. Михаил Лезин внес предложение немедленно созвать ротные собрания и выразить солдатский протест корниловщине. Он же предложил, воспользовавшись благоприятным моментом, провести перевыборы солдатских комитетов полка. Собрание партийной группы поддержало эти предложения и наметило конкретный план действий.

В течение двух-трех дней во всех ротах и командах были проведены нелегальные читки большевистских газет, из которых солдаты узнали о контрреволюционной сущности корниловщины. После позорного отступления и предательской сдачи Риги солдаты начали активно поддерживать большевиков.

Большевики решили пойти в атаку на эсеро-меньшевистские комитеты.

Полковая партгруппа распределила между собой роты и команды полка для проведения перевыборов солдатских комитетов. Это оказалось нелегким делом, так как меньшевики и эсеры, находившиеся под влиянием реакционных офицеров, старались любой ценой сорвать эти собрания. Провести перевыборы все же удалось под предлогом обсуждения вопросов снабжения.

Большевики и сочувствующие им солдаты резко критиковали ротные солдатские комитеты, обвиняя их в плохой заботе об улучшении питания.

Старые комитеты были переизбраны, в большинстве случаев во главе новых оказались большевики или те, кто их поддерживал.

17 сентября на объединенном заседании полкового и ротных комитетов был избран новый состав полкового солдатского комитета. Во главе его стал большевик В. Д. Семиков, заместителем был избран большевик М. А. Лезин, член полковой комиссии по выборам в Учредительное собрание *.

Вопреки приказу Керенского полковой солдатский комитет провел частичные выборы командного состава. Все реакционные офицеры оказались забаллотированными и их откомандировали в штаб дивизии. Решением полкового комитета были отменены денщики, в полковом обозе ликвидированы специальные двуколки для перевозки и хранения вещей офицеров.

Успеху этих мероприятий во многом способствовал прогрессивно настроенный командир полка полковник Петров, сменивший полковника Фукина. Он часто обращался в полковой комитет за помощью, особенно когда дело касалось укрепления воинской дисциплины, повышения боеспособности полка.

По этому поводу наш полковой «философ» — пулеметчик Варфоломеев — сказал как-то заместителю председателя полкового комитета:

— А у вас получается лучше, чем я ожидал... То, что вам удалось вытурить из комитетов золотопогонников и этих болтунов-эсеров,— это еще туда-сюда, это, я бы сказал, и труда большого не представляло: всем они надоели... Но вот, чтобы сам полковник добровольно на поводке у большевиков шел — это для меня непостижимо!..

В результате еще до свержения Временного правительства 56-й Сибирский полк полностью оказался под влиянием ленинцев. Так большевики нашего полка проводили в жизнь линию своей партии, направленную на высвобождение из-под влияния меньшевиков и эсеров солдатских масс, на сплочение их под большевистскими

---

* ЦГВИА, фонд 2155, опись 1, дело 2, лист 68.

лозунгами. Усилиями сотен армейских большевистских организаций партия, по словам В. И. Ленина, имела на нашем фронте «ударный кулак» революции, который вместе с питерскими рабочими и моряками Балтийского флота обеспечивал партии подавляющий перевес сил в решающих пунктах, в решающий момент.

Все эти подробности я позднее узнал от Лезина, так как сам уехал в это время на родину в отпуск.

★ ★ ★

★

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ

★ ★ ★

БОЛЬШЕВИКИ ВЗЯЛИ ВЛАСТЬ

В дороге я узнал, что в Петрограде власть взяли большевики. Меня это не удивило. Из всех партий, представители которых имелись в наших солдатских комитетах, большевистская была самой последовательной и целеустремленной. И меньшевиков, и эсеров я считал болтунами, а на большевиков можно было положиться. Мне казалось, что они наведут в стране порядок. Смущало только их нежелание воевать. Правда, очень скоро пришлось убедиться, что большевики отрицают не всякую войну, а только несправедливую. Тогда я не понимал ни характера войны, ни ее целей, ни того, в чьих интересах она ведется. Просто считал, что на нашу Родину напали и мы должны защищать ее. Но откуда мне было знать, что русский царизм не меньше стремился развязать бойню, чем германский империализм. Лишь позднее я уяснил, что только с победой Октябрьской революции народ обрел свою подлинную социалистическую Родину, и большевики будут ее отстаивать до последней капли крови.

Получилось так, что, приехав домой, я сразу определил свое отношение к новой власти — признал ее сердцем, принял как свою. Во всех сложностях политики не разбирался, но уразумел главное: Советская власть — это власть народная. Какая же иная власть могла поставить во главе местного Совета таких людей, как Георгий Фролович Осипов и Григорий Назарович Тужихин. Для меня эти люди с детства были идеалом борцов за справедливость. В селе их очень уважали. Осипов работал

кочегаром паровой мельницы. Человек он был грамотный, к нему всегда шли за советом, даже старики. Будучи еще мальчишкой, я слышал от старших, что Георгий Фролович — революционер. Его преследовало царское правительство и, кажется, он даже сидел в тюрьме.

Тужихин был моим школьным учителем. К нему, своему первому воспитателю, я сохранил благодарность на всю жизнь. Он прививал нам самые высокие, благородные чувства: любовь к Родине, уважение к труду, честность, правдивость.

Человек он был очень деятельный, всегда что-то придумывал, о чем-то хлопотал. После поражения революции 1905 г., когда кулаки, которым Столыпин дал большие привилегии, особенно стали притеснять бедноту, Григорий Назарович решил создать в нашем селе маслоделательную крестьянскую артель. Он объяснил крестьянам преимущества и выгоды коллективного труда. Артель работала хорошо, изготовленные продукты продавала не через перекупщиков, а крупным фирмам. Как бесновались кулаки! Кооперация лишила их легкой наживы: они не могли уже скупать по дешевке молоко, платить крестьянам гроши за труд.

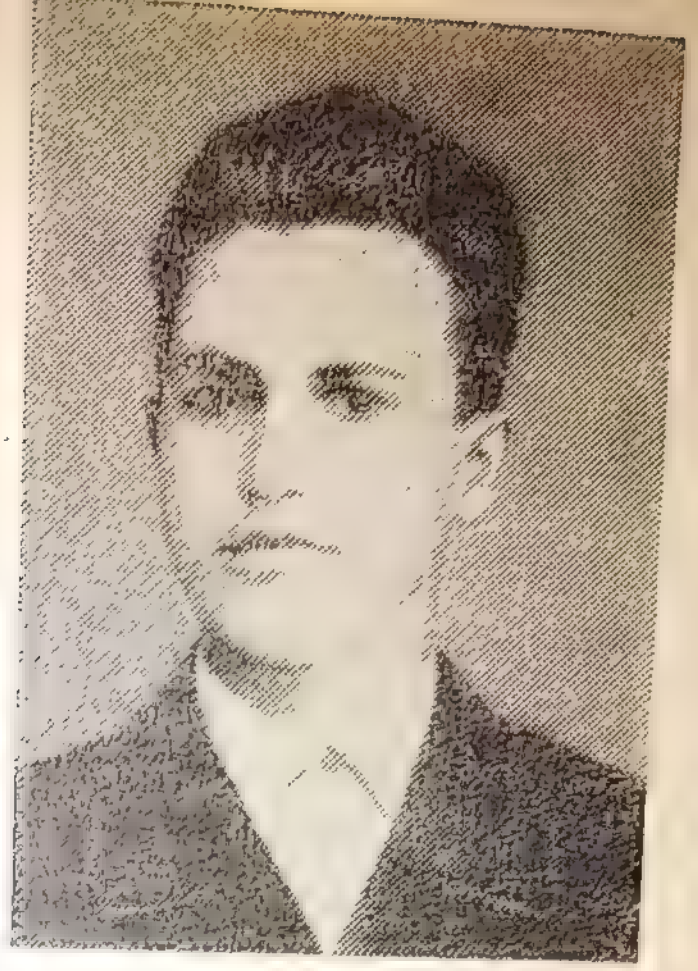
Тужихин очень верил в наш народ, в его разум и революционный дух.

В памяти моей сохранился такой случай. Один наш сельский торговец был выбран в первую Государственную Думу. Как-то этот торговец и Григорий Назарович были в гостях у моего отца. Они долго и горячо спорили. Тогда многие потеряли веру в революцию и считали, что народ не созрел для нее. Член Государственной Думы именно это доказывал Тужихину, а Григорий Назарович, наоборот, убеждал, что народ дорос до революции, и много раз повторял слово «дорос».

...Только теперь я узнал, что Григорий Назарович, так же как и Осипов, давно состоял в партии большевиков.

Незадолго до моего приезда в отпуск Тужихин после ранения возвратился с Румынского фронта. Воевал он рядовым. Как грамотного человека, его трижды направляли в школу прапорщиков, три раза он учился в ней, но звания офицера так и не получил.

— Все считали меня политически неблагонадежным,— с усмешкой говорил учитель.— А ты, значит, офицер... Как служба?



Г. Н. ТУЖИХИН

Я рассказал о делах в нашей роте, о том, как представлял себе обстановку на фронте и в стране. Он слушал внимательно, не перебивал. Только, когда я упомянул что-то о частой перемене правительств, Григорий Назарович рассмеялся.

— Небось, думаешь, и теперь очередная смена правительства? Нет, брат! Революция-то совсем другая — социалистическая! Понятно?

— Не очень.

— Вот молодец! Что не понимаешь, сразу признавайся. Это самое правильное дело... В двух словах объясню тебе: в феврале свергли царя, а власть захватила буржуазия. Ты говоришь правительства менялись?! А потому и менялись, что разные группы буржуазии дрались за власть. А суть одна у них — держать народ за горло и сосать из него кровь. Теперь баста. Всех капиталистов к ногтю!

— Как же это можно сделать?

— Как? Они чем сильны? Фабрики у них, заводы, шахты, у помещиков и кулаков — земля. Кулаки ведь это тоже капиталисты, только деревенские. А если все отобрать у них? Вот отобрали у Сашки Шахова паровую мельницу. Слышал?

— Да.

—А что он теперь стоит? За него ломаного гроша не

дадут. Ты знаешь, какой он здоровый? А всю войну белобилетником просидел. Богатый потому, что взятку мог дать, любую власть купить. Но теперь власть непродажная, ее за деньги не купишь.

Невольно приходила мысль, что такого человека, как Григорий Назарович, действительно не купишь. И если он — власть, значит, власть такая — правильная.

— Ну вот, отберут все, а дальше кому же это принадлежать будет? — спросил я.

— Народу. А распоряжаться будет государство, но государство — это тот же народ.

— А как же насчет войны?

— Войне конец! — отрубил Григорий Назарович.— Ты ведь считаешь, что воевать до победы надо?

— Да.

— А кому война выгодна, кто ее затеял? Думал ты?

— Так ведь на нас напали.

— Ну, это не совсем так... Вот если два волка подрались за овцу. Скажи мне, кто на кого напал, кто виноват?

— Оба виноваты.

— Ну, то-то и оно. Сцепились две стаи волков,— продолжал Григорий Назарович, — а народ за них кровь проливать должен. А кто они такие, эти волки, если разобраться? Зачем далеко ходить. Возьмем того же Сашку Шахова. Ты знаешь, что он, подлец, делал? Всех крестьян Кислянской и соседних волостей семенами снабжал. Добряк! Мужики-то на войне, в семьях хлеба не хватает. Ну и пожалел волк овцу. И всю войну, почитай, сотни людей работали на него исполу. Разве ему не выгодно, что другие воюют? Еще как выгодно! Или вот Степан Григорьевич, к примеру. До войны он торговал мясом, и все. А теперь война, мяса для армии много нужно. Он что делает? Скупает в деревнях по дешевке скот. Бабы одни, скот прокормить не могут, вот и продают. Но купит-то он подешевле, а государству продаст втридорога: на том и наживался.

— Это понятно, Григорий Назарович, но что же выходит, немцы на нас не нападали? Как же так?

— Николай Второй столько же виноват в войне, сколько и Вильгельм. Это ты запомни. Знаешь, для чего самодержавию нужна была война? Чтобы народ обескровить, задержать рост его революционной энергии. А народ, ты думаешь, так уж ничего и не понимает?.. Не

хотел народ защищать царизм, вода прогнил царский строй насквозь, как трухлявое дерево. Потому большевики и агитировали за поражение своего правительства. Слышал такой лозунг?

— Слышал.

— Что ж ты думаешь, мы хотели, чтобы немцы страну захватили? Нет. Мы хотели свалить царизм, буржуазию и освободить революционную энергию народа. Царизм и буржуазия, если ты хочешь знать, народу не меньший враг, чем немцы. А теперь народ победил, власть завоевал, стал в своей стране хозяином. Сейчас мир заключим и начнем новую жизнь налаживать. Кому же дальше воевать интересно? За Сашкино да Степана Григорьевича богатство? Они ведь хотят чужими руками воевать... Им-то кровь проливать да в окопах вшей кормить не приходилось.

— А если немцы перейдут в наступление?

— Советское правительство призвало все воюющие страны заключить мир. Ты читал декрет?

— Нет.

— Я дам тебе, у меня все декреты есть. Почитай.

— Но если немцы не согласятся на мир, а будут наступать?

— Мы, большевики, против войны. Но если на нас нападут, будем защищаться.

С удивлением посмотрел я на своего учителя:

— Как же так? То говорили против войны, а то защищаться.

Григорий Назарович рассмеялся.

— Сразу это понять трудно. Но поймешь. Главное теперь то, что государство другое — наше, народное. В этом государстве не Сашка Шахов и ему подобные хозяева, а каждый простой человек, такие вот, как твой дедушка Терентий Анисимович или Пустовалов. И если уж нападут на Советскую республику, мы ее в обиду не дадим! Жизни за нее не пощадим, потому что наша она, кровная...

Когда мы прощались, Григорий Назарович дал мне обещанные декреты Советского правительства.

— Тут кое-что и об армии есть. Подумай, — сказал он.

Да, разобраться во всем происходящем было не так просто.

Придя домой, засел за чтение декретов. С особым вниманием изучил все, что касалось армии.

Особенно меня поразила и обрадовала забота новой власти о сохранении боеспособности действующих войск. Из декретов я узнал, что большевистская партия, ввиду угрозы нового нашествия германских империалистов и готовящегося объединенного похода стран Антанты с целью удушить молодую республику Советов, приняла ряд экстренных мер для защиты завоеваний Октябрьской революции.

26 октября 1917 г. II Всероссийский съезд Советов принял постановление об образовании во всех армиях временных революционных комитетов, на которые возлагалась ответственность «за сохранение революционного порядка и твердость фронта».

Из декретов Совета Народных Комиссаров от 15 декабря 1917 г. «Об уравнении всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии» я узнал, что вся полнота власти в частях и соединениях передавалась солдатским комитетам и Советам. Упразднялись все чины и звания, для всех военнослужащих устанавливалось одно почетное звание «солдат революционной армии»*.

Командный состав до полкового звена включительно выбирался на общих собраниях, а выше — на съездах или совещаниях при соответствующих комитетах.

Только на фронте я понял, какое огромное значение имели эти мероприятия большевистской партии и Советской власти.

Полная демократизация старой армии подняла на время дух солдат и боеспособность войск, предотвратила полный развал фронта и удержала армии в окопах до середины зимы 1918 г., то есть до создания новой социалистической армии.

Больше всего я размышлял над декретом «О постепенном переходе к демобилизации старой армии». Армию демобилизуют, а кто же будет защищать республику? Я окончательно растерялся, не знал, что и думать, и как поступить.

Мне почему-то казалось, что большевики начнут на-

---

* Декреты Советской власти, т. 1, М., 1957, стр. 21.

водить в армии порядок. А тут — демобилизация. Как же так?

Этих моих сомнений не мог разрешить даже Григорий Назарович.

— Весь народ встанет грудью, если враг двинется на нас, — сказал он.

Но что значит грудью, если не будет армии? — эта мысль особенно волновала меня.

...Отпуск близился к концу. Родители с тревогой смотрели на меня, ждали, что я буду делать. До них доходили слухи, что офицеров арестовывают и даже расстреливают...

Как мне поступить—возвращаться на фронт или оставаться дома, — ни отец, ни мать посоветовать не могли. Григорий Назарович тоже сказал:

— Дело твоей совести. После Октября — мы оборонцы. Так сказал Ленин.

«А что скажут солдаты моей роты? — думал я. — Они ведь знали: я всегда стоял за войну до победного конца». Но уехал в отпуск и не вернулся. Мысль о том, что меня могут заподозрить в трусости, в предательстве, подсказывала: надо ехать в полк.

Григорий Назарович одобрил мое решение, а родители — отец Иван Миронович и мать Матрена Терентьевна — даже обрадовались ему. Не потому обрадовались, что я иду защищать Советскую власть, в тот момент они вряд ли разбирались в событиях. Просто как люди честные, они не могли смириться с мыслью, что их сын самовольно оставит фронт.

Родители мои пользовались всеобщим уважением за трудолюбие, прямоту, за любовное отношение к людям. Эти качества они привили пяти сыновьям и дочери. Отец умер в 1925 г., так и не имея собственного угла. Оставшиеся члены семьи с моей помощью построили на краю села пятистенок, который вскоре получил название «красноармейский»: подрастая, каждый из братьев уходил в Красную Армию. За мной пошел Петр, за ним — Павел, потом Клавдий и, наконец, младший — Николай.

В 1941 г. мать проводила всех нас пятерых на фронт защищать социалистическое Отечество, а сама, не дождавшись нашего возвращения, скончалась. Правда, не всех бы она и дождалась. Павел и Клавдий, оба пограничники, пали смертью храбрых.

1918 ГОД

В начале 1918 г. молодая Республика Советов находилась в тяжелом и чрезвычайно опасном положении. Советская власть в течение нескольких месяцев «триумфального шествия» победила почти во всей стране. Рабочие и крестьяне под руководством партии большевиков и своего вождя Ленина укрепляли завоеванную власть и свободу, с огромным подъемом осуществляли первые социалистические преобразования. А неотложных дел накопилось много: нужно было сломать старый буржуазный государственный аппарат и вместо него создать принципиально новый — аппарат Советского государства, национализировать землю, банки, крупную промышленность.

Все эти сложнейшие задачи пришлось решать в обстановке отчаянного сопротивления внутренней и внешней контрреволюции. Не желая мириться с потерей своего политического и экономического господства, свергнутые эксплуататорские классы развязали в стране гражданскую войну, пытаясь любой ценой реставрировать в России капиталистические порядки. На помощь им пришли империалисты стран, терявшие свои монополии в ряде важнейших отраслей русской промышленности. Им мерещилась расчлененная на сферы влияния капиталистическая Россия, из которой они по-прежнему будут черпать колоссальные прибыли.

Выполняя волю империалистической реакции, правящие круги Англии, Франции и Соединенных Штатов приняли 9 (22) декабря 1917 г. в Париже решение о всемерной помощи контрреволюционным белогвардейским правительствам Украины, Дона и Кавказа. А на следующий день была заключена англо-французская конвенция о разделении сфер влияния на юге России. Империалистические хищники договорились немедленно начать активную борьбу с Советской республикой, не останавливаясь перед прямой военной интервенцией. Важная роль в этой борьбе отводилась организации внутренней контрреволюции и всесторонней поддержке ее, без чего она была бы неминуемо обречена на поражение.

Внутренние контрреволюционные силы (кадеты, эсеры, меньшевики) по прямому указанию империалистов

решили создать в Могилеве, где в то время размещалась Ставка Верховного главнокомандующего, правительство во главе с Черновым. Предполагалось сосредоточить там воинские части и направить их против революционного Петрограда. Контрреволюция рассчитывала главным образом на войска Юго-Западного и Румынского фронтов*, руководство которыми захватили согласительские фронтовые и армейские комитеты, хотя большинство солдат сочувствовало Советской власти. Кроме того, Ставка имела в своем распоряжении 64 военных училища и школ прапорщиков, более 40 ударных батальонов численностью в 50 000 человек, бригаду георгиевских кавалеров, «части смерти», буржуазно-националистические формирования — польский и чехословацкий корпуса, эстонские полки, общая численность которых достигала 58 000 человек.

Однако Ставка оказалась бессильной в борьбе с революционной столицей. Рабочие-железнодорожники, возглавляемые большевиками, не пропустили к Петрограду и Москве ни одного из 150 эшелонов с контрреволюционными войсками и тем самым выполнили требование В. И. Ленина «останавливать все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград»**.

В результате Керенский, оставшийся с одним 3-м конным корпусом генерала Краснова, 30 октября (13 ноября) 1917 г. в боях на Пулковских высотах потерпел жестокое поражение. Революционные части освободили Царское Село, а затем и Гатчину, где захватили штаб корпуса и самого Краснова.

1 ноября ВЦИК выпустил воззвание, в котором говорилось: «Гатчинские отряды, обманутые Керенским, сложили оружие. ...Рабочая и солдатская революция победила» ***.

Главной и решающей силой в борьбе с мятежниками являлись отряды Красной гвардии. Красногвардейцы — первые бойцы большевистской партии повели за собой революционных солдат и матросов. Многие из красногвардейцев, штурмовавших Зимний дворец, громивших войска Краснова на подступах к Петрограду, стали вид-

---

* К 7 ноября 1917 г. в их составе насчитывалось 3 млн. 350 тысяч солдат и офицеров (ЦГВИА, д. 1481, л. 77).

** В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 12.

*** «Военно-исторический журнал», 1968, № 4, стр. 13.

Курсант
2-х советских артиллерийских
курсов
ныне Маршал Советского
Союза М. В. ЗАХАРОВ.

ными политическими и военными деятелями Советского государства. Одни из них—В. А. Антонов-Овсеенко, Н. И. Подвойский, А. С. Бубнов, Р. Ф. Сиверс и другие — были поставлены партией на руководящие посты сразу же после организации Красной Армии. Другие прошли в ее рядах большой и трудный боевой путь. И разве думал тогда бывший рабочий завода «Симменс и Гальске» питерский красногвардеец М. В. Захаров, что 50-летие Великого Октября, за торжество идей которого не жалел ни сил, ни самой жизни, он встретит прославленным полководцем Великой Отечественной войны, Маршалом Советского Союза, начальником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР...

Силы контрреволюции были в то время невелики, разрозненны. «Надежные части» неожиданно переходили на сторону большевиков. Борьба с контрреволюцией «соединяла в себе не столько военные действия, сколько агитацию; слой за слоем, массы за массами, вплоть до трудящегося казачества, отпадали от тех эксплуататоров, которые пытались вести ее от Советской власти»*.

Но у границ молодой Республики Советов стояли кадровые войска немецкой, австрийской и турецкой армий, готовые при благоприятных условиях вторгнуться в глубь нашей страны. Нарастала угроза интервенции со

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 95.

стороны империалистов Соединенных Штатов, Англии, Франции, Японии.

В России, до крайности истощенной трехлетней империалистической войной, царила экономическая разруха. Рабочие и крестьяне жаждали мира, солдаты не хотели больше воевать. В этих условиях, чтобы укрепить победу революции и упрочить Советскую власть, необходимо было в первую очередь покончить с войной и дать исстрадавшемуся народу долгожданный мир.

Известно, что первым законодательным актом Советского правительства был Декрет о мире от 26 октября (8 ноября 1917 г.), в котором народы воюющих стран призывались к прекращению империалистической бойни. Одновременно Совет Народных Комиссаров приказал Ставке Верховного главнокомандования немедленно обратиться к австро-германским военным властям с предложением прекратить военные действия и тем самым создать условия для мирных переговоров.

Под давлением союзных военных миссий генерал Духонин, исполнявший обязанности верховного главнокомандующего, отказался выполнить этот приказ. Тогда Совнарком (9 ноября) сместил Духонина с занимаемого им поста и объявил, что приказы, передаваемые Ставкой, исполнению не подлежат. Первым советским верховным главнокомандующим был назначен прапорщик Н. В. Крыленко, которого В. И. Ленин называл одним «из самых горячих и близких к армии представителей большевиков»*.

Одновременно В. И. Ленин обратился по радио ко всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота с призывом сорвать контрреволюционные замыслы Ставки и взять дело мира в свои руки.

«Солдаты! — говорилось в призыве. — Дело мира в ваших руках!..

Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем.

Совет Народных Комиссаров дает вам право на это...»**

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 377.
** В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 82.

Несмотря на решение Советского правительства, контрреволюционная Ставка в Могилеве продолжала существовать. Надо было любой ценой ликвидировать это осиное гнездо, с помощью которого внешняя и внутренняя контрреволюция рассчитывала использовать старую армию для подавления революции.

Из Петрограда, Минска и других городов в район Могилева направлялись отряды красногвардейцев и моряков, а с Западного фронта — отряды революционных солдат. 20 ноября (3 декабря) в Могилев прибыл Петроградский сводный отряд во главе с Н. В. Крыленко. Совместными усилиями революционные войска сломили сопротивление контрреволюционных сил, ликвидировали Ставку и арестовали генерала Духонина.

В конце ноября (нового стиля) 1917 г. по указанию В. И. Ленина в Могилеве был создан Революционный полевой штаб по борьбе с контрреволюцией.

Одновременно происходит демократизация старой армии, постепенное сокращение ее численности, частичная реорганизация органов и учреждений военного ведомства.

В соответствии с постановлением II Всероссийского съезда Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. во всех армиях создаются временные революционные комитеты. Все военнослужащие, вплоть до главнокомандующих фронтами, обязывались подчиняться этим комитетам. Комиссары Временного правительства были смещены, а вместо них назначены комиссары Всероссийского съезда Советов — проводники политики большевиков в войсках. Съезд отменил смертную казнь на фронтах и установил полную свободу агитации. На командные посты в соответствии с выборным началом было выдвинуто немало талантливых организаторов из революционных солдат и матросов, из офицеров, перешедших на сторону Советской власти.

Большевистские организации в армии и вновь избранные командиры настойчиво боролись за поддержание революционного порядка в войсках, стремились предотвратить стихийную демобилизацию и удержать фронт до заключения мира с Германией. Однако старая армия неумолимо разваливалась. Солдаты рвались к семьям, к истосковавшейся по их рукам земле, к своим бездействующим станкам и машинам. Все требовали мира.

В этих условиях Советское правительство, несмотря на угрозу нашествия германского империализма, вынуждено было ускорить демобилизацию старой армии. Общеармейский съезд по демобилизации армии, проходивший в Петрограде в период с 15 (28) декабря 1917 г. по 3 (16) января 1918 г., установил порядок увольнения личного состава, разработал мероприятия по технике демобилизации и сохранению оружия и войскового имущества, принял решение о создании новой армии, способной защитить добытые завоевания социалистической революции.

Много хлопот доставлял старый аппарат военного ведомства, не желавший проводить в жизнь решения Советской власти по военным вопросам. Пришлось из военного министерства удалить ненадежные элементы высшего командного состава и злостных саботажников, заменив их преданными Советской власти людьми, в том числе и бывшими офицерами старой армии.

Для характеристики очень важного решения партии большевиков и Советского правительства о привлечении определенной части военных специалистов старой армии на сторону революции приведу приказ комиссара по Московскому военному округу Н. Муралова. Вот его содержание:

«25 октября власть в России перешла в руки Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Всероссийский съезд вместо низложенного Временного правительства избрал Совет Народных Комиссаров.

Верховное управление Россией находится теперь не в руках чиновников, помещиков и буржуазии, а в руках солдат, рабочих и крестьян...

Шестидневный бой в Москве поставил друг против друга как врагов, с одной стороны, солдат, а с другой — юнкеров и офицеров. Таким образом, почти весь московский гарнизон остался без командного состава. Поэтому необходимо, чтобы воинские части немедленно приступили к избранию ротных, батальонных, полковых и других командиров.

Среди Вас, товарищи солдаты, имеется много людей, способных занять командные должности и пользующихся Вашим доверием. Выбирайте их. Вы не забудьте, конечно, при выборах о тех офицерах, которые всегда бы-

ли с Вами и за Вас. Но не забывайте также, что и в числе офицеров, не бывших с Вами, есть люди, не бывшие в стане Ваших врагов. Под наблюдением Ваших комитетов некоторые из этих офицеров могут быть полезны Вам своими военно-техническими знаниями.

...Генералы... и офицеры будут в течение двух месяцев увольняться в отставку, если не будут избраны на командные должности.

Александровское и Алексеевское военные училища в Москве временно закрываются. Наличный состав юнкеров этих училищ поступает, если не встретится к тому препятствий со стороны следственной комиссии, в распоряжение штаба Московского военного округа для направления в звании рядовых в одиночном порядке на пополнение Действующей армии» *.

Для управления военным министерством была назначена специальная Коллегия, а в военный аппарат стали направляться комиссары. Вскоре были созданы Всероссийская коллегия по управлению Воздушным флотом РСФСР и Верховная морская коллегия.

В конце ноября 1917 г. состоялись фронтовые съезды армий Северного и Западного фронтов, которые приняли решение об организации Советской власти в армии.

В решении съезда Северного фронта было записано: «Высшим руководящим органом Северного фронта является фронтовой съезд»**. Для проведения в жизнь своих решений съезд избрал фронтовой комитет, который должен был контролировать и направлять деятельность высших командных лиц.

В постановлении съезда Западного фронта говорилось: «Совет рабочих, солдатских и красноармейских депутатов является государственной властью в области, губернии и армии»***.

А в декабре (нов. ст.) приказом Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко вся полнота власти в делах каждой войсковой части, соединения и учреждения передавались соответствующему солдатскому комитету****. За прочность фронта и сохранение в войсках ре-

---

* Журнал «Наука и жизнь», 1967, № 11, стр. 5.

** Газета «Армия и флот Рабочей и Крестьянской России», 1917, 14 декабря.

*** Там же, 1 декабря.

**** ЦГВИА, ф. 2152, оп. 1, д. 309, л. 231.

волюционного порядка теперь отвечали эти военно-революционные комитеты.

ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ БОРЕТСЯ ЗА ДОЛГОЖДАННЫЙ МИР

Несмотря на неоднократные предложения Советского правительства начать мирные переговоры, бывшие союзники России — Англия и Франция наотрез отказались от них. Тогда правительство, выполняя волю трудящегося народа и постановление II съезда Советов, приступило 20 ноября (3 декабря) 1917 г. к переговорам с Германией и ее союзниками. Через два дня в Брест-Литовске было подписано соглашение о временном (на десять дней) прекращении военных действий, а 2 (15) декабря перемирие было продлено до 1 января 1918 г. В соглашении предусматривалось, что по истечении указанного срока оно автоматически продолжается до тех пор, пока одна из сторон не откажется от него с предупреждением за семь дней.

Еще до выезда советской делегации в Брест-Литовск в ряде мест на фронтах начались частные переговоры о прекращении военных действий. 23 ноября (5 декабря) теперь уже руководимая Крыленко Ставка отдала распоряжение о необходимости согласовывать все частные договоры корпусов и армий о прекращении военных действий с действиями особой делегации, отправленной Советом Народных Комиссаров в главную квартиру Верховного командования германских войск.

«Это перемирие, — указывалось в распоряжении Ставки, — должно явиться общим для всех фронтов, как исходящее от центральной власти Российской Республики, потому все частные перемирия (заключенные ранее и расходящиеся с общими указаниями правительственной делегации. — А. Ч.)... должны автоматически терять свою силу»*.

В распоряжении Ставки указывалось также, что «обязательным пунктом при заключении частичного переми-

* ЦГВИА, ф. 2152, оп. 1, д. 309, л. 112.

рия должно входить условие о прекращении каких бы то ни было переброс войск с фронта договаривающихся сторон на какой-либо фронт, в особенности же с нашего фронта на фронты союзных армий» *.

Так, Советское правительство ответило добром на враждебное поведение Англии и Франции по отношению к Советской России.

Заключенное в Брест-Литовске перемирие распространялось на все вооруженные (сухопутные и морские) силы, находившиеся на фронте от Балтийского до Черного морей. Перемирие в районе Белого моря и других северных морей устанавливалось особым соглашением. Стороны обязались до 1 (14) января 1918 г. не производить никаких оперативных переброс и сосредоточений восточнее 15 восточной долготы **.

4 (17) декабря 1917 г. последовал приказ [№ 6700(б)] штаба Северного фронта, которым на период перемирия войскам предоставлялся отдых: разрешалось оставить на позициях для боевой службы треть пехоты, усиленной пулеметами, а остальные войска отвести в тыл, не далее 30 верст, и расположить их на отдых по квартирам в армейских районах, желательно вблизи железных дорог. Если такой возможности в ближайшем тылу не было, то частям предоставлялся отдых на занимаемых позициях ***.

В соответствии с этим приказом многие войсковые части свернули свои боевые порядки. В частности, наш 56-й Сибирский стрелковый полк сосредоточился в поселках Петерупе на берегу Рижского залива и по договору с немецким командованием установил перед передним краем обороны пункт связи, на котором происходили встречи представителей сторон. Позади этого пункта располагалась лишь наша сторожевая застава силою до взвода. Остальной участок полка оставался пустым и даже без наблюдения. Примерно так же поступили и остальные части. Не изменилось ничего и после получения телеграммы от 13 (26) декабря 1917 г. из штаба Северного фронта, в которой Председатель комиссии по наблюдению за правилами перемирия предупреждал, что

---

* ЦГВИА, ф. 2151, оп. 1, д. 90, л. 35.
** Там же.
*** Там же, л. 38.

«немцы используют братание солдат для сбора шпионских сведений»*.

Направляя делегацию на мирные переговоры в Брест-Литовск, партия и правительство понимали, что германские империалисты будут стремиться задушить страшную для них Советскую республику. Однако теперь, связанные войной на Западном фронте, чувствуя назревание революции в своей стране, они станут дожидаться более благоприятного для этого момента.

В. И. Ленин предупреждал, что «против нас поднялся гигант культурного, технически первоклассно оборудованного, организационно великолепно налаженного всемирного империализма». С ним «надо бороться и *надо уметь* бороться»**. Вот почему Ильича так интересовали ответы на конкретные практические вопросы, которые он поставил перед делегатами Общеармейского съезда по демобилизации армии:

«1) Мала или велика возможность того, что немцы начнут наступать в близком будущем:

а) с точки зрения физической и технической возможности наступления зимой;

б) с точки зрения настроения немецкой солдатской массы; способно ли это настроение помешать наступлению или хотя бы задержать его?

2) Возможно ли предполагать, что немцы, в случае разрыва нами немедленно мирных переговоров, при немедленном переходе в наступление их войск, способны нанести решающее поражение нам? Способны ли они взять Петроград?

3) Можно ли опасаться, что известие о срыве мирных переговоров вызовет в армии массовое анархическое настроение и побег с фронта, или можно быть уверенным, что армия будет стойко держать фронт и после такого известия?

4) Способна ли наша армия в боевом отношении противостоять немецкому наступлению, если оно начнется 1-го января? Если нет, через какой срок могла бы наша армия оказать сопротивление немецкому наступлению?

5) Могла ли бы наша армия в случае быстрого немецкого наступления отступать в порядке и сохраняя ар-

---

* ЦГВИА, ф. 2152, оп. 1, д. 90, л. 86.

** В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 395—396.

тиллерию и, если да, надолго ли можно было бы при таком условии задержать продвижение немцев в глубь России?

6) Общий вывод: следует ли с точки зрения состояния армии постараться затянуть мирные переговоры или революционно резкий и немедленный срыв мирных переговоров из-за аннексионизма немцев предпочтителен как решительный твердый переход, подготавливающий почву для возможности революционной войны?»*.

Трезвый анализ обстановки показал, что старая армия в ближайшие недели и месяцы из-за крайней усталости большинства солдат «абсолютно не в состоянии успешно отразить немецкое наступление»**, что из-за отсутствия дисциплины и порядка армия в случае быстрого наступления немцев не сможет организованно отступать и сохранить материальную часть и артиллерию (последнее и вследствие полной негодности конского состава).

У партии большевиков и лично у В. И. Ленина не было сомнения, что крестьянское большинство армии в случае наступления немцев «безусловно высказалось бы за аннексионистский мир, а не за немедленную революционную войну» ***. Поэтому, считал В. И. Ленин, «вести войну против воли большинства солдат было бы авантюрой» ****, «ибо крестьянская армия, невыносимо истомленная войной, после первых же поражений — вероятно, даже не через месяцы, а через недели — свергнет социалистическое рабочее правительство»*****.

С другой стороны, было совершенно ясно, что германские империалисты могут сорвать намеченные мирные переговоры и попытаться вооруженным путем разгромить Советскую власть, расчленить и закабалить Россию.

Вот почему, посылая Советскую делегацию в Брест-Литовск, партия и правительство, лично В. И. Ленин поручили ей любой ценой завоевать мирную передышку. Она была жизненно необходима стране, чтобы упрочить власть Советов, дать передохнуть народу, создать новую

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 179—180.
** Там же, стр. 248.
*** Там же, стр. 249.
**** Там же.
***** В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 250.

революционную армию. Делегация получила указание всемерно затягивать переговоры до получения ультиматума немцев, после же ультиматума, который в ходе мирных переговоров предъявят германские империалисты, принять его, как бы ни были тяжелы его условия. «...Надо было мир взять, а не хорохориться зря», — говорил В. И. Ленин на VII экстренном съезде в марте 1918 года*.

Положение Германии и ее союзников в это время было тяжелым. Ресурсы их иссякали. Народ голодал. Недовольство охватывало тыл и проникало в армию. Вооруженные силы кайзеровской Германии вели напряженную борьбу с армиями Антанты на Западе. В этих условиях правящие круги Германии вынуждены были пойти на переговоры о мире с Советской Россией.

Мирные переговоры начались 9 (22) декабря 1917 г. Советская делегация предложила мир без аннексий и контрибуций. Но германские империалисты, решив использовать военную слабость молодого Советского государства, потребовали, чтобы к Германии отошла советская территория размером свыше 150 000 кв. км. Польшу, Украину, Литву, Латвию и Эстонию они хотели превратить в зависимые от Германии государства.

Это был грабительский, несправедливый мир. Тем не менее Советское правительство вынуждено было пойти на эти тяжелые условия. В. И. Ленин решительно выступал за немедленное заключение мира, чтобы выиграть время для создания новой армии, способной отразить силы внешней и внутренней контрреволюции.

РОЖДЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

Одновременно с демобилизацией старой армии большевики со свойственной им энергией приступили к созданию новой, Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Из всех задач, которые пришлось решать Республике Советов, задача создания новой армии являлась едва ли не самой сложной. «Вопрос о строении Красной Армии, — говорил В. И. Ленин, — был совершенно новый, он совершенно не ставился даже

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 30.

теоретически.... Мы брались за дело, за которое никто в мире в такой широте еще не брался»*.

Трудности организационного и теоретического характера усугублялись крайне тяжелой и сложной обстановкой в стране. В народном хозяйстве и на транспорте царила разруха, в войсках наблюдалась нехватка продовольствия, оружия и обмундирования, солдаты невероятно устали от войны, не было достаточного количества опытных и преданных революции командных кадров. В стране разгоралась гражданская война.

И все-таки, чтобы спасти революцию, нужно было создать новую армию. Красная гвардия с честью выполнила свое историческое предназначение в дни Октябрьской революции и в период «триумфального шествия» Советской власти. Но она по-прежнему оставалась сравнительно малочисленной, недостаточно в военном отношении обученной, не имела единой организации и была плохо вооружена. Для борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией, для защиты социалистического государства требовалось создать сильную регулярную армию революционных рабочих и крестьян.

В декабре 1917 г. Общеармейский съезд по демобилизации старой армии по предложению большевиков выработал «Положение об организации новой Социалистической армии», в котором говорилось, что «Социалистическая армия формируется путем добровольного вступления в ее ряды граждан по рекомендации революционно-социалистических партий, Советов рабочих и солдатских депутатов, профсоюзов и фабрично-заводских комитетов, стоящих на платформе Советской власти» **.

На этом съезде по предложению В. И. Ленина была избрана Всероссийская коллегия по формированию Красной Армии. На своем первом заседании коллегия при участии Ленина одобрила основные принципы организации Красной Армии и план работы выбранного Бюро коллегии.

26 декабря (8 января) вопрос о создании новой армии рассматривался на собрании Военной организации

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 137, 138.

** Газета «Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Флот», 1918, 1 января.

при ЦК партии. Все участники этого собрания единодушно высказались за создание социалистической армии не только из рабочих, но и из трудящихся крестьян, за организацию партийных ячеек в частях и усиление агитационной, организационной и вербовочной работы.

28 декабря (10 января) Бюро Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии приняло решение:

разослать циркулярные письма и инструкции по организации Красной Армии во все Советы и Комитеты как в центре, так и на местах;

выпустить воззвание к солдатам, рабочим и крестьянам о вступлении в ряды Красной Армии;

открыть запись в агитационную коллегию для курсов по подготовке агитаторов*.

В. И. Ленин в письме делегатам Общеармейского съезда по демобилизации армии горячо приветствовал «уверенность, что **великая задача создания социалистической армии,** в связи со всеми трудностями переживаемого момента, и несмотря на эти трудности, **будет решена вами успешно»****.

Решение партии большевиков и Советского правительства о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии послужило партийным, советским, красногвардейским и армейским организациям боевой программой в деле создания вооруженных сил Советского государства.

Одновременно с обсуждением в центре вопрос об организации Красной Армии обсуждался и на местах: в партийных, советских и войсковых организациях, на заводах и фабриках. Еще до выхода соответствующего декрета была проведена широкая разъяснительная работа, результатом которой явился поток добровольцев; началось формирование частей и подразделений новой армии как в тылу, так и на фронте.

Так, например, командование Северного фронта 29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.) разослало войскам следующую телеграмму (№ 2090):

«Просим поставить вопрос во всех организациях, начиная с ротных комитетов, о необходимости одновременно с демобилизацией приступить тотчас же к созданию Красной революционной армии, в рядах которой

---

* «Военно-исторический журнал», 1941, № 2, стр. 97—98.

** В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 224.

Выступление В. И. Ленина [illegible] первого батальона новой армии в Михайловском манеже. Петроград, 1 (14) января 1918 г.

должны оставаться из числа [illegible]емых старших сро-ков службы добровольцами [illegible], кто чувствует в себе силу идти на борьбу с контрреволюционной буржуазией откуда бы она ни повела наступление — изнутри или из-вне России»*.

В. И. Ленин внимательно следил за формированием новой социалистической армии. Несмотря на крайнюю занятость, он лично 1 (14) января 1918 г. приехал прово-дить на фронт первый батальон новой армии, сформи-рованный из рабочих Петрограда.

В своем выступлении Ленин сказал: «Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социали-стической армии, которые создадут сильную революци-онную армию. И эта армия призывается оберегать за-воевания революции, нашу народную власть, Советы сол-датских, рабочих и крестьянских депутатов, весь новый

* Центральный Государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), копии подборок, оп. 1, д. 638, л. 4.

ого батальо-
етроград

истинно демократический строй от всех врагов народа, которые ныне употребляют все средства, чтобы погубить революцию. Эти враги — капиталисты всего мира...»*.

Перед отъездом из Смольного в Михайловский манеж на проводы этого батальона В. И. Ленин в беседе со швейцарским социалистом Ф. Платтеном высоко оценил значение новой армии. «Никогда в истории, — говорил Владимир Ильич, — не было столько трудностей по защите самостоятельности государства, как в деле защиты молодой Советской республики. Но, с другой стороны, никогда армия не могла сыграть такой гигантской политической и революционной роли, как та армия, к созданию которой мы приступаем...»**.

* * *

В первых числах января 1918 г. поезд, в котором я возвращался из отпуска, подходил к фронту. У одного из попутчиков я заметил «Правду» и попросил почитать. Вот тогда-то я и узнал впервые, что Общеармейский съезд по демобилизации старой армии в соответствии с предложением Центрального Комитета большевистской партии выработал «Положение об организации новой Социалистической армии», что специально созданная Всероссийская коллегия по формированию новой армии уже развернула работу. Это сообщение было неожиданным, но оно открывало мне глаза. Вот он, выход!

Здесь же в газете была напечатана инструкция Верховного главнокомандующего Крыленко о порядке формирования армии. В ней говорилось:

> «1) Задача формирования и основные принципы:
> Народно-социалистическая гвардия*** создается из солдат действующей армии, запасных частей и всех добровольцев, желающих вступить в ее ряды для защиты завоеваний революции и борьбы за демократический мир и торжество социалистической революции на Западе и в России. Народно-социалистическая гвардия формируется исключительно на основе добровольческого принципа, причем доступ в ее ряды открыт

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 216.
** Газета «Красная звезда», 1968 г. 14 января.
*** Название «Красная Армия» появилось не сразу. Окончательно оно было установлено в декрете Совета Народных Комиссаров от 15 (28) января 1918 г.

для всех без различия национальностей и годов призыва. Для стоящих на платформе Советской власти допускается формирование в национальные революционные полки. Народно-социалистическая гвардия должна служить как материальная опора Советской власти и зародыш образования армии вооруженного народа

2) Кроме добровольно выраженного желания, для вступления в ряды Народно-социалистической гвардии необходима при индивидуальном вступлении рекомендация общественно-демократических организаций или, по крайней мере, двух членов таковых, а при вступлении целыми частями — коллективно-круговая порука всех и поименное голосование.

Материальное содержание бойцов определяется особо, но не менее 50 рублей для рядового народогвардейца;

3) Порядок формирования в линии фронта:

а) Для формирования с утверждения и по выбору командующего фронтом и за его ответственностью в каждую армию назначается ответственный комиссар-инструктор по формированию народной гвардии.

б) Армейский комитет армии или заменяющий его Военно-Революционный Комитет входит совместо с комиссар-инспектором и генерал-квартирмейстером армии в обсуждение вопроса относительно определения пунктов фронта, где необходимо по соображениям стратегического характера сосредоточение революционных корпусов.

Сообразно с этим выбираются корпуса, куда предпочтительнее должно направляться сосредоточение частей.

в) Корпусные комитеты под ответственностью определенного лица с особо приданной ему канцелярией должны незамедлительно определить, какие из полков являются более устойчивыми в боевом и революционно-социалистическом отношениях. Желательно по расчету три полка на корпус. Указанные полки объявляются затем первым, вторым и третьим полками Народно-социалистической гвардии такого-то корпуса.

4) Запись добровольцев и переформирование полков:

Полковой комитет переформируемого полка объявляет в каждой роте или команде запись народогвардейцев, которая должна быть закончена в течение двух суток... Штат революционного батальона устанавливается в лице командира батальона, четырех ротных командиров и 16 взводных командиров»*.

---

* ЦГВИА, ф. 2152, оп. 2, д. 115, л. 77.

Внимательно, несколько раз прочитал инструкцию и мне захотелось по приезде в полк стать инструктором по формированию новой армии.

Я возвратился в полк с таким чувством, словно заново родился. Прямо с дороги отправился к помощнику командира полка штабс-капитану Урбанковскому. Выборный командир полка Семенковский где-то отсутствовал. На правах старого знакомого (его пулеметный взвод прикрывал мой сводный отряд в Митавской операции) я рассчитывал узнать от Урбанковского подробное положение дел в полку.

Несмотря на ранний час, застал у Урбанковского нескольких офицеров и среди них ротмистра Булак-Балаховича, о котором много говорили в полку как о человеке с авантюристическими наклонностями (впоследствии он стал руководителем белогвардейских отрядов, действовавших против молодой Советской Республики).

Урбанковский без гимнастерки стоял у плиты и поджаривал яичницу.

Офицеры были очень удивлены моему возвращению, а Урбанковский презрительно бросил:

— Ну и дурак!

Через минуту он поставил сковородку на стол и широким жестом пригласил:

— Прошу, господа. Угощение, правда, незавидное, но что делать?

Урбанковский вымыл руки, пристегнул к гимнастерке воротничок и посмотрел на себя в зеркальце. Самодовольно улыбнувшись, он разгладил щеткой коротко подстриженные усы и поправил прическу.

— Все в порядке.

Он сел за стол, потом обратился ко мне:

— Не хочешь ли закусить?

— Спасибо.

— Не хочешь — как хочешь.

Его красивое лицо стало вдруг злым, и он раздраженно спросил:

— Ну, скажи, чего ты притащился?

— Долг службы. Что сказали бы солдаты моей роты, если бы я дезертировал?

— Солдаты моей роты! — иронически повторил Урбанковский. — А ты разве не знаешь, что твоей восьмой ротой командует теперь ротный писарь?

— Представляю, что это будет за армия, в которой ротами командуют писари, — с усмешкой произнес Булак-Балахович.

Сообщение Урбанковского было для меня большой неожиданностью, но я вида не подал, что удивлен и взволнован.

— А в общем, мне думается, все обойдется благополучно, — с издевкой продолжал Урбанковский. — Надо полагать, и для тебя работа найдется. Интересно вот только, как ты представишься своему писарю и куда он тебя назначит...

— Может быть, вместо себя писарем? — подхватил Булак-Балахович.

— Это даже лучше, что в роте новый командир, — заговорил я, как мог более спокойно. — Теперь меня по крайней мере ничто не будет связывать, смогу свободно пойти инструктором по формированию Народно-социалистической армии.

Наступила продолжительная пауза. Даже Урбанковский не сразу нашелся. Потом у него вырвалось:

— Да ты с ума сошел!.. Уж не в большевики ли ты записался?

— Нет, в большевики пока не записывался, но прочитал инструкцию главнокомандующего Крыленко...

Урбанковский махнул рукой и занялся своей яичницей с салом.

Я отправился в роту. Там узнал, что все офицеры 56-го Сибирского стрелкового полка были выбраны на свои должности, а двое даже с повышением — командирами батальона и полка. Солдатские массы при этом инстинктивно руководствовались интересами революции, для которой необходимо было использовать военные знания офицеров. Ведь своих командных кадров пока еще не имелось. В этом не было ничего удивительного, если учесть, что в середине января 1918 г. в нашем полку остались в основном только офицеры военного времени. Для многих из них выборы по существу явились своеобразной подготовительной ступенью для перехода в Красную Армию. Став командирами рот, батальонов, полков и даже дивизий, они в дальнейшем добровольно или по мобилизации пришли в Красную Армию и в большинстве своем честно служили социалистическому Отечеству.

Даже среди генералитета старой армии нашлись люди, которые сумели правильно понять сущность происходивших событий.

С чувством глубокого уважения вспоминаю об одном из крупных военачальников генерале Ф. Ф. Новицком, командире 43-го корпуса. После октябрьских дней семнадцатого года солдаты снова избрали его на эту же должность. Признал Советскую власть и генерал Васильев, командир 6-го Сибирского корпуса. Впоследствии он стал преподавателем Военной академии. На сторону революции перешел и полковник Грушецкий.

...В роте удивились моему возвращению из отпуска не меньше, чем в штабе полка, и откровенно сказали:

— Не ожидали, поэтому и командиром батальона не выбрали.

Из старых солдат остались немногие: одни демобилизовались, другие уехали в отпуск и не вернулись, третьи просто сбежали.

К моему сожалению, большевиков Онучина и Гасникова тоже не было.

Ротой действительно командовал писарь, но только временно, как разъяснили мне в солдатском комитете. Здесь мне показали номер «Окопной правды», где был напечатан наказ делегатам съезда Советов солдатских депутатов 12-й армии, принятый общим собранием ротных комитетов 56-го Сибирского полка вскоре после Октябрьского переворота.

Внимательно читал я этот наказ:

«...1) не доверяем правительству Керенского и признаем единственную власть Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов;

2) требуем немедленно предложить перемирие всем воюющим державам и начать переговоры о мире;

3) требуем немедленно опубликовать тайные договоры, заключенные Николаем II и Временным правительством;

4) требуем немедленной передачи всех земель в ведение местных земельных крестьянских комитетов;

5) требуем немедленного проведения в жизнь рабочего контроля над производством и распределением продуктов;

6) требуем удовлетворения насущных нужд армии, как-то: хлебом, фуражом, обмундированием и т. д.;

7) требуем немедленного снятия с передовой 6-го армейского корпуса, ввиду истощения и малочисленности, ибо мы, солдаты, не в силах охранять данный нам боевой участок, в противном случае за последствия не отвечаем;

8) требуем заменить солдат, пробывших на позиции около трех лет;

9) требуем предания Военно-Революционному суду Корнилова, Керенского и Каледина как виновников контрреволюционного заговора и братоубийственной войны...».

В наказе было двадцать пунктов, и все они говорили об одном — требовали скорейшего окончания войны и полной поддержки всех действий Советского правительства.

На следующий день после моего приезда были назначены выборы командира роты.

Солдатский комитет выдвинул на эту должность мою кандидатуру. Я объяснил, что собираюсь стать инструктором по формированию новой армии. Все же меня избрали.

Через два дня мне позвонил председатель полкового комитета:

— Слышал, что вы хотите стать инструктором по формированию Народно-социалистической гвардии?

Я ответил утвердительно.

— Полковой комитет просит вас поехать делегатом на съезд инструкторов, который созывается Исполнительным комитетом Советов солдатских депутатов 12-й армии и состоится в Валке, — продолжал председатель комитета. — Боюсь только, что вы на съезд опоздаете, нам слишком поздно о нем сообщили. В общем, там на месте все узнаете. Когда вернетесь, прошу возглавить в полку всю работу по вербовке и формированию.

С радостью и душевным волнением отправился я в Валку.

ЛЕНИНСКИЙ ДЕКРЕТ

На съезд я действительно опоздал. Явившись к члену президиума Исполнительного комитета Советов солдатских депутатов 12-й армии Дешевому, который руководил работой по формированию новой армии, я сообщил, что мне не удалось

побывать на съезде, и попросил объяснить, в чем будут заключаться мои обязанности инструктора.

Дешевой, с виду энергичный молодой человек лет двадцати пяти, скользнул взглядом по моей офицерской шинели и как бы невзначай заметил:

— Работа эта будет непростая. И очень хорошо, что вы, офицер, решили взять на себя эти обязанности.

— Да, офицер, — подтвердил я. — Был штабс-капитаном.

Дешевой испытующе поглядел на меня.

— А, собственно, разрешите узнать, что привело вас к мысли помогать большевикам формировать новую армию?

Я помолчал, собираясь с мыслями, а затем сказал:

— На протяжении двух лет я, рядовой офицер, находившийся на передовой позиции, верил в победу и считал, что России нужна сильная армия, способная отразить натиск немцев. Враг находится на нашей территории, он может перейти в наступление. Кто даст ему отпор? Старая армия уже не является боеспособной. А основная заповедь русского офицера — довести войну до победы... Собственно, это и привело меня в инструкторы по формированию армии.

Дешевой некоторое время молчал, потом заговорил:

— Вот вы, товарищ командир, как и многие другие офицеры, пожелавшие работать с новой властью, твердите, что надо, мол, довести войну до победного конца. А силы для этого у нас есть?

— Но ведь надо же защищаться, иначе враг займет не только Лифляндию, а и всю страну.

— Хорошо сказать — защищаться! А чем защищаться? Страна истощена, войной все сыты по горло. Нет, воевать нам нельзя! Солдаты это понимают и воевать не хотят...

— Это вы верно сказали, солдаты не хотят воевать,— согласился я. — Однако где же выход? Неужели следует открыть врагу фронт, пустить его в Петроград?

Дешевой улыбался, хитро прищурив глаза. Мне стало неловко, мелькнула мысль: «Зря погорячился, наверное, напутал что-нибудь».

— Разумеется, никто Питера врагу сдавать не собирается. Но и воевать нам ни к чему. Вы думаете, немцам война не надоела?

В памяти моей возникли сцены братания.

— Мы воевать не желаем, — продолжал Дешевой.— Но если нас вынудят к этому, пусть пеняют на себя. Это вам понятно?

—Совершенно понятно.

Дешевой взял со стола какую-то бумагу и сказал:

— Нами издан приказ о формировании Народно-социалистической гвардии. Вот почитайте.

Я отошел в сторону, пристроился у окна и читал.

«Съезд инструкторов по формированию народной Красной гвардии,* заслушав 6 (19) января 1918 г. доклады товарищей Дешевого и Самсонова о причинах образования народной Красной гвардии и об основах формирования таковой, а также доклады с мест, постановил обратиться к Исполнительному Комитету армии с предложением немедленно издать приказ по армии о том, чтобы:

немедленно начать производить запись в ряды Красной гвардии, причем комитеты должны напрячь все силы и приступить к пропаганде и агитации за формирование Красной гвардии с тем, чтобы к 13 (26) января было закончено предварительное производство записи;

предложить корпусным, дивизионным, полковым, ротным, эскадронным, батарейным и командным комитетам выделить по одному инструктору из числа добровольцев, на которых возлагается образование народной Красной гвардии, причем комитеты должны оказывать им всяческое содействие и не чинить никаких препятствий;

теперь же предложить начать сводить роты, эскадроны, команды и батареи народной Красной гвардии; сведение производить таким образом: одна или несколько из указанных частей, где оказалось наибольшее количество добровольцев, объявляется красной по полку или дивизии и в нее производится перевод всех добровольцев, причем роты должны иметь не менее ста пятидесяти человек, эскадрон — сто сорок пять человек и батарея — до полного комплекта;

там, где это возможно (по техническим условиям), с разрешения дивизионного комитета можно производить и сведение полков;

в сформированных частях впредь до получения точных инструкций о порядке управления народной Красной гвардией выбираются новые комитеты и командный состав...»**.

---

* Имеется в виду Красная Армия. Здесь неточность терминологии. Красная гвардия, сыгравшая огромную роль и в завоевании Советской власти, и в борьбе за нее, в первые месяцы гражданской войны состояла преимущественно из рабочих.

** Декреты Советской власти, т. 1, стр. 322.

Ко мне подошел Дешевой.

— Ну, как, товарищ Черепанов, прочитали? Ясно вам теперь, чем занимался наш съезд и каковы задачи инструктора по формированию новой армии?

— Да, вполне.

— Запись добровольцев начните немедленно. И постарайтесь закончить ее в два-три дня. Всю работу ведите в согласии с полковыми ротными комитетами.

В заключение Дешевой пожелал мне успехов в работе.

Возвратившись в полк, я немедленно приступил к делу, преисполненный светлого чувства веры в будущее новой армии.

В то время, как предпринимались первые подготовительные шаги к записи добровольцев в новую армию, указание о ее создании приобрело характер закона.

10 (23) января 1918 г. открылся Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На следующий день с докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров выступил восторженно встреченный делегатами съезда Владимир Ильич Ленин.

Коснувшись одного из важнейших вопросов времени—проблемы создания армии нового типа, **социалистической Красной Армии,** В. И. Ленин глубоко и всесторонне обосновал необходимость ее решения. В стране не по воле трудового народа, взявшего власть в свои руки, а по вине контрреволюционных действий бывших царских генералов начиналась гражданская война. Республике Советов грозил военным нападением германский империализм, чьи армии стояли у западных границ страны. Под аплодисменты всего зала Ленин заявил с твердой уверенностью в будущее страны, что победа Советской власти «достигается тем, что с самого начала она стала осуществлять исконные заветы социализма, последовательно и решительно опираясь на массы, считая своей задачей самые угнетенные, забитые слои общества пробудить к живой жизни, поднять к социалистическому творчеству. Вот почему старая армия казарменной муштровки, пытки над солдатами отошла в прошлое. Она отдана на слом, и от нее не осталось камня на камне. Полная демократизация армии проведена» *.

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 269.

И тут вождь революции нарисовал в своей речи об. раз воина новой армии, фигуру **человека с ружьем**, ко. торого теперь, впервые в истории, не нужно бояться: «потому что он защищает трудящихся и будет беспоща. ден в подавлении господства эксплуататоров»*.

Республика Советов, говорил Ленин, «создаст социа. листическую Красную Армию, к чему все социалисты стремились,— всеобщее вооружение народа» **. Впервые в истории всемирной борьбы, подчеркивал Ленин, «в ар. мию вступили элементы, которые несут с собой не ка. зенные знания, но которыми руководят идеи борьбы за освобождение эксплуатируемых. И когда начатая на. ми работа будет окончена, Российская Советская Рес. публика будет непобедима» ***.

Солдатская секция съезда одобрила проект декрета о Красной Армии. Съезд принял написанную В. И. Лени. ным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой говорилось: «В интересах обеспече. ния всей полноты власти за трудящимися массами и ус. транения всякой возможности восстановления власти экс. плуататоров декретируется вооружение трудящихся, об. разование социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов» ****.

Проект декрета о создании Красной Армии, утверж. денный Третьим Съездом Советов, имел небольшую, но весьма поучительную историю.

Проект руководителей Народного Комиссариата по военным делам (Наркомвоен) незадолго перед съездом представлен был Ленину и — отклонен им.

Всем товарищам, кто участвовал в создании или об. суждении этого документа,— наркомвоенновцам, работни. кам Всероссийского бюро фронтовых и тыловых органи. заций при ЦК партии и Главного штаба столичной Красной гвардии, — такой поступок Владимира Ильича пока. зался невероятным, по крайней мере — непонятным, иду. щим вразрез с требованиями суровой обстановки. Не Ленин ли неоднократно, неустанно говорил, убеждал, тре. бовал: создание новой, социалистической армии — дело архиважное и архисрочное?!

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 269.
** Там же, стр. 270.
*** Там же.
**** ЦГВИА, ф. 2152, оп. 2, д. 30, л. 3.

Гениальный вождь пролетарской революции дал от-
личный урок военным товарищам, да и не только воен-
ным. Ленин предложил не декретировать «сверху» такое
важнейшее дело, как создание социалистической, под-
линно народной армии — а провести его «снизу». При-
влечь к обсуждению проекта декрета самые широкие
слои трудящихся! — Тех самых рабочих, солдат, крестьян,
которым служить в Красной Армии. Тех самых, которым
с оружием в руках защищать завоевания Октябрьской
революции. Вовлечь в это всенародное обсуждение са-
мую демократическую в мире организацию трудящих-
ся — их Советы. Советы рабочих, солдатских, крестьян-
ских депутатов. А во время этого непозторимого по
социальной важности, по революционному опыту про-
цесса — внимательнейше изучать взгляды, мнения, на-
строения народных «низов».

Это был воистину ленинский замысел — по глубине, важности, перспективам, которые он открывал перед народной властью Советов.

По существу это задуманное Лениным широчайшее повсеместное обсуждение проекта декрета и его одобрение, — еще раньше утверждения его высшей исполнительной инстанцией — Совнаркомом Республики, — было одобрено и утверждено высшей распорядительной инстанцией — трудящимися Советской России.

Ленинская идея народовластия претворялась в жизнь даже в самые трудные моменты существования молодой Республики Советов — когда ей не исполнилось еще и трех месяцев.

В обсуждении важнейших положений строительства будущей социалистической армии приняли участие Советы и солдатские комитеты фронтов, штабы и Ставка. Серьезное и плодотворное участие в обсуждении приняли делегаты проходившего в это время (вторая половина декабря — начало января) Общеармейского съезда по демобилизации старой армии. Ряд предложений был внесен в проект декрета, представленного Третьему Съезду и утвержденному им.

Это произошло 15 (28) января.

Вот теперь уже дело не терпело ни часу отсрочки!

Вечером того же дня на очередном заседании Совета Народных Комиссаров проект подлежал утверж-
дению.

Это было сорок седьмое заседание Совнаркома. По установившемуся уже правилу, началось оно ровно в восемь вечера. На третьем этаже бывшего Смольного института в просторной «красной комнате».

Повестка дня включала в тот день четырнадцать вопросов, и почти все — государственной важности. Пункт седьмой гласил: «Декрет о Красной Армии». Докладчиком значился Главковерх Н. В. Крыленко.

Он докладывал Совнаркому по-военному лаконично. На обсуждение и утверждение выносятся проекты двух декретов:

— об образовании Рабоче-Крестьянской Красной Армии и об учреждении Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии.

Председатель Совнаркома читает проект первого, важнейшего декрета. По виду Ленина присутствующим ясно — не все в проекте ему нравится.

— Пока декрет не примем — не разойдемся, — твердо заявляет Владимир Ильич и тут же принимается за редактирование важного документа.

Вводная часть: «Старая армия служила орудием классовой борьбы в руках буржуазии...» Что смутило Ленина? — переглядываются члены Наркомвоена. — Кратко, но ясно выражена основная мысль. Оказывается, классовая сущность царской армии отразилась в этой фразе недостаточно полно. Ленин зачеркивает слова, вписывает что-то и зачитывает предложение в новой редакции:

«Старая армия служила орудием **классового угнетения трудящихся буржуазией**». С этим более четким и энергичным определением нельзя было не согласиться.

Вторая фраза: «С переходом власти к пролетариату и беднейшему крестьянству...» неточна, надо: «С переходом власти, — правит Ленин, — **к трудящимся и эксплуатируемым классам...**»

Дальше фраза звучит так: «...возникла необходимость создания новой армии, которая явится оплотом Советской власти в настоящем и фундаментом для замены регулярных войск всенародным вооружением в будущем...» Слова «замены регулярных войск» Ленину не нравятся. В Программе партии четко сказано об этом, значит, надо так сформулировать мысль: «для замены **постоянной**

армии всенародным вооружением в ближайшем будущем...»

Первая часть проекта: первый его пункт говорит о том, что «Рабоче-Крестьянская Красная Армия создается без принуждения и насилия: она составляется только из добровольцев». Здесь все соглашаются на том, что необходимо раскрыть социально-политический состав контингентов создаваемой армии. Поэтому после ленинской правки получается:

«...**из наиболее сознательных и организованных элементов** трудящихся классов».

Второй пункт: тут после слов «В Красную Армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеванной Октябрьской революции и власти Советов» требуется дополнение. Ленин исправляет слово «завоеванной» на **«завоеваний»** и в конце фразы дописывает **«... и социализма»**. Теперь ясно, какой общественный строй нуждается в защите такой армии, как Красная.

Во второй части проекта наркомвоенновцы не поскупились на обещания будущим красноармейцам и командирам и членам их семей. Но ведь страна разорена, многого она сейчас, к сожалению, не сможет дать своим защитникам. Поэтому, как ни прискорбно, но содержание воинов Красной Армии придется ограничить пятьюдесятью рублями в месяц, разумеется, на полном государственном довольствии. В фразе «нетрудоспособные члены семей добровольцев Красной Армии» вместо «добровольцев» Ленин ставит «солдат» и формулирует конец предложения так: **«...обеспечиваются всем необходимым** по местным потребительским нормам **согласно постановлениям местных органов Советской власти»**.

Третья часть проекта — о руководстве армией — остается без изменений*.

Декрет в ленинской редакции утверждается Совнаркомом единогласно.

Проект второго декрета — об учреждении Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии — утверждается сравнительно быстро.

---

* Ю. Кораблев и В. Рабичев. «Ленинский декрет», газета «Красная звезда», 1968, 26 января.

Насколько прав был Владимир Ильич, когда предложил всенародное обсуждение проекта декрета,—показала запись добровольцев, которая превзошла самые оптимистические прогнозы. На защиту социалистического Отечества поднимались рабочие красного Питера, солдаты-фронтовики, сознательные крестьяне. Целые подразделения и части старой армии единогласно принимали решения о преобразовании их рот, батальонов, батарей, эскадронов, полков в красноармейские.

Декрет был обнародован под датой утверждения его Советом Народных Комиссаров. По всей Республике Советов — в городах, деревнях, поселках, гарнизонах, на передовых позициях появились листы с ленинским декретом, ленинской подписью.

Так Советское правительство возвестило миру о создании первой в истории социалистической армии, армии трудового народа, надежного оплота завоеваний Октября. Привожу полностью этот исторический документ, сыгравший огромную роль в жизни советского народа и его Вооруженных Сил.

«ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Старая армия служила орудием классового угнетения трудящихся буржуазией. С переходом власти к трудящимся и эксплуатируемым классам возникла необходимость создания новой армии, которая явится оплотом Советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе.

I

Ввиду этого Совет Народных Комиссаров постановляет: организовать новую армию под названием «Рабоче-Крестьянская Красная Армия» на следующих основаниях:

1) Рабоче-Крестьянская Красная Армия создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс.

2) Доступ в ее ряды открыт для всех граждан Российской Республики не моложе 18 лет. В Красную Армию поступает каждый кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма. Для вступления в ряды Красной Армии необходимы рекомендации: войсковых комитетов или общественных демократических организаций, стоящих на платформе Советской власти, партийных или профессиональных ор-

ганизаций или, по крайней мере, двух членов этих организаций. При вступлении целыми частями требуется круговая порука всех и поименное голосование.

II

1) Воины Рабоче-Крестьянской Красной Армии состоят на полном государственном довольствии и сверх сего получают 50 руб. в месяц.

2) Нетрудоспособные члены семей солдат Красной Армии, находившиеся ранее на их иждивении, обеспечиваются всем необходимым по местным потребительным нормам, согласно постановлениям местных органов Советской власти.

III

Верховным руководящим органом Рабоче-Крестьянской Красной Армии является Совет Народных Комиссаров. Непосредственное руководство и управление армией сосредоточено в Комиссариате по военным делам, в созданной при нем Особой Всероссийской коллегии.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)

Верховный главнокомандующий
Н. КРЫЛЕНКО

Народные комиссары по военным и морским делам:
ДЫБЕНКО и ПОДВОЙСКИЙ

Народные комиссары:
ПРОШЬЯН, ЗАТОНСКИЙ и ШТЕЙНБЕРГ

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
Влад. БОНЧ-БРУЕВИЧ

Секретарь Совета Народных комиссаров
Н. ГОРБУНОВ».

15 января 1918 г.

Несколько позднее увидела свет «Формула торжественного обещания», которое давали будущие воины. С некоторыми изменениями текст этой военной присяги просуществовал более двух десятилетий. Если память мне не изменяет, и в начальную пору Великой Отечественной войны молодые красноармейцы и командиры повторяли те суровые и бессмертные слова, звавшие к верности советской Отчизне еще их отцов. «Я, сын трудового народа...»

«ФОРМУЛА ТОРЖЕСТВЕННОГО ОБЕЩАНИЯ,

утвержденная в заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов от 22 апреля 1918 г.

1. Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии.

2. Пред лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и, как зеницу ока, охранять народное и военное имущество от всякого расхищения.

3. Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью рабочего и крестьянского правительства.

4. Я обязуюсь воздерживаться сам и удерживать товарищей от всяких поступков, порочащих и унижающих достоинство гражданина Советской Республики, и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся.

5. Я обязуюсь по первому зову рабочего и крестьянского правительства выступить на защиту Советской Республики от всяких посягательств и покушений со стороны всех ее врагов и в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братство народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни.

6. Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет мне уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона».

ПЕРВЫЕ КРАСНОАРМЕЙСКИЕ РОТЫ

Провести запись желающих вступить в Красную Армию необходимо было в очень сжатый срок. Для этого приходилось беседовать с людьми, агитировать их, разъяснять обстановку.

Подчас это было делать трудно, так как каждый солдат старой армии находил много «за» и много «против». Вот что пишет по этому поводу бывший боец 2-го Красноармейского полка Я. И. Костев.

«То были дни тяжких раздумий. Солдату не надо было объяснять, что такое солдатская жизнь. Чего греха таить, раньше, чем принять решение о переходе в Красную Армию, каждый из нас многое передумал: шли мирные переговоры, предвиделся конец войны, тяжелым грузом давила на плечи серая шинель, тянуло до-

Я. И. КОСТЕВ

мой, к мирной жизни. Перед нами открывались светлые перспективы: крестьяне получили землю, рабочие — фабрики и заводы, угнетателей больше нет. Но вставал и другой вопрос. Ну, хорошо, мы уйдем домой, а война-то еще продолжается. Против Республики Советов стоят наготове вооруженные до зубов немецкие войска. А если мирные переговоры не принесут нам успеха, что станется с завоеваниями Октября? Ведь теперь мы, рабочие и крестьяне, в ответе за судьбу Родины! Прежние хозяева страны, помещики и капиталисты, будут рады, если придут немцы. Тогда они снова захватят землю, фабрики и заводы, которых лишились в октябре 1917 г.

После долгих размышлений я, как и многие другие революционно настроенные солдаты, вступил в Красную Армию»...*.

В первую очередь в новую армию вступили политически сознательные солдаты, сразу поддержавшие Советскую власть.

— Власть наша,— говорили они,—нам и надо ее защищать.

8-я рота, которой я тогда продолжал командовать, записалась почти в полном составе и была сразу же объявлена красноармейской.

---

* Журнал «Вопросы истории», 1968, № 2 ,стр. 134.

★ ★ ★

Я поселился вместе со всеми солдатами в отдельном домике, отведенном для красноармейской роты. Каждый полк в 6-м Сибирском корпусе дал по красноармейской роте, их собрали в тылу дивизии, чтобы свести в батальоны. Во главе одной из рот оказался солдат Чернышев. Он мне был знаком, первая наша встреча произошла на месяц раньше, как раз в день моего возвращения из отпуска, при довольно любопытных обстоятельствах.

По пути в роту, в деревне Петерупе, я повстречал офицера с большим чемоданом в руках.

— Поторапливайся,— крикнул он мне,— а то все распродадут!

— Что распродадут?

Вместо ответа он указал на большую толпу солдат, собравшихся на окраине, отчаянно шумевших и неистово споривших. Из рук в руки передавали какую-то одежду, рассматривали ее на свет, примеряли. Я понял, что попал на своеобразный солдатский рынок. Здесь продавали валенки, офицерские папахи, обшитые кожей брюки (леи), гимнастерки, теплое белье, шинели, полушубки, перчатки на меху.

Неожиданно донесся громкий срывающийся голос солдата, стоявшего на возу:

— Не трожь, русским языком тебе говорю, что он здесь.

— Кабы здесь был, так за вещами пришел бы,— отвечал другой подвыпивший с перебитым носом.— А раз не пришел, значит, продавай. Правда, братишки?

— Знамо дело,— неуверенно поддержало несколько голосов.

— Своими глазами видел,— пытался урезонить толпу тот с повозки.— Не видел бы — не говорил.

— Все равно ждать не будем,— не унимался подвыпивший, поправляя кучу сползавших с его плеча вещей.— Открывай чемодан. Посмотрим, что там есть.

Несколько рук потянулось к чемодану, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы громкий голос не остановил их:

— Да вот он и сам!

Я скорее почувствовал, чем увидел десятки устремленных на меня глаз. И только в эту минуту понял, что

распродавались вещи офицеров, уехавших в отпуск и в срок не возвратившихся в полк.

Оказывается, в распродажу пытались пустить содержимое и моего чемодана.

Толпа расступилась, и я получил свои вещи. Но солдат с перебитым носом не отставал.

— Может, продашь, а? — и он с явной угрозой стал на меня наступать.

— Нет, не продаю.

— А может, все-таки продашь? — он взял чемодан за ручку.

— Спасибо, сам донесу.

Насторожившиеся солдаты, которые ожидали, чем все это кончится, засмеялись.

— Оставь... Хватит [illegible] толпе.

— И без того на[illegible] — спина гнется.

— Был бы [illegible] чужого.

— Не тронь нашего [illegible]

Солдат с перебитым [illegible] неохотно отпустил чемодан и пошел прочь.

Я не знал фамилии [illegible] и вряд ли думал, что наши пути могут сойтись [illegible] Но какое же было мое удивление, когда в команде роты Чернышеве узнал типа с перебитым носом.

Теперь он был одет в офицерскую шинель и папаху. Шинель во всех направлениях перетягивали ремни. Снаряжение дополняли бинокль, полевая сумка и огромный планшет. Сбоку волочилась длинная сабля, в кобуре лежал маузер, а за поясом торчал наган и несколько гранат.

Чернышев появился на фронте после Февральской революции. Прибыл из тыла, его прошлого никто не знал. Он умел подыгрывать под настроение солдат. Видимо, поэтому они и избрали его командиром. Сразу же по приходе к нам он стал создавать общественное мнение, подготавливая свое избрание командиром красноармейского батальона.

В те дни проходили выборы делегатов на съезд Советов солдатских депутатов 12-й армии. Я был избран от нашего батальона и в первых числах февраля выехал на съезд. В мое отсутствие Чернышева избрали командиром батальона.

ВЫБОРЫ КОМАНДИРА ПОЛКА

Съезд Советов солдатских депутатов 12-й армии, одобривший первые декреты Советской власти и выразивший полное доверие Советскому правительству, сыграл большую роль в моей жизни. Здесь я окончательно понял, что только партия большевиков может защищать Родину, пришел к убеждению, что поступил правильно, влившись в ряды новой армии.

И вот начало февраля 1918 г. Латвийский город Валка*. Съезд проходит в местном театре.

Только я вошел в помещение, сразу очутился в людском водовороте. Везде — в раздевалке, фойе, у регистрационных столов — двигались в одиночку и собирались группами, куда-то протапкивались, жестикулировали, спорили, размышляли в стороне, кого-то разыскивали люди. Все военные, в шинелях со следами споротых погон.

Я занял очередь у регистрационного стола. Тут каждому задавался вопрос: член ли партии, и какой? Ответ принимался на веру.

В зале делегаты расселись по фракциям: большевики, меньшевики, эсеры. Различить их с первого взгляда, по внешним признакам, невозможно; все в одинаковом армейском обмундировании.

На сцену вышел человек во френче, невысокого роста, встал у стола, чуть подавшись вперед, словно готовый ринуться в бой. Бо́льшая часть зала встрепенулась, заруко плескала, напоминая собою всполыхнувшую, закружившуюся над водой стаю птиц. Сидя на балконе и разглядывая партер, я уже начал про себя намечать контуры представленных на съезде политических фракций.

Человек, вышедший на сцену, был председатель Исполнительного комитета солдатских депутатов** 12-й армии Семен Михайлович Нахимсон. Много в то время говорили о нем. Передавали, что еще парнишкой он разбрасывал листовки, за участие в революции 1905 года был приговорен к смертной казни, что человек он образованный — окончил университет.

---

* Город Валка (или Валга) находится на границе Латвии и Эстонии, отсюда и двойное название: первое — латышское, второе — эстонское.

**Сокращенно — Искосол.

Армейский съезд собрался для того, чтобы разъяснить представителям солдатской массы, почему декретом ВЦИК распущено Учредительное собрание и какие решения принял только что состоявшийся III Всероссийский съезд Советов. Доклад нашего председателя и был посвящен этим вопросам.

Вначале Семен Михайлович напомнил, что выборы в Учредительное собрание проводились по старым спискам. Делегаты были выдвинуты до Октябрьской революции, и списки не отражали нового соотношения классовых сил. Действительно народ сверг владычество капитала, в Учредительном же собрании по-прежнему восседали представители буржуазии.

Советская власть могла бы с самого начала отмести затею с «учредилкой». Но поскольку среди крестьянства и некоторых слоев городского населения вера в буржуазный парламент была еще живуча, требовалось наглядно показать истинное лицо Учредительного собрания. И вот в день его открытия, 5 января, большевики представили на рассмотрение ленинскую «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

— Знали бы вы, товарищи солдаты, что творилось в Таврическом дворце,— говорил Нахимсон.— Я пришел туда из бьющегося ключом, полного жизни Смольного и вдруг почувствовал, будто попал к трупам, к безжизненным мумиям...

По мере того, как Нахимсон рассказывал о недавних, январских событиях в Петрограде, все четче вырисовывались фракции армейского съезда. Слова об учредиловских трупах вызвали громкие реплики в зале.

— Ловко он их, прямо по кумполу! — восхищенно крикнул сидевший рядом со мной делегат.

Зал ответил одобрительным гулом. Только откуда-то сбоку послышались резкие протестующие крики.

Семен Михайлович сообщил, что большинство учредиловцев, отказавшись присоединиться к ленинской Декларации, показали свое контрреволюционное лицо. Оставлять далее такой «законодательный орган» было равносильно сдаче позиций, завоеванных в Октябрьском восстании. Вот почему Учредительное собрание было распущено.

— «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» утверждена Третьим Всероссийским съездом

С. М. НАХИМСОН

Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов,— громко, торжественно сказал Нахимсон.— Это наша первая конституция, и мы сумеем защитить ее от любых врагов!..

Начались прения.

Через зал, широко шагая, к сцене проходит делегат богатырского вида. У него энергичное, словно вырубленное из камня, коричневое от загара лицо, прическа бобриком, длинные усы-пики. Поднявшись, он остановился около рампы, окинул зал строгим взглядом. Мне показалось тогда, будто это рыцарь из сказки — величественный, благородный. «Рыцарь» погладил свой бобрик, расправил усы. Говорил недолго, но каждый его довод, как молотом по стеклу, бил по врагам Советской власти. Я узнал, что оратор — большевик, и что зовут его Ян Фабрициус.

От фракции меньшевиков слово взял человек в форме офицера-артиллериста, невзрачный на вид, лысый. «Вот какой ты, Кучин,— с любопытством разглядывал я предшественника Нахимсона на посту председателя Искосола.— «Интересно узнать, что скажешь». Но слушать оказалось нечего: после Фабрициуса выступление Кучина даже его единомышленникам показалось бледным. Три жиденьких хлопка проводили его и тут же стыдливо смолкли.

Представитель социалистов-революционеров на вид казался интеллигентным, но тоже жевал что-то невнятное. Хотел сострить: большевики-де выкрали у эсеров программу о земле. Из зала кто-то крикнул: «Вы долго думали, боялись обидеть помещиков!» Оратор смешался, зачитал конец речи по бумажке и удалился.

Интернационалист, худощавый, с приподнятыми плечами, поминутно поправляя пенсне, слабым голосом произнес что-то невразумительное. Верзила-анархист, наговорив чепухи, порисовался на трибуне и сел, надутый, довольный собой.

Заполненный делегатами зал, как барометр, реагировал на политические страсти: большевистскую правду встречал громом аплодисментов, одобрительными возгласами; на меньшевистско-эсеро-анархистскую болтовню отвечал свистом, шиканьем, криками «Долой!».

Председательствующий Нахимсон предложил провести голосование:

— Кто за одобрение политики Советского правительства, поднимайте мандаты!

Предупреждение голосовать мандатами оказалось кстати. Меньшевики и эсеры имея ничтожное количество делегатов, умудрились провести в зал немало своих людей.

Но теперь это было ни к чему, пришельцам оставалось сидеть, потупив взор.

Семен Михайлович произнес заключительное слово Можно только пожалеть, что выступление не стенографировалось: это была яркая политическая речь в защиту Советской власти. Жалкие реплики противников Нахимсон отражал находчиво, очень остроумно. Мне казалось, будто он то кнутом сечет врагов, то бьет их кулаком наповал. Так и хотелось вмешаться в эту драку, помочь ему.

Вдохновенный оратор, страстный боец — таким этот человек остался в моей памяти. Больше ни видеть, ни слышать его мне не пришлось. Через пять месяцев в Ярославле комиссар военного округа Семен Михайлович Нахимсон погиб от рук эсеровских заговорщиков, поднявших мятеж против Советской власти.

После съезда меня вызвали в Исполком Советов солдатских депутатов 12-й армии, в отдел по формированию Красной Армии. Здесь я получил совершенно не-

ожиданное задание: выехать в штаб 6-го Сибирского стрелкового корпуса, пригласить туда представителей от красноармейских батальонов и провести выборы командира красноармейского полка, создающегося из добровольцев 3-й, 14-й и 136-й дивизий нашего корпуса.

Штаб корпуса стоял в большом помещичьем доме на мызе Набе, недалеко от Рижского залива. Эта мыза принадлежала какому-то остзейскому барону, сбежавшему от революции за границу.

Комиссар корпуса Шмелев был полностью осведомлен о порученной мне работе. Он тепло меня принял, долго расспрашивал о фронтовой жизни, о взаимоотношениях с солдатами.

— В общем, жили-дружили, так?

— Не ссорились.

— Это хорошо. А как думаете организовать выборы? — спросил Шмелев.

Я честно признался, что даже не представляю, с какого бока взяться за это дело.

— Ну, я помогу вам, сам поговорю с представителями батальонов... Да, а кто такой Чернышев?

Рассказав то немногое, что знал об этом человеке, я заметил:

— По-моему, он темная личность.

— А как же он пролез в командиры батальона? — Шмелев нахмурился.— Как допустили такое в дивизии? Вы понимаете, что это может иметь очень тяжелые последствия?

Не так много времени прошло, и я убедился, что комиссар был прав.

Вскоре по вызову в штаб корпуса стали прибывать командиры батальонов и рот. Каждый батальон был представлен еще несколькими командирами взводов.

Раньше других прибыли делегаты 1-го батальона во главе с его командиром бывшим подпоручиком Андрейчуком.

С делегатами беседовал комиссар корпуса. Он подробно расспрашивал, как давно кто воюет, приходилось ли командовать, в каких операциях принимали участие? Вопросы комиссара поражали меня своей проницательностью. Как-то сразу перед тобой раскрывался человек. Командование полком — огромная ответственность. Мне казалось, что среди делегатов 1-го батальона нет чело-

А. И. ЧЕРЕПАНОВ
Снимок 1916 г.

века, способного возглавить полк. Поговорив с делегатами, комиссар подошел ко мне.

— Ничего подходящего,— со вздохом сказал он.— Посмотрим, кто придет от второго батальона.

Такую же подробную беседу имел комиссар корпуса и с делегатами 2-го батальона, которые приехали во главе со своим командиром Чернышевым.

— Тут еще более слабый состав,— сказал мне комиссар.— Не знаю, что и придумать.

— Но еще есть третий батальон. Может быть, там...

— Я хорошо знаю людей из третьего батальона,— ответил комиссар,— и там никого нет...— он помолчал и неожиданно закончил: — Придется вам, товарищ Черепанов, возглавить полк.

— Как... мне?

— Вот так. Сколько вам лет?

— Двадцать два.

— Маловато. Но не страшно. Да, придется вам. Больше некому. Сами видите.

Мне было даже страшно подумать. Целый полк — солдаты, штаб, хозяйство! Солдатами командовать — это я представлял себе, но опять же не в таком количестве. Целый полк, три батальона! А руководство штабом полка и большим войсковым хозяйством! Все это было для меня «темным лесом».

— Ну, какой же я командир полка, товарищ комиссар, если и батальоном-то командовать не приходилось?

— Ничего страшного. Поможем, и товарищи поддержат. Правильно? — обратился комиссар к сидевшим в комнате делегатам.

— Да что там говорить,— заметил командир роты Струнин, бывший фельдфебель.— Он, конечно, молод, но пороха понюхать успел и солдата не обидит.

Другие делегаты поддержали Струнина.

Выборы состоялись в большом зале помещичьего дома.

Открыв совещание, я огласил приказ по 12-й армии, утверждавший сформирование первых двух красноармейских полков из состава 12-й армии и присваивавший им номера. Наш полк стал называться 2-м красноармейским полком.

«...Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов и Управление 12-й армией, — говорилось в приказе, — шлют вам горячий привет, товарищи красноармейцы, своей волей, а не насилием вошедшие в ряды молодого полка. Глубоко верим, что вслед за вами, первыми красными полками, быстро вырастут многочисленные полки молодой свободной России, сильные духом и крепкие волей, спаянные борьбой за счастье и процветание молодой рабоче-крестьянской республики, высоко поднявшей борьбу за счастье трудящихся всего мира. За победой, молодые красноармейцы, вперед!»*.

Прочитав приказ, я сообщил, что командование 12-й армии поручило нам, делегатам батальонов, избрать командира 2-го красноармейского полка, и предложил выдвигать кандидатов. Наступила длительная пауза.

— Товарищи! — сказал Шмелев.— По-моему, о кандидатуре командира полка мы уже договорились. И не будем зря времени терять.

— Черепанова избрать,— послышался голос Струнина.

— Правильно!

— Других предложений нет? — спросил Шмелев.

— Нет!

---

* ЦГВИА, ф. 2273, оп. 1, д. 221, лл. 29—30.

— Тогда будем голосовать. Кто за избрание товарища Черепанова командиром 2-го красноармейского полка, прошу поднять руки.

Моя кандидатура прошла единогласно.

Заместителем командира полка по строевой части выбрали Струнина, помощником по хозяйственной части — Фергова. На должность адъютанта избрали прапорщика Григорьева. Организованно прошли выборы командира нестроевой роты, казначея и начальника продовольственного снабжения.

СТАРАЯ АРМИЯ БРОСАЕТ ПОЗИЦИИ

В конце декабря 1917 г.— начале января 1918 г. обстановка в частях старой армии накалилась до предела.

Еще задолго до Октября старая армия неудержимо разваливалась, не пополнялась и быстро таяла. Дезертирство из действующей армии и самодемобилизация продолжались и после провозглашения Советской власти. Дисциплина, порядок и организованность, а следовательно, и боеспособность войск резко упали.

Мало утешительного пришлось услышать начальнику штаба Северного фронта от начальника штаба 12-й армии. «Наверху,— взволнованно говорил последний,— неясно себе представляют состояние фронта... Положение таково, что ни о какой устойчивости фронта в случае наступления противника разговора не может быть. В ротах 30—40 штыков, при весьма низком моральном состоянии. Материальная часть в расстройстве. Лошади не ходят. Фуража нет. В некоторых батареях нет прислуги для ухода за материальной частью; так, 3-й особый артдивизион не может выступить на позицию, так как он за неимением номеров представляет собой обоз. В 3-й Особой дивизии из 3-х пулеметных команд лошадей можно набрать только на одну. 23-й Финляндский полк по своему составу имеет около батальона. Авиадив 12 доносит, что у него нет даже кем охранять аппараты (самолеты). Такова картина почти во всех частях. Нет ни

одного полка, где бы в составе было более 500—600 штыков. Продовольствие за последние 10 дней не поступало. Если подвоза не будет, начнется голод»*.

И, как вывод: «При малейшем нажиме противника армия не устоит и безусловно обречена на катастрофу. Поэтому командарм считает необходимым отправить всю конницу и артиллерию в тыл страны с тем, чтобы сохранить ценный конский состав и технику»**.

О небоеспособности своих войск доносили и командующие 1-й и 5-й армиями Северного фронта. Причем командование 5-й армии рекомендовало заранее отходить, «иначе при наступлении противника ему достанется вся материальная часть. 5-я армия не способна совершенно обороняться»***.

Аналогичная безрадостная картина наблюдалась и на Западном фронте. Генерал В. Д. Бонч-Бруевич доносил 4 января 1918 г.: «На Западном фронте, имеющем протяжение до 450 верст, насчитывается не более 150 тыс. штыков. Официальные данные эти считаются фронтом сильно преувеличенными... На версту фронта приходится не более 160 штыков. Многие участки фронта совершенно оставлены частями и никем не охраняются. При таких условиях фронт следует считать только обозначенным»****.

Соединения и части, длительное время находившиеся на боевых позициях, настойчиво требовали смены, как, например, 6-й и 2-й Сибирские корпуса 12-й армии. Предполагалось, что части 6-го Сибирского корпуса будут сменены частями 49-го армейского корпуса. Однако начальник штаба 49-го корпуса донес в штаб армии, что «по данным, полученным от председателя корпусного комитета, части корпуса на смену 6-го Сибирского корпуса не пойдут»*****.

Так плачевно оканчивались многие попытки сменить части на фронте или произвести внутрифронтовую перегруппировку войск. Под разными предлогами, чаще всего ссылаясь на нехватку зимнего обмундирования, сое-

---

* ЦГВИА, ф. 2152, оп. 2, д. 90, л. 144.
** Там же, оп. 1, д. 80, л. 128.
*** Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 94, лл. 2, 7.
**** В. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам. М., 1957, стр. 230.
***** ЦГВИА, ф. 2152, оп. 2, д. 90, л. 56.

динения и части не шли на боевые позиции. Истинной же причиной отказа была боязнь надолго застрять на фронте, так как в очередную смену никто не верил.

Потеряв надежду на смену, многие полки и даже дивизии 1-й, 5-й и 12-й армий начали самовольно покидать боевые участки и позиции на фронте. Так, 16(29) декабря 1917 г. снялся с позиции и ушел в тыл 132-й Бендерский полк 36-й пехотной дивизии 2-го Сибирского корпуса, а через два дня — 4-я Донская дивизия 13-го армейского корпуса. Важнейшее направление от Виртсу на Ревель (Таллин), выводящее кратчайшим путем в тыл 12-й армии и далее к дороге на Петроград, оказалось неприкрытым*.

Командование Северного фронта, обеспокоенное создавшимся положением, 14(27) января 1918 г. отдало директиву, в которой предлагалось образовать при штабах армий особые временные комиссии из представителей штабов армий, армейских и дивизионных комитетов с задачей установить окончательное расположение всех частей армий, принимая во внимание стратегическую и тактическую обстановку, удобства расквартирования, демобилизации и реорганизации армий.

Делегаты корпусных и дивизионных комитетов 12-й армии решили, что 6-й Сибирский корпус должен занять правый боевой участок армии от стыка с 13-м армейским корпусом до реки Гауя и удерживать его до смены частей корпуса вновь формируемыми частями Красной Армии. 43-му армейскому корпусу надлежало сменить 2-й Сибирский корпус. Это решение 24 января (6 февраля) было объявлено приказом по войскам армии***.

Несмотря на это решение, ни одну часть 6-го Сибирского корпуса не удалось убедить остаться на позиции до смены их формируемыми частями Красной Армии. Нетерпение солдат нарастало, самовольный уход с позиций продолжался.

В этих условиях было принято решение о спешной смене частей 6-го Сибирского корпуса 2-м Красноармей-

---

* В скобках названия населенных пунктов Прибалтики даются по существующим ныне наименованиям.

** ЦГВИА, ф. 2273, оп. 1, д. 221, л. 2.

*** ЦГВИА, ф. 2273, оп. 1, д. 226, л. 66.

ским полком. Ко дню смены «возраст» полка не превышал недели, подразделения полка из-за территориальной разобщенности не были достаточно сколочены.

★ ★ ★

Приказ комиссара 12-й армии Нахимсона об объединении новых красноармейских батальонов в полки (организационно и территориально) встретил энергичное сопротивление начальников дивизий. Они боялись, что с уходом добровольцев старые части вовсе покинут фронт, и поэтому требовали оставить красноармейские батальоны в дивизиях.

Полностью 2-й красноармейский полк занял 40-километровую полосу обороны 6-го Сибирского корпуса лишь за несколько дней до перехода немцев в наступление. 1-й батальон сменил 3-ю дивизию, 2-й — 14-ю и 3-й — 136-ю. Каждая красноармейская рота сменила тот полк, из которого она выделялась.

Командиры батальонов расположились на командных пунктах дивизий, а командиры рот — на месте бывших штабов полков. Территориальная разобщенность еще больше увеличилась, что невероятно усложняло руководство полком.

В довершение всего полк остался без единого орудия: батареи были сняты с позиций одновременно с частями старой армии. Уходя, штаб 6-го корпуса захватил с собой даже все телеграфные аппараты для связи со штабом армии, и штаб нашего полка, сменивший на мызе Набе штаб корпуса, остался без связи с тылом.

С уходом корпусных интендантов, складов и баз снабжения обнаружилась и еще одна неприятность: полк остался без продовольствия и фуража. Вместо обещанного усиленного пайка красноармейцы были вынуждены перейти в буквальном смысле на подножный корм: они разгребали снег, выкапывали из мерзлой земли неубранный картофель. Вместо хлеба бойцы получали скромную порцию твердых, как камень, галет, которые именовались «пряниками Керенского». На мясо пришлось забить тощих лошадей, оставленных ушедшими частями старой армии.

Несмотря на эти существенные неполадки, настроение красноармейцев и командира полка было боевое: они стойко переносили все тяготы и лишения. Случаев дезертирства или попыток бросить фронт не было совсем. Чувство ответственности перед новой социалистической Родиной и высокая политическая сознательность, побудившие этих людей добровольно пойти в Красную Армию, помогали им терпеть невзгоды и не оставлять порученного поста.

Яркую характеристику мужества и стойкости подразделений 2-го красноармейского полка дает в своей телеграмме, посланной в штаб 12-й армии после смены 3-й Сибирской стрелковой дивизии 1-м батальоном полка, комиссар этой дивизии.

«29.1 (11.2) 1918 года

Управарму 12 Валга

Полки дивизии уползли в тыл. Но выручила гвардия, заняв фронт. Тяжело, но надежда не иссякла.

Гвардия стоит бодро, лишь бы была сыта. Дайте формальный приказ о признании 2-го полка отдельной частью дивизии со своим хозяйством. Отпустите аванс, пока можно. И им хватит, надеюсь. Гвардия не бросила фронта. И я пока не покину. Не забудьте только всех нас. Да здравствует Ленин... Да здравствует народная гардия, свободный народ и грядущая социальная революция.

Именем Красной гвардии дивкомиссар З. Сиб. Келле»*.

НАКАНУНЕ ГЕРМАНСКОГО НАПАДЕНИЯ

Советское правительство, учитывая возможность перехода немецких войск в наступление, спешно проводило ряд мероприятий по укреплению фронта. Особое значение в тех условиях приобрел Северный фронт, войска которого прикрывали в Прибалтике дальние подступы к Петрограду.

---

* ЦГВИА, ф. 2152, оп. 1, д. 471, л. 344.

Ставка Верховного Главнокомандования в своих указаниях от 30 декабря 1917 (12 января 1918 г.) обязала войска Северного фронта, в случае отказа немцев от мира и перехода их в наступление, преградить вражеским частям путь к жизненно важным районам Советской республики — Петрограду, Ревелю (Таллину) и Смоленску.

На Северном фронте эти общие указания вылились в конкретную постановку армиям боевых задач *:

Ревельскому (Таллинскому) укрепленному району было приказано в случае угрозы высадки противника где-либо в районе Моонзунда включить в свой состав правофланговый корпус 12-й армии, не допустить высадки противника на побережье, а также оборонять районы Вильянди, Ревель, Пайде, Юрьев;

12-й армии предстояло защищать одним корпусом направление Рига—Нарва, а главными силами прикрывать направление Рига—Псков;

1-я армия в случае наступления противника должна была сдерживать его продвижение на направлениях Екабпилс—Псков и Екабпилс—Остров;

5-й армии предстояло упорной обороной любой ценой удержать занимаемые позиции, чтобы прикрыть Двинский железнодорожный узел и пути в направлениях Режица (Резекне) и Полоцк.

В свою очередь, командующие и штабы армий Северного фронта разработали и отдали войскам директивы, в которых конкретные боевые задачи были поставлены каждому корпусу, каждой стрелковой дивизии и средствам усиления.

Становилось очевидным, что войска армий в ближайшие недели из-за крайней усталости солдат и широко развернувшегося процесса демобилизации не в состоянии успешно отразить немецкое наступление. Поэтому было решено оставить на занимаемом фронте минимальные силы и поддержать их авангардами, а главные силы отвести в тыл на подготовленные рубежи, где организовать оборону. Этим предполагалось предотвратить разгром и пленение старой армии, а также массовую потерю вооружения.

---

* ЦГВИА, ф. 2279, оп. 1, д. 36, л л. 9—10; ф. 2031, оп. 1, д. 94 л. 19.

Вскоре по железной дороге в тыл потянулись эшелоны с тяжелой артиллерией. Легкая артиллерия и другое военное имущество эвакуировались на специально мобилизованном конном транспорте. А в войсковых районах начали спешно формироваться отдельные отряды из красноармейцев и добровольцев — революционных солдат старой армии. Им предстояло прикрыть грудью Республику, так как надеяться на регулярные соединения старой армии не приходилось. Этим отрядам выделялись лучшие лошади, наиболее легкие повозки, им придавались конные части и средства связи; отряды усиливались орудиями и пулеметами.

Командование Северного фронта обратилось к войскам с призывом защищать завоевания рабоче-крестьянской революции всеми силами и средствами, а в случае невозможности вести регулярную войну — перейти к партизанским способам действий. Партизанские отряды предлагалось выделять из пехотных, кавалерийских, артиллерийских и других частей.

А что же в это время делала другая сторона, представители которой сели в Брест-Литовске за стол мирных переговоров?

Победа Октябрьской социалистической революции насторожила, встревожила империалистов. Вместе с тем «исчезновение» Восточного фронта, военная слабость молодой Советской республики подогрели аппетиты немецкой буржуазии и прусского юнкерства.

Германский генералитет начал готовиться к походу на Петроград и Москву с целью реставрации в нашей стране старых порядков. Император Вильгельм без стеснения писал стороннику немецкой ориентации белогвардейскому генералу Краснову: «Никакой „единой России" не будет: Россия будет разделена на 4 царства: Украину, Юго-Восточный союз, Великороссию и Сибирь». Прибалтику предполагалось включить непосредственно в состав Германской империи.

Уже 5 января 1918 г., через две недели после сговора англо-французских империалистов об оказании помощи белогвардейским правительствам и о разделении сфер влияния на юге России, Верховное командование германской армии, боясь опоздать к дележу «русского пирога», приказало главнокомандующему Восточным фронтом готовить наступление на Советскую республи-

ку. 31 января были уточнены последние детали будущей операции, получившей условное наименование «Фауст-шлаг» («Удар кулаком») *.

Кайзер и его командование рассчитывали мощным ударом на всем русско-германском фронте в короткий срок сломить организованное сопротивление Советской республики, захватить Петроград и Москву, потопить в крови революцию, расчленить и поработить Россию. Основные силы врага сосредоточивались на трех направлениях: петроградском, центральном (в Белоруссии) и южном (на Украине).

Особое внимание германское командование уделяло петроградскому направлению, где рассчитывало кратчайшими путями прорваться к сердцу республики — Петрограду. Здесь оно сосредоточило до 16 дивизий, входивших в состав 8-й армии и армейской группы «Д».

Эта группировка получила следующие задачи: армейская группа «Д» в составе 53-го и 56-го корпусов (шесть пехотных и одна кавалерийская дивизия) должна нанести удар главными силами в направлении Двинск —Псков; 8-я армия в составе 58,6,60-го и Северного корпусов (семь пехотных и две кавалерийские дивизии), наступая главными силами на направление Рига — Псков, получила задачу совместно с армейской группой «Д» окружить и разгромить войска южного фланга 12-й, 1-й и северного фланга 5-й русских армий. Часть сил 8-й армии должна была наступать на Юрьев (Тарту), Нарву и во взаимодействии с Северным корпусом, наносившим удар с Моонзундских островов, окружить и разгромить войска центра и северного фланга 12-й армии.

Между главными группировками 8-й армии и армейской группы «Д» из района Якобштадт (Екабпилс) на Гулбене и Аташене наносил вспомогательный удар 58-й корпус.

После занятия Пскова и Нарвы намечалось развернуть наступление на Петроград.

Не ожидая в целом серьезного сопротивления войск распадавшейся русской армии, немецкое командование, тем не менее, очень тщательно готовилось к операции. Прежде всего оно позаботилось о повышении манев-

---

* «Мировая война», т. 13. Изд. Эрнста Зигфрида Митлера и сына. Берлин, 1942, приложение 24, стр. 364.

ку. 31 января были уточнены посл
операции, получившей условное
шлаг» («Удар кулаком»)*.

Кайзер и его командование ра
ударом на всем русско-германско
срок сломить организованное сопр
республики, захватить Петроград
крови революцию, расчленить и п
новные силы врага сосредоточив
лениях: петроградском, централь
южном (на Украине).

Особое внимание германско
троградскому направлению,
шими путями прорваться к
раду. Здесь оно сосредото
ших в состав 8-й армии и а
Эта группировка получила с
в составе 53-го
Д» в составе

ренности своих войск, чтобы сразу же после прорыва укрепленных позиций перейти к стремительному преследованию. В дивизиях были созданы подвижные подразделения из всех родов войск; но способный к совершению марша личный состав был отчислен; подготовлялся санный обоз, зимний ковочный инвентарь для лошадей. Ближайшие к фронту разъезды и станции расширялись, на них были сосредоточены материалы для ремонта и восстановления железных дорог.

Немецкие войска, изготовившиеся для наступления, имели огромный численный перевес в живой силе и вооружении. Так, двум немецким дивизиям 6-го корпуса, начавшим наступление, могли оказать сопротивление на передней линии всего 200—300 человек 43-го корпуса. Причем наш корпус совершенно не имел артиллерии. Полнокровным немецким соединениям противостояли небоеспособные, слабо укомплектованные части и соединения старой русской армии. Ее полки насчитывали в среднем около 200 человек, что по численности соответствовало немецкой роте. Лишь несколько частей Красной Армии, спешно сформированных накануне наступления врага, могли оказать ему какое-то сопротивление. Однако численность их была также невелика. Громадное неравенство в силах предопределяло характер развернувшихся боевых действий.

Подготовка к наступлению германской армии подходила к концу. Немецкой военщине нужен был предлог для нападения на Советское государство, которое, по словам кайзеровского фельдмаршала Людендорфа, «привело бы к свержению большевистской власти».

Такой предлог дал врагу Троцкий. Будучи председателем советской делегации в Брест-Литовске, он не выполнил полученных им прямых указаний Ленина и 10 февраля заявил об отказе Советской республики подписать мир на ультимативно предложенных Германией условиях. В то же время он сообщил немцам, что Советская Россия вести войну не будет и продолжает демобилизацию армии. Это было предательством интересов Советской республики. Мирные переговоры оказались сорванными.

Чудовищное поведение Троцкого развязало руки немецкому командованию, которое заявило, что «неподписание Троцким мирного договора автоматически вле-

чет за собой прекращение перемирия»*. 16 февраля на шему правительству было сообщено, что с 12 часов 18 февраля 1918 г. Германия будет считать себя в состоянии войны с Советским государством. Тем самым немецкое командование грубо нарушило одно из условий перемирия, требовавшее предупреждения о разрыве его за семь дней.

Наша страна оказалась под ударом германского империализма.

НА ПЕТРОГРАДСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Наступление немецких и австрийских войск на Восточном фронте началось 18 февраля. Кайзеровские корпуса, развернутые в Прибалтике, сосредоточили основные усилия на псковском и нарвском направлениях, чтобы затем выполнить требование своего командования — идти «на Петербург!».

Для наступления на Псков немцы наметили два основных операционных направления — двинско-псковское и рижско-псковское и вспомогательное — Якобштадт, Остров.

Совет армейских комиссаров 5-й армии 18 февраля отдал войскам приказ, в котором, в частности, говорилось: «...Частям, занимающим передовые линии и находящимся на левом берегу Двины, отойти за реку. Город Двинск будет оставлен, мост, склады снарядов, часть ледяной поверхности будут взорваны минноподрывной работой. В дальнейшем приказываю всем частям... отступать вдоль Псковского шоссе, задерживаясь на выгодных для обороны рубежах,.. ведя малую партизанскую войну»**.

После полудня 18 февраля, воспользовавшись начавшимся отходом русских частей с передовой линии на ле-

---

* Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914 — 1918 гг., М., 1924, т. 2, стр. 134.

** ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 215, лл. 139—140.

вом берегу реки Двина, немецкие передовые отряды с бронеавтомобилями впереди быстро проскочили мосты через Двину и обезоружили караулы на правом берегу реки. Минеры при внезапном появлении немцев растерялись и, несмотря на то, что все мосты были заминированы, не взорвали их. Вскоре враг захватил весь Двинск и железнодорожный узел, на котором осталось значительное количество паровозов и вагонов.

Дивизии противника, действовавшие в обход Двинска, из-за снежных заносов продвигались медленно. Отходящие части русской армии и уходившие в глубь страны эшелоны преследовались только отдельными самолетами.

На следующий день ободренный первыми успехами командующий армейской группой «Д» приказал 53-му корпусу главными силами наступать вдоль железной дороги и шоссе на Псков и захватить его как «важный пункт главной дороги, ведущей на Петербург» *.

Корпус, получив колонну грузовых автомобилей, железнодорожный транспорт и необходимый строительный материал для восстановления дорог и мостов, начал продвигаться к Пскову.

21 февраля, воспользовавшись несогласованностью действий соединений 5-й и 1-й армий Северного фронта, немцы заняли Режицу. Пригнав подвижной состав, захваченный в Двинске, они начали «железнодорожный марш» на Псков по почти не обороняемой железной дороге.

Удар на рижско-псковском направлении, где оборонялась наша 12-я армия, наносили соединения 8-й немецкой армии.

Командир 60-го армейского корпуса, наступавшего в полосе 2-го красноармейского полка, приказал выделить от каждой дивизии по два подвижных отряда силою до двух батальонов каждый, усилить их артиллерией и саперами и, в случае отхода русских, развернуть преследование их.

Соединения противника, надеясь на проводников, не произвели предварительной разведки и заняли исходное положение для наступления далеко от передовой позиции, оставленной русскими войсками после заключения

---

* «Мировая война», т. 13, приложение 24, стр. 368.

перемирия. Прежде чем вступить в боевое соприкосновение с нашими подразделениями, им пришлось преодолевать глубокий снег, проволочные заграждения и заброшенные окопы.

В то время, не имея связи ни с тылом, ни с соседями, я не знал, что левее нашего полка находится 43-й армейский корпус, а севернее, на побережье,— 13-й армейский корпус. Более того, я даже не подозревал о надвигающейся войне и узнал о ней лишь во второй половине дня 18 февраля, когда командир 3-го батальона сообщил по телефону, что на его участке вражеские войска перешли в наступление.

Красноармейские роты вначале упорно сопротивлялись, но противник, пользуясь подавляющим численным превосходством, без труда обходил их, принудив в конечном счете к отступлению.

— Сейчас, оторвавшись от немцев,— сообщал командир 3-го батальона,— отходим к Страупе.

«Зря панику развел»,— подумал я и приказал:

— Привести людей в порядок, перейти в контратаку и восстановить утраченное положение.

— Слушаюсь,— ответил командир батальона.

Но вскоре он позвонил снова и доложил, что батальон не смог остановить противника и под натиском его превосходящих сил продолжает отход.

Сказав, что приеду сам, я тут же позвонил командирам 1-го и 2-го батальонов — Андрейчуку и Чернышеву. На их участках все было спокойно.

Это навело меня на мысль, что противник проводит обычную разведку боем, а в 3-м батальоне приняли это за наступление.

Много лет спустя я узнал, что 18 февраля в наступление на огромном фронте от Рижского залива до устья реки Дунай перешли 50 германских дивизий общей численностью около 700 000 человек. На одном из главных направлений — петроградском — продвигалось около 10 дивизий противника. На 40-километровом участке нашего 2-го красноармейского полка наступали четыре дивизии *. Против тысячи красных бойцов — четыре дивизии! Соотношение сил было явно не в нашу пользу.

---

* 19-я ландверная, 77-я резервная, 1-я и 4-я кавалерийские дивизии, входившие в состав 60-го немецкого армейского корпуса.

От штаба до Страупе — часа два езды. Выехал на санях по усаженной липами дороге. Занесенные снегом поля, перелески и разбросанные кое-где мызы — все выглядело удивительно мирно.

Вскоре показалась мыза, где я предполагал перехватить 3-й батальон. Приказав ехать тише, настороженно смотрел вдаль. А вдруг наши отошли и заеду я прямо к противнику в плен? Но тут увидел нескольких красноармейцев. Наши!

Приехав, собрал людей.

— Куда же вы, товарищи? Разве можно бросать фронт? Для этого ли мы записывались в Красную Армию? Ведь нам доверили оборонять подступы к революционному Петрограду. Против нас, целого батальона, какая-то разведка показалась, а вы побежали.

— Не побежали, положим, — раздался голос.

— Ну, не побежали, так пятились, как говорят на Украине,— поддержал другой.

В рядах бойцов послышался смех.

— Товарищ командир полка,— заговорил один из солдат,— это не разведка. Я в секрете сидел и видел цепи солдат. И до того явственно, что даже погоны у них заметил. Какие-то белые, похожие на металлические.

— В самом деле металлические? Может быть, это от вашего страха они побелели? Надо было не отступать, а открывать огонь.

— А мы открыли, он обходит нас,— сказал кто-то.

— Значит, слабый огонь, раз противник прошел. Справа от вас первый батальон стоит, вы отступили без приказа и оголили его фланг. Возвращайтесь на прежние свои позиции.

Бойцы повернули обратно, вместе с ними пошел и я. Но тут ко мне подбежал красноармеец-связист и сказал, что из штаба полка меня настоятельно, срочно вызывают к телефону.

— Ваше присутствие в штабе необходимо,— говорил по телефону мой заместитель по строевой части Струнин.— Враг перешел в наступление...

— На каком участке?

— На участке первого батальона.

— Наши держатся?

— С боем отходят.

— Прикажите остановиться! Сейчас вернусь в штаб.

Положил трубку, отозвал в сторону командира батальона и поставил его в известность о положении на участке соседей.

— Как видишь, теперь мое место там, откуда удобнее управлять всем полком. Ты и без меня здесь справишься. Не забудь разведку выслать. Тыловой рубеж для обороны—эта мыза,—показал я ему рубеж на местности.

В штабе мне доложили, что противник перешел уже в наступление и на участке 2-го батальона.

— К телефону Андрейчука и Чернышева. Какие сведения от третьего батальона?

— Связь с ним прервалась,— ответил Струнин.

Первым был вызван Чернышев.

— Товарищ командир полка! — кричал он в трубку. — Прямо на нас идут. Что делать?

— Открывайте огонь!

— Да немцы совсем близко! — трусливо вопил в трубку Чернышев.— Уже пули свистят...

— Руководи боем! — крикнул я ему.

Разговор прервался

— Чернышев! Чернышев!

Но командир 2-го батальона не отзывался. Телефонист промежуточной станции сообщил, что пуля попала в стекло дома, где стоял телефонный аппарат, Чернышев выбежал, а батальон отступает по направлению к Лимбажи.

Тут я вспомнил разговор с комиссаром. Да, он был прав. Не следовало бы идти на уступки незрелым бойцам, доверившимся демагогическим обещаниям прохидимца.

Твердо решив при первом же удобном случае избавиться от Чернышева, я связался с командиром 1-го батальона.

— Товарищ командир полка! — спокойно докладывал Андрейчук.— По приказу вашего заместителя батальон выбрал удобный рубеж для обороны. Но едва успели его занять, показался противник. Мы открыли ружейный и пулеметный огонь. И, несмотря на большие потери, немцы нас обошли. Пришлось начать отход.

— Как красноармейцы?

— Дерутся мужественно. Тут позиции нет. Как только найду хороший рубеж для обороны, прикажу занять и доложу.

Да, на Андрейчука можно было положиться. Он не впадал в панику от свиста пуль и руководил людьми.

Чернышев же, несмотря на предупреждение, бездействовал, не подготовился к начавшемуся вновь наступлению немцев. Его роты были застигнуты врасплох, а 8-я рота прижата к заливу.

Не чувствуя власти и авторитета командира, бойцы покидали позиции и отходили.

Положение осложнялось. Что делать? Решил оттянуть 1-й и 2-й батальоны к юго-западу от Лимбажи. Сюда же перешел и штаб полка. Этому батальону, отошедшему в Страупо, приказал организовать оборону на узле дорог Страупо-Валмиера и Лимбажи-Цесис и прикрывать дорогу на Валмиеру.

Переводя в Лимбажи штаб полка, я надеялся связаться со штабом армии, доложить об отходе и узнать, что делается на других участках.

Отправив своего заместителя Струнина на станцию Озолы — может быть, там удастся найти какое-нибудь начальство,— попытался связаться по телефону со штабом армии. Уже наступила ночь, а я все еще тщетно разыскивал по близлежащим латышским городкам, местечкам, хуторам и мызам какое-нибудь «высшее начальство». И тут, как снег на голову, свалилось сообщение, что 1-й батальон, самовольно снявшись с позиции, идет в город. Об этом доложил связной, присланный Андрейчуком. Неужели и Андрейчука солдаты не послушали?

— Почему в город?

— Бойцы говорят, что командир полка уехал в город развлекаться, а нас в оборону поставил. Чем мы хуже его: пойдем и мы в город.

— Далеко батальон?

— Да, пожалуй, сейчас уже верстах в двух отсюда.

Через несколько минут я помчался на коне к батальону. Встретил его в версте от города и обратился к красноармейцам:

— Товарищи! Что говорится в положении о взаимоотношениях командира и красноармейца? Раз командира выбрали, значит, ему доверяют и выполняют все его приказания беспрекословно; не выполняют — значит, ему не доверяют. Видимо, вы мне не доверяете, раз самовольно оставили позицию...

Низко поклонившись красноармейцам, я сказал:

— Спасибо, товарищи, за то, что вы меня выбрали в командиры, но отныне не могу им быть. И если вы не повернете обратно и не займете позицию, какая была вам указана, мне придется с вами проститься. За себя легче нести ответственность, чем за всех вас. Стану рядовым, а вы выбирайте другого командира.

Бойцы молчали. Ждал и я.

— О чем говорить? Придется, значит, пойти, раз надо,— раздался чей-то голос.

— Идем, ребята, обратно,— зашумели в рядах.

Ночную тишину прервала решительная команда командира 2-й роты бывшего фельдфебеля Сливы.

— Вторая рота, правое плечо вперед, за мной. Шагом марш!

— Веди! — приказал я Андрейчуку, а сам снова возвратился на узел связи.

Было уже утро, когда я вышел из здания телефонной конторы. Всю ночь не спал, измучился, а главное, ни с кем не связался.

Неожиданно послышались резкие протяжные звуки. Заинтересовавшись, я повернул за угол и увидел входящий в Лимбажи батальон Чернышева. Он ехал впереди верхом на коне в тулупе, надетом поверх шинели, в сопровождении конных ординарцев на тощих лошаденках, а за ними шли два бойца и выдували нечто невообразимое в неведомо откуда добытые сигнальные трубы. За горнистами двигался батальон.

При всех я сделал Чернышеву выговор за самовольное оставление позиции.

Когда я кончил говорить, Чернышев повернулся к бойцам, привстал на стременах и театрально поднял руку.

— Вы слышали? Командир полка говорит, что я вами не командовал в бою! — истерично кричал он.— Да это при старом режиме, что ли! Как будто вы сами не знаете, что надо делать: держаться ли на позиции, стрелять или отходить. А что в город вас привел, так разве вам не лучше будет в городе? Мало вы таскались по окопам и землянкам, надо и по-людски пожить.

Такая демагогия не могла привести ни к чему хорошему. Надо было принимать решительные меры, используя предоставленную мне власть командира.

— Батальон! Слушай мою команду! — и я приказал выйти на окраину города, чтобы занять оборону вдоль сараев.

Подавляющее большинство бойцов двинулось за мной. Небольшая группа топталась возле Чернышева. Но потом и они пошли за остальными.

Едва удалось восстановить положение на участке батальона Чернышева, как мне донесли, что 1-й батальон, который успешно вел бой с наступающим противником, стал отступать, завидя отход 2-го батальона. Андрейчук решил, что Чернышев оставил позиции по моему приказу и ему также нужно отходить.

Что делать? В таких условиях трудно было организовать защиту города. Оставалось отвести полк на дорогу за город и там занять оборону.

В те первые дни, когда Красная Армия только что создавалась, в ее составе был, как говорил Ленин, «безусловно великолепный боевой материал, но материал сырой, необработанный». Не удивительно, что возникало немало неувязок, несогласованностей, нарушений дисциплины.

...В сумерках, прикрываемая дозорами, на дороге показалась колонна неприятельских солдат.

Я взглянул на расположенные по обеим сторонам дороги пулеметы.

— Открывай огонь! — приказал командиру пулеметной роты Газнюку, решив завязать огневой бой, попытаться втянуть в него весь полк и таким образом остановить врага.

Лишь только затрещали пулеметы, в колонне врага произошла заминка. Немцы с удивлением остановились, словно не веря, что их спокойному продвижению по чужой территории кто-то помешал. Затем противник стал откатываться назад.

Вспоминая впоследствии это первое, по существу еще слабое сопротивление неприятельским войскам, я думал о том, что можно было бы по-настоящему дать отпор врагу даже в этот день, 19 февраля 1918 г., если бы в наших рядах оказались те коммунисты, питерские и псковские рабочие, которые пришли в армию буквально через два-три дня — 22—23 февраля.

Отход противника подбодрил красноармейцев. Вскоре стало совсем темно, и враг прекратил стрельбу.

Г. М. ГАЗНЮК

Со станции Озолы пришла записка от Струнина. Он сообщал, что удалось связаться со станцией Валмиера. Представитель Исполнительного комитета Советов солдатских депутатов 12-й армии Чарин приказал нашему полку двигаться на станцию Озолы, где нас ожидали эшелоны для отправки в Валмиеру.

Меня удивило это распоряжение. Я ожидал, что нашему полку будет приказано организовать оборону и сдерживать противника, но приказ надо было выполнять.

Когда мы подошли к станции Озолы, 1-й и 2-й батальоны сразу начали погрузку в вагоны, 3-й батальон вел в это время бой на валмиерском направлении.

Струнину, Фергову и Газнюку вместе с конными разведчиками и хозяйством полка я приказал отходить по дороге на Тарту, так как для них не было места в эшелонах.

☆ ☆ ☆

В Валмиере я прежде всего нашел Чарина. Доложил ему о состоянии полка, попросил два-три дня, чтобы привести его в порядок. Этого времени, конечно, было мало, если учесть, что предстояло еще подождать отставший 3-й батальон.

Однако Чарин сообщил, что полк переходит в резерв командования Северного фронта и должен немедленно отправиться в Псков.

— А как быть с третьим батальоном?

— Здесь остается ряд товарищей, и если батальон подойдет, его отправят вслед за вами.

Вся станция Валмиера была забита составами с эвакуируемым имуществом. На эшелоны, точно мухи на мед, налипли не пожелавшие вступить в Красную Армию и теперь панически бежавшие от немцев солдаты. Неразбериха была невероятная. Наш полк эшелона не получил. Я созвал красноармейцев, объяснил положение и предупредил о трудностях отправки в Псков.

— Поскольку вагонов нам не выделили, добираться до Пскова придется мелкими группами и в одиночку, рассаживаясь по эшелонам.

Затем разбил солдат на группы, назначил старших. Условились: сбор в Пскове — Иркутские казармы.

Меня все время не покидала мысль, что принятое решение очень рискованное. Списков красноармейцев и командиров ни в ротах, ни в штабе полка не имелось и проверить личный состав в Пскове не было возможности. Но другого выхода я не видел, приходилось идти на риск. Между тем жизнь показала, что это своеобразное испытание пошло на пользу: случайные элементы дезертировали, а люди, сознательно пошедшие защищать Советскую власть, все прибыли на сборный пункт в Пскове.

Красноармеец Костев рассказал мне, что 16 бойцов 2-го батальона находились в заставе и в суматохе не были предупреждены об отправке полка в Псков. Им пришлось выбираться из Валмиера, когда город был уже занят войсками противника. Бойцы незамеченными вышли из города, на одном из полустанков догнали эшелон и в нем доехали до Пскова. Здесь они разыскали полк, который разместился в Иркутских казармах.

Этот факт свидетельствует, что большинство солдат, вступивших в Красную Армию, сознательно стремилось стать бойцами революции.

Отправив полк, я некоторое время оставался в городе, ожидая, не подойдет ли 3-й батальон. Но его не было. Станция опустела. На путях стоял единственный эшелон. Пришлось ехать.

Вместе с адъютантом полка Григорьевым зашел в пассажирский вагон. Он был битком набит офицерами. Среди них неожиданно я увидел Урбанковского.

— Что это у тебя на рукаве, не разберу? — спросил он, приглядываясь к моей повязке.

— Буквы КП обозначают командир полка.

— Это ты командир полка? — с иронией заметил Урбанковский.— Давно ли так преуспел?

Ответить я не успел. В разговор вмешался сидевший рядом с Урбанковским кавалерист в офицерской шинели.

— Судя по виду, вы офицер? — обратился он ко мне.

— По моему искреннему убеждению, большевики развалили армию и открыли дорогу врагу. Как же вы могли пойти служить к предателям Родины, не понимаю?

— Не к предателям, а к тем, кто формирует Красную Армию для защиты Родины.

— Красную Армию? — поморщился офицер.— Не представляю, что за армию они могут создать?

В голосе кавалерийского офицера звучала беспредельная, буквально зоологическая ненависть к большевикам, к Советской власти и Красной Армии. Конечно, мы не могли понять друг друга. Все же я сказал:

— По моему мнению, каждый честный русский офицер должен определить свое отношение к тому, что происходит сейчас в России. Середины быть не может. Настоящий патриот будет защищать Родину в рядах Красной Армии.

— А мы едем в Сибирь,— заметил кавалерист, показывая на сидящих в вагоне офицеров,— и там создадим новую, не красную, а белую армию, развернем фронт по Волге и оттуда через Совдепию двинемся навстречу немцам.

— Кого же вы бить собираетесь: немцев или свой народ?

— Немцев и большевиков.

— Не стоит с ним говорить об этом, Миша, деревней он был, деревней и остался,— попытался остановить кавалериста Урбанковский, но тот продолжал:

— И вам советую туда же, за Волгу, пробираться. Полка, конечно, там не получите, зато будете драться в рядах русских патриотов. Большевики разложили армию. Они перед сдачей Риги призывали не выполнять приказы.

— Это ложь! Ригу продали генералы, и вы это знаете не хуже меня. А большевики вели себя прекрасно. Думаю, что Урбанковский помнит председателя ротного

комитета Онучина и других большевиков, которые показывали образцы дисциплины и выполнения воинского долга, хотя вряд ли это воспоминание доставит ему удовольствие.

Урбанковский отвернулся к окну и не ответил. Что он мог сказать? Факты были против него. В это время я заметил, что Григорьев делает мне какие-то знаки, и подошел к нему.

— Подслушал нечаянно разговор офицеров,— зашептал он.—Начальник этого эшелона, полковник, и какой-то генерал, который с ним едет, оттягивают время отправки состава, чтобы сдаться немцам.

— А говорили, что едут в Сибирь, собираются с немцами воевать.

Григорьев махнул рукой:

— Они большевиков больше, чем немцев, боятся.

— Пойдем. Лучше по шпалам шагать, чем с этой мразью ехать.

Как раз в это время поезд тронулся. Мы сошли с него на следующем полустанке и сели в другой эшелон, переполненный бойцами и эвакуируемым имуществом.

А что же в это время происходило на участках соседей 2-го красноармейского полка?

43-й армейский корпус должен был прикрывать шоссе Рига—Псков и обеспечивать левый фланг 6-го Сибирского корпуса при обороне последнего на валгских позициях. Однако развал частей старой армии все усиливался, полки и дивизии самовольно уходили в тыл. Так, на станции Лигатне, которую должна была оборонять 109-я пехотная дивизия, к полудню 18 февраля остались лишь командиры 433-го и 434-го полков с адъютантами, четыре телефониста и шесть разведчиков.

Полковые и дивизионные комитеты из-за неоднородности своего состава не смогли повлиять на солдат и удержать их на боевых позициях. Если в целом комитеты стояли на большевистской платформе, то далеко не все члены их были истинными большевиками или сочувствовали им. Встречались и шкурники, которые с наступлением трудных дней забыли свои клятвы на верность революции и позорно бежали. Так, например, поступили члены комитета 109-й пехотной дивизии. Многие же члены комитетов, в том числе и настоящие большевики, не имели необходимой информации сверху и не представ-

ляли себе всей серьезности обстановки. К тому же среди старых офицеров, оставшихся в частях, обнаружился ненадежный, враждебный элемент.

Германские войска, не встречая сопротивления, безостановочно продвигались вперед. Однако это была уже не армия 1914—1916 гг., в ней также начиналось разложение. Если 8-й немецкой армии удалось сформировать боеспособные подвижные отряды, то ее основные силы, несмотря на обещание командования платить солдатам по 40 марок в день, уже не отличались боеспособностью. Немецким солдатам нужен был мир не меньше, чем русским.

В этой обстановке требовалось оказать даже небольшое сопротивление, чтобы остановить продвижение немцев. Но именно в эти дни советское командование, кроме уверенности в правоте дела большевиков, фактически не располагало силами, чтобы дать надлежащий отпор врагу.

20 февраля подвижный отряд немцев, выступивший со станции Ерика, после небольшого боя с отрядом красноармейцев занял станцию Цесис. А на следующий день, сломив упорное сопротивление первых отрядов зарождающейся армии, немецкие части заняли станцию и город Валмиера. В городе захватчики взяли в плен 20 красноармейцев, в том числе члена Исполнительного комитета Валмиерского уездного Совета рабочих и солдатских депутатов, стрелка запасного Латышского полка А. Дылле. Красноармейцы были расстреляны, а большевик Дылле повешен на площади.

Командование 8-й немецкой армии, узнав о повторном предложении Советского правительства заключить мир, потребовало от своих войск скорейшего захвата Латвии и Эстонии. С этой целью 6-му армейскому корпусу надлежало, развивая наступление по железной дороге на Валку, по Псковскому шоссе и в направлении Цесис—Выру, выйти на рубеж реки Эма-Йыги, между озерами Чудским и Выртс-Ярв и городом Алуксне. 60-й армейский корпус получил приказ наступать на север вдоль побережья Рижского залива, овладеть возвышенностью в районе Вильянди и портом Пярну, где установить связь с Северным корпусом.

Передовые отряды противника 21 февраля заняли Смилтене и, не встречая сопротивления наших войск,

устремились к Валке. Фактически железнодорожный участок Валмиера-Валка остался без прикрытия. 43-й русский корпус отходил к югу от железной дороги Рига—Псков, а основные силы 6-го Сибирского корпуса отходили к Валке севернее этой дороги. Отходившая из Валмиера к Валке 1-я железнодорожная бригада не разрушила ни железнодорожного полотна, ни железнодорожных мостов.

С отходом корпусов — 6-го Сибирского из Валки на Тарту (уже по эстонской земле), 43-го на Псковское шоссе и 2-го Сибирского в Печоры—в городе Валки остался лишь небольшой отряд красноармейцев и солдат старой армии, в задачу которого входила не столько оборона города, сколько уничтожение складов и вокзала. Выполнив свою задачу, отряд отошел. 22 февраля в город вошли немецкие войска.

В это время 2-й Сибирский корпус спешно отходил в район Выру и Печоры, чтобы занять оборону на изборских позициях и принять на себя отходящие русские части. Оборону предполагалось строить по принципу создания отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления на железной, шоссейной и хороших грунтовых дорогах с усиленным наблюдением промежутков между ними.

Не менее важные события развертывались в это время и на подступах к Ревелю, где наступали части немецкого Северного корпуса.

Получив сообщение о прекращении перемирия и возобновлении состояния войны, начальник береговой обороны собрал совещание командного состава и комитета Ревельского укрепленного района. Учитывая состояние войск, участники совещания признали целесообразным начать срочную эвакуацию в тыл наиболее ценного имущества и вооружения.

Как и на псковском направлении, в войсках старой армии царило нездоровое настроение. Многие команды артиллерийских батарей, оставив на боевых позициях офицеров и по два-три солдата для взрыва батарей, прибыли в Ревель. Более того, в ночь на 18 февраля в штаб немецкого губернатора Моонзундских островов в Курес-

саре из Хапсалу прибыли два предателя из 1-го Эстонского полка и от имени его командира заявили, что при переходе немцев в наступление полк «по ликвидации некоторых ненадежных элементов подчиняется немецкому командованию» *. Они же посоветовали с переходом Северного корпуса на материк вести наступление не на Пернов (Пярну), а на Ревель, «как центр, в котором сосредоточены все революционные происки Эстонии» **.

Наступление Северного корпуса немцев началось с островов Хиума, Эзель (Сарема) и Муху. Утром 20 февраля противник, форсировав по льду пролив Сур-Вяйн, достиг материка, занял Виртсу и, не встречая русских частей, начал продвигаться к Лихула. А через сутки гарнизон острова Хиума без боя занял Хапсалу и Линнамяэ. Расположенный в Хапсалу 1-й Эстонский полк численностью около 600 человек, находившийся в руках офицерства и буржуазных националистов, меньшевиков и эсеров, ночью, накануне высадки немецких войск, произвел в городе контрреволюционный переворот, арестовал представителей Советской власти и, разоружив русские подразделения, перешел на сторону немцев.

В связи с создавшейся угрозой наступления немецких войск непосредственно на Ревель, для более успешной обороны и эвакуации Ревельского укрепленного района местные советские организации решили сосредоточить всю военную и гражданскую власть в одних руках. С этой целью была образована Военная Коллегия из представителей краевого комитета, Совета депутатов, армейского и местного флотского комитетов. Военная Коллегия решила энергичными темпами продолжать эвакуацию материальных ценностей, а при подходе немцев к городу — уничтожить приморские батареи, а личный состав перевести на остров Нарген.

Было и третье направление отхода соединений Северного фронта — к Нарве и Гдову. 19 февраля командир 49-го корпуса получил от командования фронта соответствующую директиву, в которой, в частности, указывалось, что в случае наступления противника и отхода наших войск все отходящие из Ревеля и правофланговые

---

* Гуго Каупишь. Освобождение Лифляндии и Эстляндии (с 18.2 по 5.3). Ольденбург. Изд-во «Шталинг», 1918, стр. 41—42.

** Там же.

части 12-й армии должны принять меры по организации обороны на вильяндских и нарвских позициях с целью прикрытия направления на Петроград.

20 февраля части Северного фронта стали беспорядочно отходить и на этом направлении. Солдаты нервничали, не давали отдыха лошадям, на каждом привале ультимативно требовали безостановочного движения, стремясь как можно скорее покинуть прифронтовую полосу.

Общее состояние войск Северного фронта в этот период ярко характеризует нижеприводимая выдержка из телеграммы генерал-квартирмейстера 12-й армии в штаб фронта:

«Отступление армии приняло совершенно хаотический беспорядок. Все поезда, отходящие из г. Валки и проходящие через него, уничтожены солдатами, бросившими свои части и уезжающими на восток. Кроме частей 6-го Сибирского корпуса, в Валке задержались и солдаты 43-го корпуса,.. которым было приказано отходить по Псковскому шоссе. В Валке было несколько случаев захвата подвижного состава. По всем дорогам тянутся бесконечные обозы...»*.

В Смольный, по словам В. И. Ленина, с фронта шли «мучительно позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию, о неисполнении приказа уничтожать все и вся при отступлении; не говорим уже о бегстве, хаосе, безрукости, беспомощности, разгильдяйстве» **.

В этих условиях вся тяжесть обороны Советской республики легла на вновь формируемую, но еще окончательно не организованную Красную Армию. Работа по формированию последней до крайности затруднялась как общей разрухой в стране, так и беспорядочным отступлением с фронта войск старой армии, забивших все дороги и прифронтовые районы.

Прав был С. М. Нахимсон, когда еще в середине января 1918 г., открывая съезд полковых уполномоченных по формированию Красной Армии, сказал: «Старой армии больше нет. На смену ей пришла новая, социалистическая армия, которая теперь одна является опорой Со-

---

* ЦГВИА, ф. 2152, оп. 1, д. 647, лл. 404—406.
** В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 394.

ФРИДРИХ ЛЕГЕН

ветской власти [illegible], только красногвардейские отряды да мал[illegible] части зарождающейся Красной Армии, разобщенные между собой, не закончившие организации, не объединенные единым командованием, вступили в неравное единоборство с интервентами.

Стремясь запугать защитников Советской республики и сломить их волю к сопротивлению, немецкие войска

ОСКАР ЛЕГЕН

по приказу своего командования жестоко расправлялись со всеми, кого захватывали с оружием в руках.

Зверскую расправу учинили палачи из 219-й немецкой пехотной дивизии над попавшими в плен защитниками города Выру. Руководители обороны — председатель исполкома Фридрих Леген, его брат, председатель ревтрибунала Оскар Леген, заместитель командира Красной гвардии Вырускаго уезда Кристин Калмус — были повешены; инструктор исполкома Арнольд Сеэдер, красногвардеец Оскар Турб и многие другие были расстреляны.

В районе Юрьева после упорного боя немцам удалось окружить и взять в плен 4-ю роту 7-го латышского стрелкового полка численностью около 100 человек. Пленных выстроили перед городской ратушей и огласили приговор: за вооруженное сопротивление германской армии всех стрелков расстрелять. В ответ председатель ротного комитета Янис Гринвальд запел «Интернационал», подхваченный всеми стрелками. Гринвальд был убит на месте, а остальных стрелков отвели на берег реки Эма-Йыги и расстреляли. Спаслись только четыре стрелка*.

Зверства оккупантов не запугали патриотов. На место погибших становились новые бойцы, которые смело вступали в единоборство с регулярными частями немецкой армии. Так, в районе Ярва-Яни, в имении Орину, кузнец Суркаск и председатель волисполкома Якоб Паллок организовали отряд красногвардейцев в 30-40 человек и раздобыли оружие у отступающих с фронта русских солдат. Красногвардейцы решительно вступили в бой с передовым отрядом 4-й немецкой кавалерийской дивизии и нанесли ему значительные потери. Только через несколько дней противнику удалось выбить горстку храбрецов из имения. Яков Паллок и несколько красногвардейцев были замучены оккупантами.

Однако мужественное сопротивление малочисленных, разрозненных отрядов и групп не могло сдержать продвижение регулярных, прекрасно вооруженных немецких войск. Не встречая на своем пути организованного сопротивления, лавина интервентов стремительно покатилась к Пскову и Нарве. Создалось отчаянное положение:

---

* А. И. Спреслис. Латышские стрелки на страже завоеваний Октября. Издательство «Зинатне», Рига, 1967, стр. 81.

путь к Петрограду для немецких войск оказался открытым, над городом, где свершилась революция, нависла смертельная угроза. Для спасения власти трудящихся и сохранения национальной независимости Советского государства необходимо было осуществить самые решительные меры. В создавшейся тяжелой обстановке остановить наступление немецких полчищ могли лишь титанические усилия всего народа.

ВСЕ НА ЗАЩИТУ РЕСПУБЛИКИ СОВЕТОВ!

Коммунистическая партия и Советское правительство развернули огромную работу по мобилизации всех сил страны для отпора немецким захватчикам.

21 февраля 1918 г. В. И. Ленин от имени правительства обратился ко всем трудящимся страны с декретом-воззванием «Социалистическое Отечество в опасности».

Во исполнение Постановления Совета Народных Комиссаров был учрежден Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа. Первоочередными задачами этого штаба являлись: перевод Петрограда на осадное положение, мобилизация населения для нужд обороны, беспощадное подавление малейших выступлений контрреволюционных сил, решительное прекращение всех вылазок преступных и уголовных элементов, немедленная конфискация всех взрывчатых веществ, находящихся в частном владении, и реквизиция всего необходимого в целях обороны движимого и недвижимого имущества.

21 февраля город Петроград и Петроградский военный округ были объявлены на осадном положении, а для объединения в одном органе руководства войсками и обороной города был образован Комитет революционной обороны во главе с Я. М. Свердловым. В него вошли видные партийные, советские и военные работники: В. Д. Бонч-Бруевич, В. Володарский, С. И. Гусев, К. С. Еремеев, Н. В. Крыленко, К. А. Мехоношин, Н. И. Подвойский и др.

Комитет революционной обороны находился все время в Смольном в непосредственной близости от В. И. Ле-

нина. Душой Комитета был Я. М. Свердлов, обладавший кипучей энергией. Часто, когда обсуждались важные вопросы обороны Петрограда, на заседаниях Комитета присутствовал Владимир Ильич.

Сразу же были определены два главных направления, на которых необходимо было дать отпор врагу: нарвское и псковское. Основная работа Комитета революционной обороны свелась к организации боевых рабочих отрядов, их вооружению и спешной отправке на фронт. Навстречу врагу из Петрограда направлялись и некоторые части старой армии, правда, малочисленные, но сильные революционным духом оставшихся в них добровольцев.

Коммунистическая партия и Советское правительство видели, что эти отряды и части по своему боевому составу не представляли той силы, которая была бы в состоянии задержать наступающего врага. Поэтому главное внимание сосредоточивалось на массовом ускоренном формировании на добровольных началах Красной Армии. С полной силой заработала Всероссийская коллегия по организации и формированию частей Красной Армии.

Призыв к решительному отпору вооруженной интервенции немецких империалистов вызвал в стране мощный революционный подъем. 22 и особенно 23 февраля в Петрограде, Москве, Екатеринбурге (Свердловске), Челябинске и других городах состоялись митинги и собрания, участники которых с огромным подъемом выносили резолюции о всемерной поддержке Советской власти и вступлении в ряды Красной Армии.

Петроград превратился в вооруженный лагерь. В районах города спешно создавались штабы по записи добровольцев в новую армию. Все коммунисты Петроградской организации были мобилизованы: одни направлялись на фронт, другие — на фабрики, заводы, в сельскую местность для формирования и укрепления частей Красной Армии. Со всех сторон к Смольному шли группы вооруженных людей, чтобы предоставить себя в распоряжение революции. За несколько дней в столице было мобилизовано около 60 тысяч человек, из них около 20 тысяч сразу же отправлено на фронт*.

Примеру Петрограда последовали рабочие Москвы, Белоруссии, Украины, Поволжья, Урала. В Красную Ар-

* «50 лет Вооруженных Сил СССР». М., 1967, стр. 30.

мию шла крестьянская беднота, многие солдаты Северного и Западного фронтов.

Декрет-воззвание Советского правительства «Социалистическое отечество в опасности!» нашло всеобщую поддержку и одобрение трудящихся Республики, стало программой их борьбы с иностранным нашествием. Они были охвачены горячим желанием во что бы то ни стало защитить пролетарскую революцию и ее колыбель — Петроград. Отовсюду в Смольный шли телеграммы о готовности трудящихся стать на защиту Родины и Советской власти. «Иного отношения к своей рабоче-крестьянской власти,— писал в те дни В. И. Ленин,— и нельзя было ожидать»*.

Ленин был глубоко убежден, что революция справится с колоссальными трудностями и найдет силы для отпора врагу. Последующие события под Псковом, Ревелем и Нарвой подтвердили предвидение великого вождя революции.

★ ★ ★

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 408.

★

23 ФЕВРАЛЯ 1918 ГОДА

★ ★ ★

★ ★ ★

ПОД ПСКОВОМ — БОИ

Двадцать первого февраля командование Северного фронта отдало войскам директиву, в которой потребовало: «...По достижении изборских и островских позиций приказываем всем частям 12-й и 1-й армий остановиться, организовать упорную оборону и не допустить врага до внутренних губерний России»*.

Командование Северного фронта, находившееся в Пскове, а также местные партийные и советские организации с самого начала немецкого наступления предприняли ряд экстренных мер по обороне города и подступов к нему. Вот что рассказывает по этому поводу бывший член военной коллегии и ответственный организатор Красной гвардии «Верхосева»** Я. Т. Леонов.

«17 февраля 1918 г. в Управлении войсками Северного фронта и «Верхосеве» было получено прямое указание В. И. Ленина: в связи с объявлением германским верховным командованием о прекращении перемирия с Советской республикой и вероятным наступлением противника, срочно принять необходимые меры к задержанию продвижения немецких войск на псковском и нарвском направлениях; занять надежными и преданными революции частями удобные и выгодные в боевом отношении позиции и удерживать их до подхода подкреплений из Петрограда.

---

* ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 107, л. 94.

** Верхосев — Верховный Совет северо-западной области и Северного фронта. Создан на съезде Советов северо-западной области и Северного фронта, состоявшемся в ноябре 1917 г. в Пскове.

Я. Т. ЛЕОНОВ

Сразу же состоялось объединенное совещание Президиума и Военной коллегии «Верхосева» с участием командования Северного фронта и представителей ряда подведомственных фронтовых органов. На совещании было решено в тот же день подготовить для отправки на фронт отряд псковских красногвардейцев, командовать которым поручили мне, и отряд красногвардейцев железнодорожных войск во главе с членом военной коллегии «Верхосева», бывшим матросом большевиком Базилевичем. Нашим отрядам предстояло занять под Псковом предложенные командованием Северного фронта позиции и любой ценой удерживать их до прибытия 2-го красноармейского полка, который по решению «Верхосева», как заслуживающий особого боевого доверия, перебрасывался на этот ответственный участок.

Всем партийным и военным организациям было предложено развернуть энергичную работу по мобилизации сил и средств в помощь фронту, подготовить к вывозу наиболее ценное имущество, а что нельзя вывезти — привести в негодность или уничтожить. Особое внимание обращалось на пополнение формировавшихся частей Красной Армии и красногвардейских отрядов добровольцами. С этого дня вербовка добровольцев на вербовочных пунктах Пскова и других прифронтовых городов и отправка их на фронт производилась круглосуточно. Причем добровольцы направлялись на фронт не

только командами или группами, но и в одиночку. И я не помню случая, чтобы кто-либо из добровольцев не прибыл к месту своего назначения.

В указаниях В. И. Ленина особое значение придавалось усилению партийного влияния в частях Красной Армии. Президиум «Верхосева» совместно с командованием фронта и партийными органами Пскова отобрал и направил на боевые позиции группу стойких большевиков, в основном с дооктябрьским партийным стажем. Среди них были: солдат старой армии, член Военной коллегии «Верхосева» Васильев, красногвардеец Шашин, красногвардеец-путиловец Калинин, рижский рабочий латыш Тылтин, рабочий псковских железнодорожных мастерских Мельник и другие.

19 февраля 1918 г. на пленарном заседании исполкома Псковского губернского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов по предложению большевиков обсуждались неотложные меры, которые необходимо предпринять для организации отпора наступающему врагу. Псков и его окрестности с 12 часов 20 февраля объявлялись на осадном положении; для организации обороны города был создан Чрезвычайный штаб. В городе усиленно формировались красноармейские отряды. К исходу 21 февраля здесь в Красную Армию записалось 450 человек *.

Двадцатого—двадцать первого февраля 1918 г. отряды псковских красногвардейцев и революционных солдат железнодорожных войск заняли боевую позицию в районе станции Череха. Вооруженные лишь винтовками да ручными гранатами красногвардейцы поклялись выполнить приказ Ильича и удержать свои позиции до подхода 2-го красноармейского полка и подкреплений из Петрограда.

☆ ☆ ☆

...В Пскове было тревожно. В районе вокзала горели склады. Во дворе реального училища пылали костры: жгли какие-то документы. Февральский ветер подхватывал обрывки бумаги, кружил их в воздухе.

Улицы были заполнены солдатами старой армии. По центральному шоссе тянулись бесконечные обозы. Это

* «Вопросы истории», 1968, № 2, стр. 128.

Б. П. ПОЗЕРН

в тыл страны увозили артиллерию, боеприпасы, обмундирование и продовольствие развалившейся бывшей царской армии. Население города пряталось по квартирам.

Сразу же по приезде в Псков — это было вечером 21 февраля — я отправился в штаб Северного фронта, который помещался в здании бывшего кадетского корпуса.

На вопрос, где можно найти кого-нибудь из командования Северного фронта, мне указали на дверь с табличкой «Телеграфная». Войдя, я увидел лысого человека в расстегнутом пальто. Это был командующий фронтом Борис Павлович Позерн. По внешности он походил на ученого — в нем не было ничего военного. Вид у командующего был усталый, должно быть, он давно потерял счет бессонным ночам. Тяжелой походкой грузчика, на плечах которого лежит непосильная ноша, Позерн переходил от одного телефонного аппарата к другому, принимал нерадостные вести из армий. Тут же обобщая их, он передавал данные обстановки в Петроград, получал оттуда указания. Одновременно выслушивал доклады подчиненных, отвечал на вопросы, отдавал приказы. К нему шли командиры, штабные работники, руководители местных советских органов, командиры Красной гвардии.

Позерн ознакомил меня с обстановкой на Северном фронте и в стране. Она была очень тяжелой. 21 февраля противник переправился на материк с Моозундских островов и повел наступление на Ревель. В этот же день неприятельские войска заняли города Валмиера, Режица, Лудза. Старая армия развалилась, а молодые красноармейские полки, подобно нашему, находились в стадии становления.

— Вражеские войска пока еще не встретили никакого организованного сопротивления,— говорил мне комфронта.— Дорога на Петроград открыта. Из Смольного передали, что войска кайзера двигаются также на Украину и в Белоруссию. Вы должны сказать бойцам, что обстановка в стране требует от всех нас решительных мер для спасения революции. Здесь, в Пскове, мы с вами защищаем Петроград.

Позерн прохаживался у большой карты, то и дело поглядывая на нее.

— Весь рабочий народ Петрограда становится под ружье, и скоро его отряды выступят нам на помощь. Это тоже передайте бойцам. Нужно привести полк в порядок и немедленно занять оборону.

— Мне необходима неделя, чтобы добиться боевой готовности и освободиться от неустойчивых и недисциплинированных элементов,— сказал я.

— Семь дней? — переспросил с удивлением Позерн.— Вы, видимо, плохо поняли меня. Пока вы такими темпами будете готовить полк, войска противника подойдут к Пскову и займут его. Оборонять город некому. Понимаете вы это? Некому! А оборонять необходимо. Надо также во что бы то ни стало успеть эвакуировать фронтовое имущество.

— Но ведь мы сейчас выведены в резерв фронта.

— В том-то и дело, что не в резерв. Товарищ Чарин должен был передать вам, что полк направляется для выполнения боевой задачи.

— Этого он как раз не сообщил.

— Так вот, вам предстоит действовать, и очень скоро. Второму красноармейскому полку доверяется очень серьезное дело. Учтите, товарищ Черепанов, что сегодня самое опасное для нас направление Двинск-Псков. Заняв Двинск, враг получил возможность наступать на Псков.

Правый фланг пятой армии отошел от железной дороги, а первая армия к ней не успела подойти. Противник быстро продвигается по железной и шоссейной дорогам в тыл первой армии и во фланг вашей, 12-й. Эти коммуникации фактически никем не обороняются. И полку, которым вы командуете, предстоит закрыть своеобразные ворота на пути к Петрограду.

Позерн вынул из кармана часы, посмотрел на них и сказал:

— Сейчас еще рано. Нет и восьми часов. Завтра к этому времени — к восьми вечера точно — прошу привести полк в порядок. Сутки — срок немалый. В ночь на двадцать третье вышлите передовой отряд и займите оборону в районе станции Череха. А с утра двадцать третьего всем полком подготовьте оборону по рекам Многа и Череха. Перехватите железную дорогу и шоссе у станции и деревни Лопатино. Держитесь до подхода отрядов из Петрограда.

Позерн показал на карте места, где мы должны были занять оборону.

— Но мне надо время, чтобы сколотить людей, подтянуть, подучить...

Позерн перебил меня:

— Учить красноармейцев незачем. все они старые солдаты. А подкрепить вас надо. Дадим вашему полку хорошее подкрепление.

— Артиллерию? Связь? — радостно спросил я.

Позерн засмеялся:

— Нет. Артиллерии пока дать не можем. И насчет связи повременить придется. Агитаторов дадим! Все они рабочие, коммунисты. Помогут, несомненно. И еще: перешерстите состав командиров. Уберите тех, кто мешает.

— Но у нас теперь выборное начало.

— Во всем должна быть организованность. Вы перед красноармейцами прямо и откровенно ставьте вопрос о неспособности командира. А если вы не очень надеетесь на результат, займите командира любым делом и назначьте другого вместо него. Или дайте ему в помощники толкового подготовленного человека, который фактически и будет за него командовать в бою. Это, конечно, не выход, но как временная мера допустима. А вообще говоря, единого рецепта быть не

может. В каждой роте и в каждом батальоне свои особенности. Все вопросы решайте исходя из конкретной обстановки.

Проницательность командующего поразила меня. Он говорил так, словно знал о выходках, которые в сложной боевой обстановке позволял себе Чернышев.

Этот разговор буквально окрылил меня. Казалось, он прибавил мне командирского опыта.

— Действуйте смелее, не бойтесь самостоятельности и поменьше занимайтесь уговариванием, — сказал на прощание Позерн.

Уже собираясь уходить, вспомнил, что красноармейцы еще не получали жалованья, и попросил выдать бойцам деньги за январь и февраль, а заодно и теплое обмундирование.

Находившийся в комнате какой-то молодой человек нервно перебил меня:

— Это успеется потом, товарищ!

Позерн строго посмотрел на говорившего и обратился ко мне:

— Деньги, обмундирование и вообще все, что требуется, обязательно получите.

Затем приказал молодому человеку:

— Немедленно выпишите этому полку все, что надо.

Из штаба фронта я ушел в приподнятом настроении. В полк возвратился не один. Вместе со мной пришел первый из обещанных Позерном коммунистов — агитатор Калинин. Он был чуть постарше меня, лет двадцати трех-двадцати четырех. Судя по одежде и манерам, он никогда раньше в армии не служил. Но с винтовкой обращался умело, и она ладно висела у него на ремне. Оказалось, Калинин служил в петроградской Красной гвардии, 25 октября принимал участие в штурме Зимнего дворца.

Я немедленно собрал в казарме всех бойцов полка. Тесно сгрудившись вокруг Калинина, они жадно слушали питерского большевика, хорошо информированного о событиях последних дней в столице и об экстренных мероприятиях партии и правительства, предпринятых для организации отпора германским империалистам.

Калинин рассказал, что 20 февраля Совнарком, заслушав доклады о положении на фронтах, создал Вре-

менный исполнительный комитет во главе с В. И. Лениным — чрезвычайный орган, уполномоченный оперативно решать все вопросы обороны Советской республики. Несколько часов спустя Совнарком принял воззвание «К трудящемуся населению всей России», в котором призывал напрячь все силы для создания Красной Армии и пополнения ее рядов, упорядочения транспорта и продовольственного дела, установить повсюду строжайшую дисциплину и порядок*.

Калинин имел с собой декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», только что полученный по телеграфу из Петрограда. Помню, с каким вниманием слушали мы агитатора, когда он читал декрет при колеблющемся свете коптилок. Тревожные слова воззвания западали в душу.

Окончив чтение, Калинин громко сказал:

— А написал этот декрет Владимир Ильич Ленин.

Декрет Совета Народных Комиссаров взволновал бойцов. В казарме стояла глубокая тишина, каждый старался получше осмыслить то, к чему призывал Ленин.

После небольшой паузы агитатор дальше повел разговор с красноармейцами. Говорил он спокойно и просто. В его словах бойцы находили ответы на многие вопросы, тревожившие каждого еще во время вступления в новую армию.

По окончании беседы я хотел было приступить к раздаче жалованья.

— Стоит ли? — сказал агитатор. — Сейчас и без того работы много. А деньги раздадим потом, перед выходом на позиции, а то и на самой передовой.

Вскоре подошли остальные агитаторы. Старичок лаптыш — рижский рабочий Тылтин был одет в черную куртку и брюки навыпуск. Из-под низко надвинутой шапки смотрели серьезные добрые глаза. Второй агитатор — Степанов, высокий путиловец в бекешке из шинельного сукна. Третий — немолодой рабочий из псковских железнодорожных мастерских по фамилии Мельник. Здороваясь, он сказал:

— К вам на помощь пришли.

Агитаторы сразу же приступили к работе. Тылтин, сидя у топившейся печки, медленно, спокойно, как

---

* «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 492—494.

опытный учитель, объясняющий урок ученикам, рассказывал сгрудившимся вокруг него красноармейцам о том, что делается в стране. По внимательным и сосредоточенным лицам бойцов и по тому, как было тихо вокруг, чувствовалось, насколько близки им слова рижского рабочего.

Путиловец также собрал вокруг себя группу бойцов. Я вошел в комнату в тот момент, когда, отвечая на чей-то вопрос, Степанов говорил:

— Вот, товарищи, ведь все эти гады, которые кричали о войне до победы, сбежали. Где они сейчас? С противником против нас идут.

Из другой комнаты я услышал пение. Сильным голосом Мельник запевал:

Мы — кузнецы и дух наш молод,
Куем мы счастия ключ...

Песню подхватили десятки голосов. Вначале нестройная, разноголосая, она вскоре окрепла и мощно, агитационно загремела под сводами казармы.

— Как хорошо поют, — сказал мне Калинин,— прямо за сердце берет.

В полку повеяло боевым духом.

...Зимний день короток. А до вечера надо было сделать очень многое: получить боеприпасы, продовольствие, теплые вещи, решить множество разных вопросов.

С утра я снова отправился в штаб фронта.

Толпы людей стояли у больших афишных тумб и стен домов, читая только что наклеенный декрет Советского правительства «Социалистическое отечество в опасности!» Пятеро солдат по складам разбирали страстные, призывные слова Ленина, звавшие всех, кому дорого первое в мире отечество рабочих и крестьян, вступать добровольцами в Красную Армию и до последней капли крови защищать молодую Советскую республику от нашествия войск немецкого империализма.

Перед штабом я наткнулся еще на одну группу солдат. Они стояли у афишной тумбы и о чем-то оживленно переговаривались. В это время мимо пробегала девушка, по виду гимназистка. Пожилой солдат-бородач остановил ее:

— Вижу — грамотная, почитай-ка нам, будь ласкова, что тут написано.

Девушку пропустили вперед, и она стала читать. Хотя я знал содержание декрета, все же остановился послушать.

Когда девушка кончила читать, наступило молчание, бородач погладил ее по рукаву и тихо сказал:

— Спасибо, дочка.

Затем он обратился к остальным:

— Пошли!

— Куда? — спросил низенький курносый солдат.

— Как куда? — строго сказал бородач. — Аль тебе, умнику, непонятно?

И, поправив винтовку на ремне, твердо сказал:

— Идем вступать в Красную Армию.

— Записывают в Иркутских казармах и кадетском корпусе, — подсказал стоявший тут же парень с веселыми голубыми глазами, судя по одежде, рабочий.

...Часам к четырем я закончил все дела в штабе фронта и в интендантском складе. Вернувшись оттуда, приступил к осуществлению указаний Позерна — «перешерстить» командиров.

Эта «операция» во всех подразделениях, где она проводилась, прошла безболезненно, за исключением 6-й роты. Все тот же Чернышев, не желая расставаться со «своим человеком», категорически воспрепятствовал замене командира роты.

И тут я окончательно решил, что Чернышеву дальше нельзя оставаться во главе батальона. Следуя совету Позерна, предложил ему временно стать моим помощником по хозяйственной части вместо Фергова, который в это время где-то двигался с обозом.

В тот же день Чернышеву было приказано получить часть обмундирования и медикаменты. Он отправился в штаб и больше мы его не видали. В полк возвратился красноармеец, который был с Чернышевым.

— Пошли мы с ним в казначейство, — рассказывал красноармеец, — он там много денег получил. Потом вышли. Он мне и говорит: «Ты подожди, браток, малость, а я забегу в этот двор по нужде». Ну и ушел. Жду его, значит, час, другой, а его нету. Ну, вот и пришел.

— Как же вы в казначейство попали? — спросил Калинин. — Деньги-то ведь на полк уже получены.

— Не знаю. Он сказал — пойдем со мной, помо-жешь, если что надо. Ну, я и пошел.

— А чего это он вдруг тебя выбрал?

— Да мы с ним из одного села. Я у него до призыва в работниках жил. Вот пришлось встретиться, ну и взял он меня по старой памяти.

— И много на него таких, как ты, батрачило?

— Летом, значит, человек до шести постоянных. А зимой меньше — человека два-три.

— Ну, все понятно, — заключил Калинин.

...За один день полк преобразился. Большевики-агитаторы, добровольцы из местных рабочих и солдат старой армии, а также прибывшие из Петрограда красноармейцы пополнили наши немногочисленные ряды. Высокий патриотический подъем и революционная дисциплина спаяли бойцов и командиров.

В казармах стало людно. В большой комнате высоко стоял дым самокруток. У стола, где записывались в наш полк добровольцы, в течение всего дня толпились фронтовики и рабочие псковских железнодорожных мастерских.

Непрерывно прибывали новые бойцы. Между прочим, пришла группа солдат, которую я встретил на шоссе. А вскоре, к своему удивлению, я увидел и сероглазую девушку, читавшую солдатам воззвание.

— А ты куда, егоза, пробираешься? — остановил ее тот самый бородач, который несколько часов назад просил почитать ленинское обращение.

— Записаться хочу.

— Девок в солдаты не берут.

— Возьмут! — уверенно ответила она. — Я тоже пойду Псков защищать от врага.

— Ишь ты, какая шустрая!

— В чем дело, товарищи? — спросил я.

— Вот он говорит,— сказала девушка, указывая на бородатого солдата,— что меня в Красную Армию не возьмут, а Ленин всех призывает на защиту революции. Как же это могут меня не взять?

— А сколько вам лет?

— Скоро восемнадцать,— ответила она не совсем уверенно.

Девушка рослая — я поверил. Лишь спустя много лет узнал, что тогда ей было всего пятнадцать лет.

А. Д. МАХНОВСКАЯ-ЗОЛОЦЕВСКАЯ

— Грамотная? — спросил полковый адъютант Григорьев, проводивший запись добровольцев.

— Учусь в гимназии.

— Писарем будешь. Как фамилия?

— Нет, мне винтовку дайте.

— Вот как, — засмеялся Григорьев.— Ладно, посмотрим. Фамилия, имя, отчество?

— Махновская-Золоцевская Ангелина Дмитриевна.

— Кто отец?

— Из крестьян.

Так Ангелина Махновская стала бойцом 2-го красноармейского полка.

..Шли годы. Отгремели бои с немецкими захватчиками под Псковом. Отважная пулеметчица прошла в красноармейских рядах славный боевой путь от стен революционного Петрограда до седого Урала. Там заболевшая тифом Ангелина попала в плен к белогвардейцам. Пермская каторжная тюрьма. Пытки, истязания. В числе других обреченных отважную девушку вывозят в «эшелоне смерти» в Харбин. Из концентрационного лагеря она бежит к партизанам Сергея Лазо и храбро сражается с японскими интервентами.

В годы Великой Отечественной войны коммунистка А. Д. Махновская-Золоцевская сначала преподает в военном училище, а затем оказывается на фронте и встречает

победу в Чехословакии. Орден Красного Знамени и несколько медалей украсили грудь патриотки.

В марте 1963 г. смерть оборвала светлую, полную революционной романтики жизнь славной героини гражданской и Великой Отечественной войн.

По примеру матери двое ее сыновей допризывного возраста добровольно ушли на фронт и тоже погибли...

А в тот день в Пскове проходили массовые митинги солдат и рабочих в связи с обнародованием декрета Совета Народных Комиссаров. Многие бойцы нашего полка участвовали в них. Их повели туда агитаторы-большевики.

Газета «Правда» 23 февраля поместила сообщение, поступившее по прямому проводу из Пскова. В нем говорилось: «Порядок и спокойствие поддерживаются Чрезвычайным революционным штабом. Никаких беспорядков не происходило и не происходит. Настроение местного гарнизона и прибывающихся частей бодрое. В Управление Северного фронта являются делегации от различных частей с просьбой принять меры для противодействия наступающим немецким шайкам»*.

Поздно вечером 22 февраля передовой отряд 2-го красноармейского полка в составе 2-й роты под командованием Николая Сливы выехал на автомашинах из Пскова к рубежу обороны.

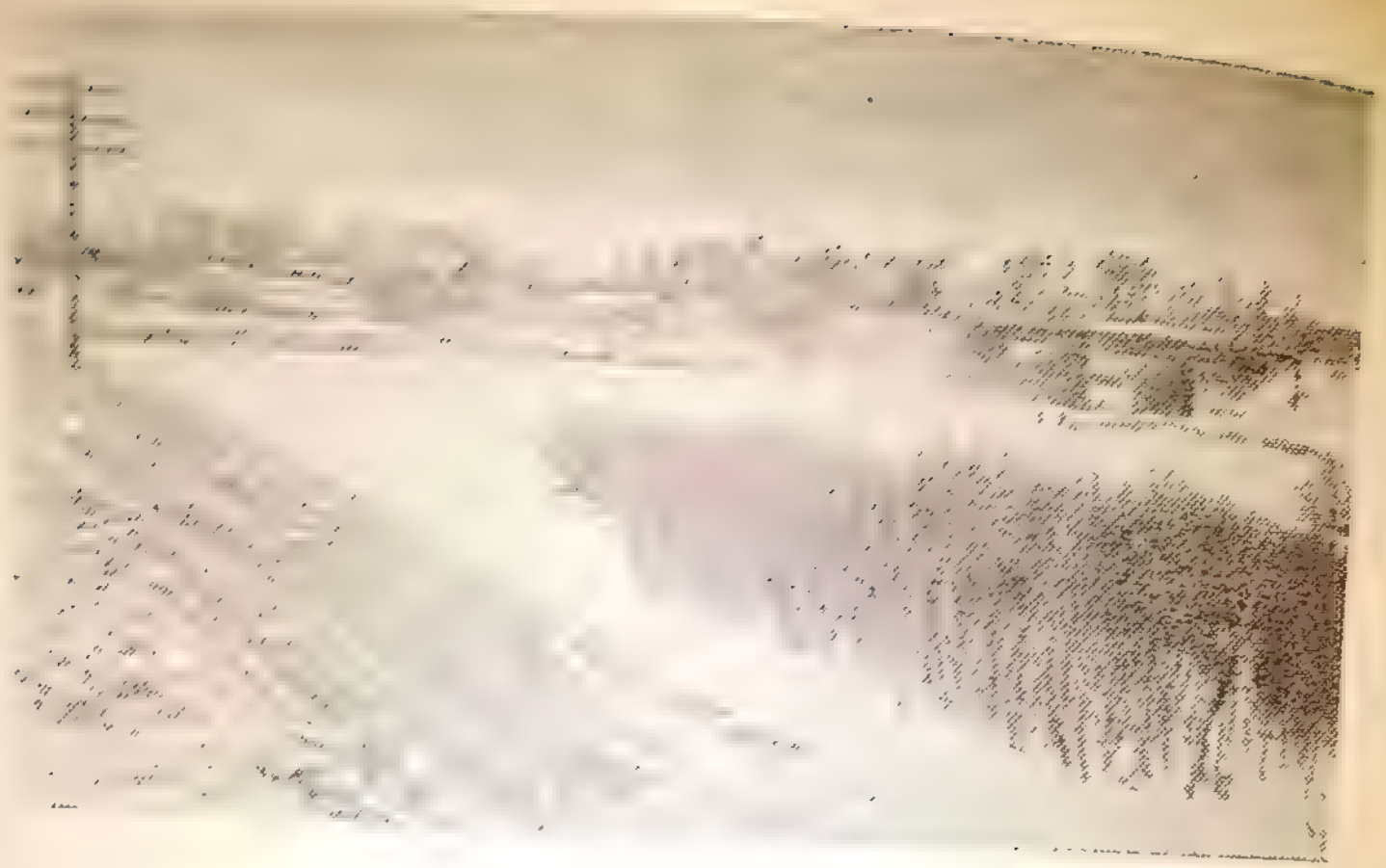
Для усиления огневой мощи отряда ему придали два пулемета и расчеты во главе с командиром пулеметной роты Пахомовым. Стрелки и пулеметчики быстро оседлали шоссе, железную дорогу и высотку на правом берегу реки Многа. Бывший фельдфебель Слива, невысокого роста, подвижный украинец, был смелым и опытным фронтовиком, в роте его очень уважали.

На станции Череха уже занимали оборону отряды псковских красногвардейцев и солдат железнодорожных войск, высланные туда раньше. В их составе находились саперы-подрывники, которые подготовили к взрыву мосты через реки Многа и Череха.

Рано утром 23 февраля бойцы 2-го красноармейского полка сосредоточились в деревне Большое Лопатино и на позициях на реке Череха.

---

* «Вопросы истории», 1968, № 2, стр. 128.



Здесь были позиции обороны и КП 2-го красноармейского полка

4-й красноармейский полк под командованием В. И. Строганова сосредоточился юго-восточнее Пскова, в районе деревни Филатово. О движении красноармейских частей было отправлено следующее донесение «...Вперед к югу посланы кавалерийские и пехотные отряды, намерены наступать партизанскими отрядами для уничтожения отрядов противника».*

Получив донесения о занятии частями своих боевых участков, комиссар 12-й армии Нахимсон сообщил, что «общими усилиями псковских организаций и 12-й армии организована оборона Псковских, Изборских и Островских позиций»**.

Уже во второй половине дня наш полк и псковский отряд красногвардейцев выдержали ожесточенный бой.

До 23 февраля немцы, не встречая организованного сопротивления, быстро шли вперед. Надеясь на легкую победу, они двигались прямо эшелонами по железной дороге или на автомашинах и подводах по шоссе.

Впервые враг получил серьезный отпор — хотя и от малочисленного полка молодой Красной Армии.

Вражеская легковая машина, вооруженная ручным пулеметом, далеко оторвалась от своих передовых час-

---

* ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 87, л. 39.
** ЦГАСА, ф. 7150, оп. 1, д. 9, л. 84.

Н. П. ВЫСОЦКИЙ

тей и нагло выскочила к мосту через реку Многа. Тут она попала под огонь роты Николая Сливы. Шофер хотел развернуться и удрать, но машина съехала задним колесом с дороги и застряла в кювете. Офицер, шофер и два солдата были убиты, а исправный пулемет с машины снят и использован против наступающего противника.

П. А. РЕЗНИЧЕНКО

Вскоре из-за холма показался железнодорожный состав. Впереди паровоза находились две платформы. Укрытые мешками с песком, грозно выглядывали орудия и пулеметы. За паровозом снова оборудованные для боя платформы, вагоны с людьми и имуществом. Замыкал состав второй паровоз — на случай, если первый будет подбит, ему предстояло оттянуть весь состав в тыл. Это и пришлось сделать после того, как наши пулеметы открыли ожесточенный огонь.

Командир пулеметной роты Пахомов, спустившись с пригорка, направился к командиру роты Сливе.

Улыбаясь, они молча пожали друг другу руки.

К ним подошел агитатор Степанов. Обняв за плечи Пахомова и Сливу, он радостно заключил:

— Вот это по-нашему, по-питерски!

Для медицинского обслуживания красноармейских и красногвардейских отрядов из 908-го полевого запасного госпиталя была выделена санитарная летучка (несколько железнодорожных вагонов). Ее возглавлял врач-хирург Тархов, ему помогали фельдшер Н. П. Высоцкий, медсестры П. А. Резниченко (Карпелюк) и Карузина.

Вот что рассказывает Прасковья Александровна Резниченко о бое передового отряда под Псковом 23 февраля 1918 г.:

«Когда мы, сестры, были с бойцами в цепи, в лесу, видели, как подбили на шоссе немецкую машину, как взяли пулемет, с убитых немцев принесли к поезду окровавленную одежду и документы для товарища Черепанова.

Видели, как появился из-за поворота немецкий поезд-платформа с паровозом, приблизительно в 300-400 метрах от нас, вооруженный пулеметами.

Видели и чувствовали, как с этой платформы немцы усиленно нас обстреливали, еще усиленнее отвечали наши бойцы.

Немецкий поезд не выдержал и отошел.

Появилось много раненых. Я с сестрой Карузиной немедленно оказывали им первую помощь в цепи. С помощью приданных нам санитаров относили и отводили с поля боя к железнодорожной будке (пользуясь укрытием леса), а потом и к поезду. Был очень сильный мороз и работать было тяжело. Во время боя я видела, как подрывники брали с нашего поезда взрывчатые матери-

алы, протягивали по мостам шнуры, после чего мосты через реки Многа и Череха были взорваны»*.

Некоторое время было тихо. Но не прошло и часа, как по обеим сторонам дороги показалась пехота противника.

Высота, на которой стояла деревня Большое Лопатино, господствовала над окружающей местностью, и с нее все хорошо просматривалось. Поэтому здесь я устроил командный пункт.

На крутых берегах речушек Многа и Череха залегли цепи бойцов 2-го красноармейского полка. На высоком холме тщательно замаскировались пулеметчики. Позади цепей — Псков.

По железной дороге, шоссе и окраине деревни занял оборону 1-й батальон, левее — 2-й. Дальше тянулись покрытые снегом обширные луга с разбросанными кое-где неубранными стогами сена. Вдали поднимались гряды возвышенностей и виднелись перелески.

В морозном воздухе резко прозвучал орудийный выстрел. Снаряд упал где-то за деревней, не разорвавшись. Второй не долетел до нее и ухнул близ дороги. Два последующих угодили по соседству с полковым обозом.

Спустя несколько минут снаряд разорвался совсем близко за домами деревни. Перепуганные жители группами и в одиночку с криком метались по улице. Из большого двора выбежал без шапки в расстегнутом полушубке плотный мужчина, с виду из зажиточных. Увидев меня, он, показывая рукой в сторону противника, злобно закричал:

— Уходили бы отсюда поскорее! Только их дразните, — он хотел добавить еще что-то, но, услышав нарастающий свист, юркнул во двор.

От Сливы донесений не поступало. Посланный к нему ординарец не возвращался. Я напряженно прислушивался, тщетно стараясь по звукам перестрелки определить, что происходит на его участке. «Нужно самому проехать туда», — решил я.

---

* О том, что железнодорожные пути южнее Пскова подорваны, а мосты разрушены, была послана телеграмма из Пскова в Гатчину, в полевой штаб действующего фронта. Из Гатчины эта телеграмма 24 февраля была передана в Петроградский Чрезвычайный штаб военного округа (ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 87, л. 39).

— Смотри, товарищ командир полка, неприятель в обход пошел, — показал влево коновод.

Я взглянул в указанном направлении. Действительно по прогалине двигались вражеские солдаты, часть из них уже прошла перелесок и цепочками спускалась к реке.

С каждой минутой их становилось все больше и больше. «В обход отряда Сливы идут», — с тревогой подумал я, а вслух сказал коноводу:

— Так быстро там не пройдут, река задержит.

— Почему не пройдут? По льду очень просто.

— По льду? — я вздрогнул, и сердце часто-часто забилось.

Какая нелепость! Может ведь найти такое «затмение!» Я построил оборону из расчета, что река явится для противника преградой. Так меня учили, и что было правильно для любого времени года, кроме зимы. Но как можно было выпустить из виду, что река зимой замерзает! Старался обдумать все как можно спокойнее. Конечно, когда река покрыта льдом, лучше всего было поднять оборонительные позиции выше — по краю деревни и по скатам высотки с лесом. Тем самым обеспечили бы скрытность тыла, а перед фронтом имели широкую открытую полосу, удобную для обстрела противника. А теперь? В случае вынужденного отхода нашим ротам самим предстояло двигаться по открытой местности. Да и левый фланг оказался открытым.

Что делать? Как исправить положение?

Казалось, правильнее всего было отвести левофланговый батальон на выгодный рубеж. Но как это сделать быстро, до того, как подразделения войдут в соприкосновение с противником?

Теперь я очутился в крайне затруднительном положении: телефонная связь отсутствовала, командуя полком, иным путем быстро приказа не отдашь. Другое дело рота. Как просто и удобно руководить ею! Там бы я громким голосом отдал команду или сообщил приказ через посыльного. На худой конец можно было и самому добежать до одного-другого командира взвода. А тут полк да еще отряд псковских красногвардейцев, и связь с ними только через посыльных. В этих условиях быстро перестроить боевой порядок не удастся. Пока мы осуществим необходимый маневр, рота Сливы окажется отрезанной.

«Нужно держаться до подхода подкреплений из Петрограда», — вспомнились слова Позерна.

Действовать надо было быстро — от этого зависел успех дела. Резервная 6-я рота находилась поблизости за сараями, и я приказал выдвинуть ее уступом на лесистый пригорок, чтобы обеспечить левый фланг.

Но тут произошло непредвиденное.

— Куда мы пойдем? — возразил командир роты Козлов.— Как выставит враг пулемет вот на ту высотку да как чесанет, так никто из нас и не уцелеет.

Не помня себя, я выхватил револьвер и, наверное, застрелил бы командира роты, если бы между нами не очутился Калинин.

— Товарищи! — крикнул агитатор, и его энергичное сухое лицо напряглось.— Сам Ленин идет к нам вместе со всей питерской Красной гвардией!

Затем Калинин заговорил, как всегда, спокойно. Поразительно, как он умел находить нужные слова. Теперь они были еще более убедительными, чем тогда в казарме.

— Ты поведешь роту, — приказал я Григорьеву, — а Козлов пойдет твоим помощником.

— Слушаюсь! — ответил Григорьев и бегом повел роту на высотку.

— Боюсь, — обратился я к Калинину, — как бы левофланговая рота, заметив обход неприятеля, не отошла.

— Не волнуйся, я поеду к ним,—предложил Калинин.

— Поезжай!

Приказав Андрейчуку выдвинуть 1-ю роту за реку влево от шоссе, чтобы обеспечить левый фланг и тыл 2-й роты, сам я решил выскочить на лесную высотку, куда шла 6-я рота.

Командир 1-й роты Можаровский в короткой, типа венгерки, куртке, забравшись на приставленную к чердачному окну лестницу, наблюдал за передвижением противника. Несколько поодаль стоял красноармеец Василий Петров, наблюдатель от взвода. Однако он не столько смотрел за немцами, сколько любовался снаряжением командира роты: новые ремни, красивая кобура, полевая сумка.

— Эх, кабы батарею сюда. Хоть одно орудие, — вслух рассуждал Можаровский.— Особенно дать бы вот по той кучке.

В. К. ПЕТРОВ

— По которой, товарищ командир? — спросил Петров.

Можаровский при помощи спичечной коробки прикинул расстояние.

— А вот, что левее ноль-пять от сосны, — щегольнул он артиллерийскими знаниями.

Можаровский, артиллерийский фейерверкер, перешел в пехоту добровольно, в знак протеста против самовольного оставления его батареей позиций и ухода в тыл. Он был дисциплинированным солдатом, безусловно преданным Советской власти, но как артиллерист не мог за короткое время овладеть спецификой командования стрелковой ротой, и поэтому к нему в Пскове был «приставлен» помощником Михаил Стукаленко.

Будучи умным человеком, Можаровский сразу понял, какую неоценимую услугу ему оказали, назначив опытного помощника. Командир и помощник быстро нашли общий язык, как говорят, сработались. Получив боевую задачу, Можаровский знакомил с нею Стукаленко, и они вместе принимали необходимое решение. Можаровский никогда не сковывал инициативы помощника, а тот, в свою очередь, не проводил ни одного важного мероприятия, не спросив разрешения командира.

Увидев издали комбата, неторопливо подошел высокий широкоплечий Стукаленко.

Андрейчук поставил 1-й роте задачу: перейти мост, выдвинуться по берегу влево от дороги и, заняв рубеж по опушке леса, прикрыть фланг 2-й роты.

— В стык между вами и второй ротой псковские красногвардейцы выставят заставу, свяжитесь с нею.

— Я как раз в том направлении разведку выслал, — доложил Стукаленко и, обратившись к Можаровскому, спросил: — Прикажете роту выводить?

Первая рота заняла указанный ей район и выставила сторожевое охранение.

Вдоль берега против левого фланга полка в расположении противника наблюдалось движение. Видимо, немцы готовились к атаке. А в тылу, примерно в полукилометре, растянулись по дороге мотоциклы, автомашины, подводы — весь транспорт подвижного отряда противника.

— Пешком не ходят, разбойники, — сказал Стукаленко. — И все прибывают. Вот бы артиллерию.

— И я про то говорю, куда лучше служить в артиллерии, — истолковал по-своему слова помощника Можаровский. — Там с наблюдательного пункта все как на ладони, а здесь зарываешься в землю, как крот.

— Ложись под пень! — крикнул Стукаленко и потянул за собой Можаровского.

И тут же невдалеке разорвался снаряд.

— Посмотреть, где разорвался, — поднялся во весь рост Можаровский.

— Куда те... — одернул его помощник, — враз на мушку поймают: заметили нас.

— Ну и служба в пехоте, — недовольным тоном сказал Можаровский, — пули, что комары, тебя беспокоят. Для меня пуля хуже снаряда — не привык.

— А снаряд лучше? — спросил Стукаленко, устраиваясь за вывороченным пнем, чтобы удобнее было наблюдать.

— Снаряд, как слепень, кусает редко, но крепко.

Между тем на противоположном берегу реки по ложбинам и в кустах на левом фланге полка накапливалось все больше солдат противника. По ним вела огонь 7-я рота Иннокентия Будакова, занявшая для обороны изгиб реки.

— Реже стрелять! — прикрикивал Будаков. Привалившись грудью к высокому берегу оврага, он наблюдал за

И. Ф. АБАБКОВ

действиями противника. — Патроны беречь, пригодятся!

Неприятель открыл артиллерийский огонь. За первым снарядом в расположение роты Будакова прилетел второй, третий. А потом и считать перестали. Бой происходил при явно неравных условиях: наша винтовочная пуля против немецкого снаряда — как горсть песка вместо камня. Красноармейцы начали терять уверенность и могли дрогнуть, если бы не агитатор-коммунист Тылтин. Одетый в большой, не по росту, полушубок и валенки, он шагал вдоль цепи, переходя от отделения к отделению.

— Важно противника задержать именно тут, — говорил он бойцам. — Дальше отступать некуда! Перед нами речка Череха. И защищаем мы здесь не просто Череху, а Петроград — столицу Советской Республики.

Противник усилил артиллерийский огонь. Неприятельские солдаты стали перебегать по льду через реку и накапливаться под крутым обрывистым берегом, который для них служил таким же укрытием, каким для нас берег оврага. Расстояние до противника сократилось теперь до семидесяти — ста метров.

Обстановка усложнялась.

— Что случилось с Загоруйко? — злился Будаков, видя бездействие командира соседней 8-й роты. — Почему

молчит, не ведет огня? Вы побудьте здесь,— сказал он Тылтину,— а я его... Впрочем, мне лучше не отлучаться,— передумал он.— Отсюда почти весь участок роты виден,— и крикнул связному: — Товарищ Абабков, добеги до командира своей роты и скажи, пусть разгонит огнем этих зеленых лягушек, что к берегу притерлись.

— Так они же ведут огонь... — начал было Абабков.

— Ведут, да слабо. Им сподручнее, чем нам. Тут уж патронов жалеть не приходится. Лети!

— Не надо. Я сам пойду к Загоруйко,— сказал Тылтин.— Необходимо людей поднять.— И агитатор отправился в 8-ю роту.

— Идут, идут,— тревожно забормотал какой-то красноармеец и начал отползать на животе, увидев приближающихся немцев.

— Стой! — заглушая звуки выстрелов, закричал Будаков.— Стой! Ни с места!

Бойцы в центре роты, начавшие было отходить, возвратились обратно. Но красноармейцы на левом фланге, куда не долетала энергичная команда Будакова, по одному и кучками стали отбегать в тыл.

— Стой! — командир преградил путь бегущим. Бойцы нехотя вернулись к своим местам.

Заметив, что один из немецких офицеров, не укрываясь, ведет огонь из маузера, Будаков вскинул винтовку и выстрелил.

— Этот колбасник удивить нас захотел.

После двух-трех выстрелов офицер упал.

— Одним меньше. Держись, братцы...

Будаков не окончил своей речи. Неприятельские солдаты стали метать ручные гранаты на наши позиции. В ответ полетели гранаты красноармейцев. Но у немцев гранаты были с длинными ручками, они кидали их дальше, а у наших — бутылочные, с короткими ручками, или круглые, как мячи, гранаты Мильса.

Будаков не растерялся. Увидев впереди, шагах в десяти, выемку, он скомандовал взводу перебежать туда. С переменой позиции условия гранатометного боя стали одинаковыми для обеих сторон.

Будаков уже не укрывался. Стоя на одном колене, он командовал боем, не желая признавать опасности.

Вдруг вблизи что-то вспыхнуло, раздался треск. Будаков упал.

Г. Т. УФИМЦЕВ

— Командира убили! — крикнул кто-то из бойцов.

К ротному подполз боец Уфимцев.

Будаков открыл глаза и снова закрыл их.

Не убит он, видишь, крови нет. Контужен малость,— заметил Уфимцев.

— Потри уши и виски снегом, враз очухается, — посоветовал кто-то из бойцов.

Через некоторое время к Будакову вернулось сознание — должно быть, помогло испытанное солдатское средство.

Между тем группы неприятельских солдат стали обходить участок роты. Треск винтовочных залпов и тяжкий грохот снарядных разрывов стоял в воздухе. Дым от загоревшихся стогов сена закрывал солнце и заволакивал зарывшиеся в снег красноармейские цепи. Повсюду валялись стреляные гильзы, срезанные осколками ветки, темнели бурые пятна крови...

Будаков увидел подбегавшего Калинина.

— Товарищ агитатор! — обрадовался он. — Ребята! Передай по цепи: агитатор Калинин с нами.

Вездесущий Калинин, худощавый, быстрый, с веселыми глазами, и в горячке боя оставался спокойным, решительным, даже веселым.

— Как дела, ребята? — спросил он, вгоняя новую обойму в винтовку. — Жмут, гады? Не дрейфь! Покажем

А. А. СЕМЕНОВ

кайзеру, где раки зимуют. Не видать ему красного Питера, как своих ушей! Против обходящих командир полка сам меры принимает, — кричал Калинин, как можно громче, чтобы слышала вся рота, — с этими мы справимся. Патроны есть, значит, выстоим!

Появление Калинина подняло настроение солдат. Словно не один он пришел, а привел целую роту для поддержки.

Будаков увидел, что дела не так плохи, как ему казалось. Одно отделение левофлангового взвода занимало позицию уступом и вело огонь вдоль цепи немцев, пытавшихся охватить фланг роты.

Однако враг возобновил метание гранат. Из-за берега показались сначала каски, затем согнутые спины неприятельских солдат.

— По наступающим, часто, огонь! — скомандовал Будаков.— Эх, восьмая рота, и о чем только Загоруйко думает! — горячился он. — Спит, поди. Да и командир полка запаздывает. Надо контратаковать. Немцы вот-вот пойдут в атаку. Эх, была не была... — и, сорвав с головы папаху, он бросил ее на землю.

Он решил остановить атаку немцев встречной контратакой.

Выскочив на лесную высотку, я передал свою лошадь коноводу и приказал.

— Быстро к Григорьеву, скажи, чтобы остановил роту вон у тех кустов. А сам пусть с командиром пулеметного взвода идет ко мне.

Присев в выемке за бугорком на опушке кустарника, я огляделся. Оказывается, напрасно волновался, роты 2-го батальона заняли хорошие позиции и вели бой.

Немцы усилили артиллерийский огонь. «Как бы не дрогнули наши,— мелькнула мысль.— Ведь пушек у нас нет».

Но они не дрогнули: большевистские лозунги оказались сильнее снарядов—агитаторы-коммунисты снабдили красноармейцев могучим идейным оружием. Каждый из бойцов теперь хорошо понимал, за что он воюет.

Услышав поблизости скрип снега, я оглянулся. Бравируя опасностью, выпрямившись во весь рост, ко мне шел Григорьев.

Может быть, это признак высокого самообладания и безудержной храбрости, но мне всегда казалось, что рисковать нужно лишь тогда, когда это необходимо. А сейчас, когда дорог каждый человек и надо скрытно подготовить контратаку, такая бесшабашная удаль приносила только вред.

Показав Григорьеву кулак, я жестами потребовал пригнуться к земле, чтобы он выходил на передовую, соблюдая необходимые меры предосторожности.

Мне было видно, как пониже, на берегу, вела огонь рота Иннокентия Будакова, но у злополучного изгиба реки, на который я рассчитывал как на водную преграду, неприятель уже начал переходить на наш берег.

Я глядел на перебегавших по льду вражеских солдат, и тут созрело решение контратаковать обходящую группу противника во фланг.

Как нельзя кстати подполз командир пулеметного взвода.

— Быстро давай сюда два пулемета, — приказал я ему. — Один поставь в той балке, а другой — на опушке леса. Сделать это нужно незаметно, чтобы огонь для противника был неожиданным. Стрелять только по моему сигналу. Вопросы есть?

— Все ясно, товарищ командир.

— Действуй.

Командир пулеметного взвода отправился выполнять приказание.

«Рождение Красной Армии» (репродукция с картины)

— А ты,— обратился я к Г[illegible],— скрытно разверни роту за изгибом реки. Как только неприятельские цепи подойдут вон к той ре[illegible] огонь из пулеметов, а вы их атакуете.

Вообще-то лучше было [illegible] чтобы немцы несколько продвинулись и обнажили свой фланг, но они могли опередить нас, перейти в атаку и благодаря большому численному превосходству одолеть бойцов будаковской роты.

Я подал условный сигнал.

Пулеметные очереди, точно бетер траву, прижали к земле неприятельские цепи. Григорьев поднял в контратаку 6-ю роту. С наганом в руке он первым бросился вперед. Рядом с ним с винтовкой наперевес бежала гимназистка Ангелина Махновская. Густыми цепями за ними двигались бойцы.

Пулеметный огонь с нашего пригорка заставил Будакова оглянуться. Он увидел перешедшую в контратаку 6-ю роту и зычно закричал:

— Эге! Подмога идет. Наша берет. В атаку, готовьсь!

Выждал время, чтобы все подготовились, и решительно скомандовал:

— В атаку! Вперед!

Сам Будаков шел впереди, без шапки, с гордо поднятой головой. Встречный ветер играл его кудрявыми белокурыми волосами. Рядом с Будаковым шел Калинин.

Видя уверенно идущих командира и агитатора, красноармейцы смело двинулись навстречу вражеским це-

пям. Будаков еще раз оглянулся, крикнул «ура!» и бегом бросился в атаку. Призыв подхватили красноармейцы.

Мощное русское «ура» нарастало, крепло, стремительно катилось вперед. Пали смертью храбрых Сорокин и Богданов, ранило Семенова и Орловского. Но натиск красных бойцов не ослабевал.

— Посмотрим, сколько вас на фунт сушеных пойдет! — подбегая к неприятельскому солдату, крикнул Будаков.

Словно на учениях по штыковому бою, ловким движением ротный своей трехлинейкой отбил винтовку врага и — «вперед прикладом бей!» — грохнул его по голове.

Бойцы, увлеченные примером командира, налетели, сшибли, смяли переднюю цепь неприятеля. Интервенты залегли. А красноармейские роты с винтовками наперевес неудержимо катились на них.

Вскоре враг не выдержал: поодиночке вскакивали и убегали назад солдаты, потом побежали группы и подразделения, оставляя на снегу убитых и раненых. Они удирали через реку. Опираясь на ружья, взбирались на противоположный берег в поисках спасения от наших пуль и штыков.

Окрыленные успехом, красноармейцы преследовали отступающего неприятеля.

— Стой! Ложись! — кричал подбежавший к реке Будаков. — По врагу — огонь!

Красноармейцы заняли позицию по берегу. Затрещали выстрелы.

Будаков оглянулся. Слева бегущего противника преследовала 6-я рота во главе с Григорьевым. А справа, под берегом, вдоль реки наступала 8-я рота, которую вел агитатор Тылтин.

Боевой дух был настолько высок, что легкораненые не покидали поле боя.

Большая группа немцев бросилась бежать по лугу, намереваясь скрыться в черневшем вдали лесу. Но тут их атаковала 1-я рота во главе с Можаровским и Стукаленко.

Надо было видеть, как оккупанты заметались на лугу, бросая оружие и снаряжение.

В пылу боя я не заметил, что батарея противника давно перестала вести огонь. Отчего она замолчала в самый горячий момент боя, я узнал позднее. Оказыва-

И. И. ОРЛОВСКИЙ

ется, на батарею напал с тыла один из только что созданных псковскими крестьянами партизанских отрядов.

Позже я узнал, что организаторами этих отрядов явились большевики М. Е. Егоров, Н. Ф. Филиппов, братья Иван и Григорий Елкины, Н. А. Порозов, В. А. Соколов и др.

Вражеские войска, рвавшиеся к Пскову, несмотря на значительный перевес и серьезное техническое оснащение, были не только остановлены, но и отброшены с большими потерями. Беззаветный героизм бойцов 2-го красноармейского полка, отряда красногвардейцев и солдат железнодорожных войск принес первую победу молодой Красной Армии.

Быстро надвигалась ночь. Бой продолжался.

Можаровский имел задание прикрыть тыл и фланг роты Сливы. Мне казалось, что он увлекся преследованием отступающего противника и поэтому мог не только не выполнить задачи, но и поставить под удар свою малочисленную роту.

Оставив Калинина проверить, как после атаки подразделения займут оборону, я отправил приказание Можаровскому отойти на прежние позиции, а сам поскакал на командный пункт. Здесь от адъютанта полка Костева,

заменившего Григорьева, узнал, что моя тревога не была напрасной. Противник просочился между ротами Сливы и Можаровского и вот-вот грозил выйти на шоссе, к мосту.

Командир батальона Андрейчук со взводом 3-й роты перешел через реку, чтобы прикрыть мост и связаться с Можаровским.

— А псковские красногвардейцы?

— Держатся,— ответил Костев.

Послав к Сливе через некоторые интервалы двух конных с приказанием отходить за реку Череха, я с командиром 3-й роты отправился по мосту к комбату Андрейчуку. Слева были слышны выстрелы. Там, по-видимому, вела бой рота Можаровского.

По ружейной и пулеметной стрельбе на участке роты Сливы и псковских красногвардейцев трудно было понять, кто где находится; звуки в лесу, повторяемые эхом, сливались в сплошную трескотню.

Вскоре возвратился второй связной, посланный к Сливе, и доложил, что первый успел проскочить по шоссе к передовому отряду, а ему это не удалось, так как противник вышел на шоссе в стык между ротой Сливы и отрядом красногвардейцев.

Положение оставалось сложным и неясным. Надо было узнать обстановку впереди, на участке псковского отряда. Поэтому, приказав Андрейчуку надежно прикрыть 3-й ротой мост и выслать группу для связи с Можаровским, я направился прямо по шоссе к заставе красногвардейцев.

Ночь была относительно светлой. Дорога на снежном фоне просматривалась шагов на сто. Окаймляющие шоссе деревья, казалось, замерли в каком-то тревожном ожидании.

Чем дальше отходил я от моста, тем яснее различал свои и вражеские выстрелы. Судя по очередям, один из наших пулеметов находился не так далеко, около полотна железной дороги, другой — примерно в полукилометре дальше. В промежутке между ними была слышна редкая дробь пулемета противника. Это подтверждалось донесением связного. Вскоре началась перестрелка между подразделением противника, вклинившимся по шоссе, и красногвардейцами, оборонявшими станцию.

В. И. ШАШИН

Наконец я вышел к позициям заставы красногвардейцев, которой командовал Василий Иванович Шашин, рабочий псковского завода «Витеня». Их было 15—20 человек. Шашин объяснил, что он отошел на шоссе, желая избежать окружения.

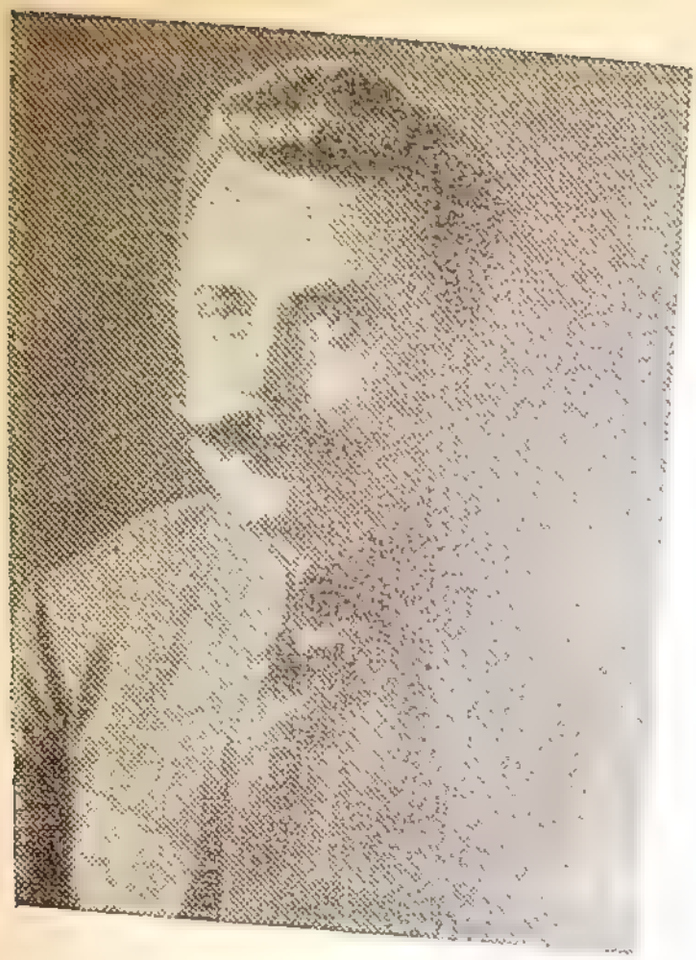
Узнав, кто я, командир заставы не особенно одобрительно отозвался о моем появлении среди красногвардейцев.

— Вы в ответе за целый полк, а рискуете, где не надо,— заметил он.

На мой вопрос, что ему известно об обстановке на этом участке, Шашин сказал:

— Рота, судя по стрельбе, отходит вдоль полотна железной дороги, и ее отход прикрывают наши товарищи. Видно, один из ваших пулеметных расчетов отошел с красногвардейцами — у нас ведь пулеметов нет. А вы, товарищ командир, возвращайтесь на КП,— в заключение предложил он мне.

Но уходить обратно было уже поздно. Начавшаяся стрельба показала, что между заставой и 3-й ротой, прикрывающей мост, вклинился противник. Вдали, на левом фланге полка, стрельба не только не утихла, но как будто даже усилилась. Ближе к мосту также слышались выстрелы. Интервенты и в центре обороны полка вышли к реке Череха.



К. Ю. ЖУБИТ

«Где же Можаровский? Что, если противник прорвется через реку в центре?» Эти и подобные, не менее мрачные, мысли теснились в голове. И тут особенно ясно ощутил я справедливость слов Шашина о том, что мне нельзя было оставлять командный пункт.

Теперь я упустил управление полком и ясно не представлял складывающейся обстановки на различных участках.

Между тем завязавшийся в районе моста бой дал свои результаты. Встретив сопротивление, противник не стал развивать активных действий в сторону заставы и находился от нее сравнительно далеко. Это освобождало группу Шашина от необходимости обороняться с тыла, и я приказал ей контратаковать во фланг противника, наступавшего между группой Шашина и левым флангом роты Сливы. В темноте даже небольшое подразделение могло внести сумятицу в ряды врага, задержать его продвижение, что давало выигрыш времени для отхода роты Сливы.

— Это мы сделаем. Продвинемся поближе к немцам, откроем стрельбу и поднимем крик, — спокойно сказал Шашин.

Демонстрация контратаки, проведенная красногвардейской заставой, в самом деле задержала неприятеля. Вскоре пришло сообщение и от начальника красногвар-

дейского отряда. Рота Сливы отошла. Заставе было приказано соединиться с отрядом.

Вернувшись на командный пункт, я узнал подлинную обстановку. Оказывается, что противник упредил Можаровского, и его рота задержалась на левом берегу Чересохи, на стыке между 1-м и 2-м батальонами. 3-я рота, обороняя мост, вошла в соприкосновение с противником.

После отхода роты Сливы и отряда псковских красногвардейцев на правый берег реки Череха не было смысла держать 1-ю и 3-ю роты на левом берегу, и я приказал отвести их за реку, а мосты взорвать.

За ночь все подразделения полка заняли оборону по правому бергу реки Череха.

С утра 24 февраля противник особой активности не проявлял. На правом фланге полка было сравнительно тихо. У взорванных мостов шла редкая перестрелка.

Лишь около десяти часов враг открыл артиллерийский огонь. А вскоре на левом фланге начал передвижение и перешел в наступление. Интервенты приблизились к берегу реки и даже местами спустились на лед. Но дружный ружейный и пулеметный огонь с нашей стороны заставил вражеских солдат залечь. Вторая попытка противника лобовой атакой сбить нас также оказалась безуспешной.

Но с моего командного пункта было заметно, как левее участка полка стали накапливаться новые немецкие подразделения.

Как выяснилось позже, штаб 12-й армии приказал частям 2-го Сибирского и 43-го армейского корпусов, не задерживаясь на Изборских позициях, отходить через Псков по Петроградскому шоссе в район села Медведь (западнее озера Ильмень).

Воспользовавшись сутолокой и неразберихой на дорогах, по которым отходили войска старой русской армии, германские части обошли по проселочным дорогам правый фланг красногвардейцев. Последние разобрались в обстановке только тогда, когда создалась реальная угроза захвата противником станции Псков-1.

Вскоре противник сбил наш небольшой заслон, обошел полк слева и создал угрозу Крестам, через которые шла эвакуация людей и материальных ценностей из Пскова в Петроград.

Не имея сил для прикрытия станции и Крестов, я послал Калинина с донесением в Псков, в штаб Северного фронта, с просьбой принять соответствующие меры. (Больше с этим отважным человеком, пламенным большевиком, я не встречался).

— Как думаешь, успеет штаб фронта выслать подкрепление и преградить путь немцам? — спросил я у стоявшего рядом командира пулеметной роты Пахомова.

— Штаб фронта? — послышался голос позади. — Да он еще вчера под вечер уехал в эшелонах. Это говорил только что вернувшийся с провиантом из Пскова начпрод полка.

— Куда уехал?

— Кажется, в Тверь. Но точно не знаю.

Значит, ни помощи, ни указаний ждать неоткуда. Надо самому принимать решение. Нам одним приходится прикрывать Кресты и станцию. А для этого нужно перестроить боевой порядок. Но чтобы это сделать, необходимо задержать обходящую колонну противника, не позволить отрезать нас от дороги в Петроград.

Я объяснил командирам, какая перед нами стоит задача. У них были сосредоточенные, встревоженные лица. Немного подумав, Пахомов с улыбкой спросил:

— Товарищ командир полка, вы не будете смеяться, если я план один предложу?

— Ну-ну, что придумал?

— Очень просто. Предлагаю выскочить на дорогу, по которой идет противник, и обстрелять его из пулемета, установленного на санях. Со вторым номером берусь задержать колонну противника, покуда вы не перестроите боевой порядок полка. «Важно только, чтобы лошадь была добрая»,— обратился Пахомов к ездовому, стоявшему неподалеку и внимательно прислушивавшемуся к нашему разговору.

Следует заметить, что полк своего обоза не имел. Но местное население охотно предоставило нам подводы. Крестьяне сами выполняли при этом обязанности ездовых и часто под огнем противника подвозили боеприпасы, транспортировали в лазареты раненых и доставляли продовольствие. Сейчас, обращаясь к крестьянину-вознице, Пахомов заранее был уверен в его ответе.

— А что? Лошадь-то у меня добрая! — сказал тот. — Выедем быстро, куда нужно. А второго номера ты не

бери, подвода будет легче. Сам-то я, между прочим, пулеметчиком был, подмогну.

Честно говоря, не верилось в успех пахомовского предложения, но выбора не было и пришлось согласиться. Уж какую-то заминку в действия противника Пахомов внесет, а в наших условиях и это хорошо.

Через несколько минут сани с пулеметом уже мчались на выполнение опасного задания.

Результаты атаки этой кочующей пулеметной точки были настолько внушительны, что превзошли, наверное, даже надежды самого Пахомова. Неожиданно выскочив на дорогу, он в упор расстрелял колонну противника, выпустив почти целую ленту. Немцы понесли большие потери, их ряды смешались. Пока враги пришли в себя, герой-пулеметчик был уже на другой позиции.

Пахомов блестяще выполнил задачу. Он задержал продвижение противника, дал возможность полку занять новую позицию и прикрыть Кресты.

С новой позиции было хорошо видно, как бесконечной вереницей тянулись из Пскова на восток обозы и части старой армии. Но подобная картина у бойцов полка не вызвала упадка настроения, а наоборот, они сражались еще упорнее, стремясь во что бы то ни стало задержать превосходящие силы интервентов.

Вместе с другими частями старой армии отступал и 2-й Рижской латышский стрелковый полк. Утром 24 февраля полк прибыл в Псков*. По приказанию С. М. Нахимсона полк выделил две роты для наведения порядка среди отходивших через город частей старой армии, а две роты с пулеметной командой на автомобилях были направлены южнее Пскова, на помощь 2-му красноармейскому полку**. Роты прибыли, когда наш полк уже отошел на вторую позицию, к Крестам.

Узнав, что в 18 часов 24 февраля немцы, обойдя правый фланг псковских красногвардейцев, заняли станцию Псков, я приказал латышам связаться с командиром их полка, чтобы совместными усилиями отбить обратно станцию и прикрыть железную дорогу на Петроград. Однако сделать это не удалось — к немцам подошло подкрепление, да и полку было приказано отходить.

* Партархив ЦК КП Латвии, ф. 45, оп. 3, д. 4, лл. 38, 39.
** Там же, л. 39.

Лишь с наступлением темноты, после того как немецкие части обошли нас слева, поступил приказ: прикрывая Петроградское шоссе, отходить к Торошино. Там мы должны были соединиться со спешившими к нам из Питера свежими красноармейскими частями и рабочими отрядами Красной гвардии.

Бои в Пскове продолжались и ночью. Заняв к вечеру 24 февраля железнодорожную станцию Псков-1, германские войска вплоть до 2 часов ночи 25 февраля не могли овладеть центром города из-за упорного сопротивления местных красногвардейцев и латышских стрелков.

В разгар боя, когда один из немецких батальонов попытался захватить в целости и сохранности пироксилиновый склад, красногвардейцам удалось взорвать его. «Около 10 часов вечера 24 февраля среди редких ружейных выстрелов, таканья пулеметов раздался оглушительный взрыв. На момент горизонт блеснул ярким огненным заревом. Это был «гостинец», поднесенный кайзеровскому офицерью... Несколько сот германских солдат и офицеров легли от этого «прощального привета» у станции Псков-II»*.

В германской военной сводке того времени сообщалось, что «при взятии Пскова один из батальонов понес значительные потери в результате взрыва, устроенного русскими»**. Позднее германское командование признало, что от этого взрыва его войска потеряли больше солдат и офицеров, чем за все время наступления до Пскова.

Несмотря на огромное превосходство в численности войск и вооружении, оккупантам не удалось с ходу овладеть всем Псковом. Более того, в ночь на 25 февраля по Рижско-Псковскому шоссе отходил к городу 7-й Бауский латышский стрелковый полк, который сбил заставу противника на мосту реки Великой и с боем прорвался через Псков на Лугу***. Использовав двухдневную задержку противника 2-м красноармейским полком и красногвардейскими отрядами южнее Пскова, через город успели пройти главные силы и войсковое имущество 2-го Сибирского и 43-го армейского корпусов. Части старой армии, не успевшие пройти через Псков до

---

* Газета «Псковский набат», 1927, 15 октября.
** „Berliner Tageblatt", 1918, 28 февраля.
*** Из неопубликованных воспоминаний К. Ю. Жубит.

занятия его врагом, выходили в места своего сосредоточения кружным путем, по проселочным дорогам.

Отдельные очаги сопротивления существовали в Пскове еще несколько дней. Вот что сообщал очевидец этих событий через газету «Известия»: «Уехал я из Пскова в восемь часов утра 28 февраля... Псков-вокзал в руках немцев... в Пскове нашими войсками занято предместье Любятово, бывшая каторжная тюрьма, механический завод Штейн, всего в версте от вокзала, а они (немцы — А. Ч.) заняли вокзал и железнодорожный мост. У них блиндированные поезда, несколько броневиков, держатся они на вокзале, вообще вдоль линии железной дороги... Партизанские отряды действуют за Псковом»*.

На псковских рубежах, впервые за время своего наступления, германские интервенты встретили отпор. Разрушенные железнодорожные пути и мосты, бои южнее Пскова 23 и 24 февраля и на его улицах в ночь на 25 февраля и в последующие дни, значительные потери немцев — все это задержало продвижение завоевателей к Петрограду и дало возможность в республике подготовить и сосредоточить силы для решительного удара по врагу.

Стойкое сопротивление 2-го красноармейского полка, красногвардейских и партизанских отрядов южнее Пскова вынуждено было признать и германское командование. В сводке германской главной квартиры (ставки) за 23—24 февраля, подписанной Людендорфом, сообщалось, что «Южнее Пскова наши войска натолкнулись на сильное сопротивление. В жестоком сражении они разбили врага, город взят»**.

Первый ощутимый удар заставил германские войска более тщательно готовить свое наступление, принимать все меры оперативного обеспечения при дальнейшем продвижении. Враг был вынужден сосредоточить у Пскова значительные силы, прежде чем двинуться дальше на Петроград. Да и сами боевые действия немцев после 25 февраля ограничивались лишь ведением усиленной разведки всех видов. В оперативной сводке советского командования о действиях интервентов за 27—28 фев-

---

* «Известия», 1918, 2 марта.

** «Berliner Tageblatt», 1918, 26 февраля.

раля сообщалось, что «из Пскова противником высылаются пока небольшие разъезды на Торошино и к Карамышеву, дальнейшее стремительное продвижение немцев из Пскова пока не замечается, несмотря на заманчивую возможность захвата нашей артиллерии и обозов»*.

Таким образом, поставленную командованием Северного фронта задачу — задержать численно превосходящие и технически хорошо оснащенные силы противника до подхода подкреплений из Петрограда — 2-й красноармейский полк выполнил в тяжелых боях 23 и 24 февраля 1918 г.

Огромная заслуга в стойкости, дисциплинированности, самоотверженности бойцов 2-го красноармейского полка принадлежит коммунистам-агитаторам, которых направил к нам Б. П. Позерн. Они находились на самых трудных, самых опасных участках, своей революционной энергией сплачивали и цементировали ряды бойцов, несли к ним слова ленинской правды, идеи Коммунистической партии, увлекали на подвиги.

В Пскове, после занятия его интервентами, была восстановлена старая реакционная Дума, которая сразу же стала помогать немцам вывозить из города продовольствие, боевые припасы. Крестьяне получили приказ доставить сельскохозяйственные продукты для отправки в Германию.

Многие военнообязанные, в том числе бывшие офицеры, наблюдавшие торжественную встречу псковской буржуазией немецких захватчиков, решили срочно выбираться из города и пробираться на советскую сторону, чтобы добровольно вступить в ряды Красной Армии.

Псковские крестьяне, убедившись на практике в том, какой «порядок» несут им оккупанты при активном содействии русской буржуазии и кулаков, массами вступали в боевые партизанские отряды, действовавшие как в прифронтовой зоне, так и в тылу врага. Хочется привести выдержки из неопубликованных воспоминаний члена партии с 1918 года И. С. Елкина, которые ярко характеризуют обстановку тех дней на Псковщине.

«19 февраля 1918 года,— рассказывает Иван Семенович, — орудия нашего артдивизиона, оставшегося в тылу

---

* ЦГАСА, ф. 7150, оп. 1, д. 12, л. 1.

немцев, привели мы в полную негодность. Штаб дивизиона выдал солдатам удостоверения в бессрочный отпуск.

В 5 часов вечера 20 февраля 1918 года я прибыл к родным в свою деревню Климово. Около 11 часов вечера, когда наша семья уже улеглась спать, в дом явился человек в гражданской одежде и предъявил документы о том, что он уполномочен партией и советскими организациями создавать отряды для отпора немцам и спасения Петрограда и революции. Он заявил, что из Петрограда выступили рабочие фабрик и заводов, а Красная гвардия ведет бои под Псковом. Население должно оказать революционным войскам посильную помощь.

Когда нас распускали в бессрочный отпуск, многие солдаты уходили домой с личным оружием, а ездовые, кроме того, брали с собой свою лошадь. Я вернулся домой на неоседланном коне Шантик, имея при себе карабин, шашку, артиллерийский [illegible] и полный комплект патронов к карабину и нагану.

Я, мой отец и брат Григорий (участник первой мировой войны) быстро оделись, запрягли лошадь и пошли к соседям. Вскоре мы подняли на ноги всю деревню.

С нами пошел и бывший солдат нашего артдивизиона поляк Игнатович, живший временно у моего соседа. К моему и Игнатовича карабинам прибавилось три шомпольных охотничьих ружья, две двухстволки и одна одностволка. Коротко посовещавшись, мы двинулись в деревню Краули, а затем разошлись еще в несколько деревень.

По указанию уполномоченных, а их по Островскому уезду оказалось восемь человек, за одну ночь было поднято население нескольких волостей и создано несколько отрядов. В наш отряд входили крестьяне из четырех волостей: Толковской, Вышгородецкой, Кочановской и Грибулевской.

Общий сбор был назначен в деревнях Симоны, Волково, Родишкино. К восходу солнца в этих деревнях собралось около тысячи повстанцев, имевших при себе 130 винтовок и карабинов военного образца, около 600 охотничьих ружей разных систем, шашки, тесаки, наганы. Значительная часть крестьян имела только вилы или топоры.

Народу собралось много, а оружия оказалось мало. Крестьяне деревни Родишкино, соседней с имением Плус-

Н. В. БАРАНОВСКИЙ

ки, предложили пойти в это имение к помещику Арбузову, сын которого — офицер царской армии — завез отцу два станковых пулемета с лентами для охраны имения от крестьян. Там мы действительно обнаружили два пулемета «максим» и 40 ящиков с пулеметными лентами.

На Бельчонском ручье, у моста через дорогу, идущую из города Острова на Маршенгаузен (Виляка), мы организовали засаду.

Вскоре мы увидели, что к нам движется большой обоз из запряженных по паре лошадей военных повозок. Как только немцы втянулись в подготовленный для них огневой мешок, мы открыли перекрестный огонь из пулеметов, винтовок и ружей. Немцы, бросая оружие, в панике побежали. Мы их преследовали километров пятнадцать до самой железнодорожной станции Бренчаниново. В этом бою повстанцы нанесли немцам значительные потери и захватили богатые трофеи, особенно оружие, которого нам так недоставало.

В район восстания немцы перебросили регулярные войска. Прочесав мелкие леса и деревни и не обнаружив большевистских вооруженных сил, они обрушили свою злобу на окрестные деревни. В деревнях Лилинская, Бельчонки, Симоны, Родишкино немцы сожгли все постройки.

немецкие вещи, увезенные с места боя, оккупанты жи-
выми бросали в горящие постройки. Так погибло 18 че-
ловек.

Ввиду неравенства сил руководство нашего отряда приказало нам мелкими группами пробираться на совет-скую территорию. Вскоре мы пришли в город Опочку Псковской губернии, где влились в местный партизанский отряд под командованием Ионина.

Бывший псковский красногвардеец Н. В. Барановский стал одним из инициаторов создания партизанского отря-да в деревне Верхние Галковичи, в 4—5 км северо-вос-точнее Пскова. Кашинский партизанский отряд*, состояв-ший из бывших фронтовиков и необстрелянной рево-люционной молодежи, уже в первые дни своего суще-ствования совместно с «Псковскими [illegible] отрядами», подо-шедшими из Петрограда, разгромили в районе Тороши-но — Черняковицы немецкий отряд самокатчиков и сбили немецкий самолет, летевший в сторону Петрогра-да. Командовал отрядом преданный делу революции человек — Нил Нилович Гуляев.

Трудящиеся Псковщины одними из первых осознали, что на смену ненавистной империалистической войне при-шла справедливая, Отечественная война против за-хватчиков. По словам начальника Псковских отрядов Пехливанова И. Г. «в этот период все соперничали друг перед другом в стремлении принести посильную пользу в деле защиты Советской Республики и завований рево-люции»**.

БОИ ПОД РЕВЕЛЕМ

В ночь на 21 февраля части Северного кор-пуса немцев с Моонзундских островов пе-реправились на материк и, не встречая на своем пути со-противления, начали продвигаться в северо-восточном направлении.

---

* Из-за близости к Пскову партизанам пришлось уйти из Верх-них Галковичей в деревню Кашино.

** ЦГАСА, ф. 7150, оп. 1, д. 5, л. 131.

Двадцать первого февраля В. И. Ленин по прямому проводу отдал распоряжение председателю Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Эстонского края Я. Я. Анвельту двинуть части против врага и опрокинуть его. В случае, если это будет трудно, предлагалось испортить все дороги, произвести ряд партизанских набегов, с тем чтобы не дать врагу закрепиться на материке.

Эту задачу вначале предполагалось выполнить силами войск боевой группы 49-го армейского корпуса (49, 13-й армейские, 6-й Сибирский корпуса, Ревельский укрепленный район), в составе корпуса насчитывалось около 3900 штыков, 96 пулеметов, 36 легких орудий и 6 гаубиц. Кроме того, в 3-м красноармейском полку, сформированном из добровольцев 49-го корпуса на базе 22-го Финляндского полка, было около 700 штыков и артиллерийская батарея.

Однако и в этих войсках (за исключением красноармейского полка) наблюдались развал частей и их полная небоеспособность, и здесь имели место самовольный уход с позиций и просто бегство в тыл. Командование корпуса оставалось пассивным, оно еще отдавало приказы, распоряжения, но само не верило в возможность их выполнения.

Соединения и части этой боевой группы получили приказ постепенно отходить на линию Ревель, Пайде, Юрьев, приняв срочные меры к обороне важных узлов дорог Тапа и Раквере. В дальнейшем им надлежало занять и упорно оборонять нарвскую позицию. Приказ, ставящий частям и соединениям конкретные задачи по удержанию тех или иных рубежей, изобиловал такими выражениями, как «удерживать, пока возможно», «в дальнейшем отходить» и т. д., что явно не соответствовало общему требованию «защищать каждую позицию до последней капли крови».

Поэтому вместо упорной обороны указанного им района войска корпусов начали беспорядочный отход на северо-восток. Так, штаб 13-го армейского корпуса двигался столь поспешно, что уже вечером 25 февраля очутился в Муствэ. Потеряв с этого времени управление войсками, командир корпуса оказался только со своим штабом. Предоставленные самим себе, разрозненные

части корпуса отходили в том направлении, какое ука-зал их командир.

Еще хуже обстояло дело в 6-м Сибирском корпусе. Командир и комиссар корпуса вместе с председателем корпусного комитета, выехав из Валмиеры в Валгу, при-были туда с запозданием и ничего не сделали для ор-ганизации обороны Валгского узла. Вскоре командова-ние корпуса фактически бежало в Юрьев, а затем в Нарву.

Как позднее выяснилось, из Нарвы они направились не в Гдов, куда отходили из Юрьева части корпуса, а в Ямбург (Кингисепп), бросив свои части, как раньше бросили 2-й красноармейский полк. Начальник штаба 6-го Сибирского корпуса донес из Юрьева командиру 49-го армейского корпуса, что приказ об обороне рай-она Юрьева, а затем линии Нарвы [illegible] выполнить не в состоянии».

В этих условиях необходимо было опереться на крас-ноармейские полки, но в сумятице отступления о них совершенно забыли. Так, совершенно был забыт 2-й ба-тальон 4-го красноармейского полка, находившийся к юго-востоку от Пернова (Пярну) в ожидании погрузки на поезд. 1-й и 3-й батальоны этого полка еще до на-ступления немцев распоряжением командования Север-ного фронта были направлены во главе с командиром полка В. И. Строгановым в городок Порхов (юго-восточ-нее Пскова).

Наблюдая за беспорядочным отходом частей 13-го армейского корпуса, командир 2-го батальона Н. К. Бли-нов повел своих бойцов через Вильянди, Муствэ в Гдов, где в конце февраля поступил в распоряжение Я. Ф. Фабрициуса.

Не встречая сопротивления, немецкие части захва-тили Юрьев и продолжали движение по неприкрытой железной дороге на Тапа. Почти одновременно враг занял Пернов и Пайде. Вокруг Ревеля сжималось огнен-ное кольцо интервентов.

Положение в городе создалось крайне тяжелое.

Эвакуация материальных ценностей по железной до-роге с каждым днем осложнялась все больше и приня-ла хаотический характер: вагоны с грузами накаплива-лись на путях, безнадежно их закупоривая; не хватало паровозов; отходящие поезда с бою брались солдатами

и матросами, требовавшими отправки на восток. Несмотря на такое катастрофическое положение, Эстонский революционный комитет и Военно-революционный комитет Ревеля под руководством Виктора Эдуардовича Кингисеппа сумели не только сплотить вокруг себя большевиков и беспартийную массу солдат, наладить планомерную эвакуацию при помощи морских средств, но и организовать активную оборону на подступах к городу.

В ночь на 22 февраля Военная коллегия направила по железной дороге в район Ристи и далее на Хапсалу отряд из 30 красногвардейцев под командованием солдата старой армии Пикмана. Отряд должен был проверить правильность сведений о переходе немцев с Моонзундских островов на материк и их продвижение на Ревель. А утром в район станции Ристи был отправлен и второй отряд из добровольцев военно-морской бригады в составе 80 бойцов и трех офицеров.

В тот же день были приведены в боевую готовность расположенные в Ревеле красногвардейские и красноармейские подразделения формируемого 1-го Ревельского эстонского красноармейского полка. В Народном доме бойцы собрались на митинг. Среди них были закаленные в борьбе ветераны, участники революционных боев 1905 г., рабочие заводов и железнодорожных мастерских, солдаты и матросы, прошедшие через горнило трехлетней войны; была и рабочая молодежь, учащиеся, представители трудовой интеллигенции — служащие, преподаватели, студенты.

Поднявшись на какой-то приступок, заменивший трибуну, Виктор Кингисепп внимательно оглядел вооруженную массу людей, заполнивших до отказа помещение, и неторопливо стал читать Декрет Совета Народных Комиссаров «Социалистическое отечество в опасности!» Голос Кингисеппа гулко раздавался под сводами Народного дома.

Бойцы с затаенным дыханием внимали ленинским словам. По мере чтения лица их все больше суровели.

Набатный призыв декрета всколыхнул массу красноармейцев и красногвардейцев. Раздавались возгласы: «Да здравствует социалистическое Отечество!» «Да здравствует международная социалистическая революция!». Кто-то запел «Интернационал», дружно подхваченный всеми собравшимися. Когда пение кончилось и наступи-

А. М. ПЕЛЬД

ла тишина, Кингисепп коротко обрисовал обстановку под Ревелем, сообщил о движении отрядов на Ригу.

— Но вы,— сказал он,— основная сила, и вы должны выступить против врага сразу же после митинга и преградить ему путь к городу. Командовать вами будет товарищ Пельд. Большинство из вас знает его по боевой подготовке, которую он с вами проводил. А кто не знает, разрешите представить. Прошу, товарищ Пельд, покажись народу.

В. Э. КИНГИСЕПП

И. И. РУЛЕНКОВ

Из первого ряда поднялся крупный, высокий военный в офицерской шинели, четко отдал честь Виктору Кингисеппу, так же четко повернулся к собравшимся на митинг и взял под козырек.

— Товарищ Пельд — капитан старой армии, опытный боевой командир,— продолжал Кингисепп.— Комиссаром отряда Военная коллегия назначила товарища Навчьеня, матроса с крейсера «Рюрик».

— Знаем! — послышались выкрики из рядов.

АЛИСА ТИСЛЕР

— В помощь товарищу Навчьеню назначается Алиса Тислер,— закончил Кингисепп.

Под шумные аплодисменты и выкрики «Знаем!» поднялась девушка, в волнении перекидывая винтовку из одной руки в другую.

Когда все вышли из Народного дома, Пельд подал команду построиться. Командиры рот проверили людей.

— Равняйсь! — раздалась команда. — Смирно! На пле-чо!

Четко вскинули бойцы винтовки и застыли; ни один штык не пошевелился.

Команды следовали одна за другой:

— Справа по отделениям... шагом марш!

— Левое плечо вперед! Прямо!

Пятясь немного назад, подсчитывая ногу, Пельд молодцевато, как когда-то юнкером в Виленском военном училище, повернулся и повел отряд на вокзал.

Вскоре роты громко запели:

Смело мы в бой пойдем
за власть Советов
И как один умрем
в борьбе за это!

Не успели замереть последние слова боевой, грозной рабочей песни, как кто-то из бойцов весело завел:

Во ку... во кузнице...

И эта песня сразу была всеми подхвачена. Из рядов выскочило несколько солдат и под залихватский мотив и посвист они пошли вдоль строя вприсядку.

Так 400 храбрецов вышли на единоборство с наступавшим на Ревель Северным корпусом немцев.

...Командир высланного вперед 1-го отряда Пикман назначил на площадке паровоза наблюдателями Руленкова и Метуса.

Побывавший на войне в солдатах Руленков спокойно, сосредоточенно осматривал местность по пути движения. Метус, паренек лет шестнадцати, из рабочих, круглолицый, упитанный, скорее был похож на барчука; он все время ерзал, принимал боевые позы, точно мысленно представлял себе картины боя, когда в схватке с немцами будет разить их.

Г. И. МЕТУС

— Стой или сиди, делай что-либо одно, а то винтовку чуть из рук не выбил. Что тебя лихоманка дергает? — недовольно заворчал Руленков.

Не имея связи с ближайшей станцией, Пикман приказал машинисту ехать осторожно, «с оглядкой». В прошлом нестроевой унтер-офицер, Пикман был назначен командиром отряда как стойкий большевик.

С наступлением темноты отряды Пикмана и моряков соединились на станции Ризипере; командиры решили подождать отряд Пельда. По неопытности, заговорившись, они забыли выставить охранение. А когда спохватились и выделили наряд, было уже поздно. Не успели высланные посты и десяти шагов сделать, как появились немцы. Открыв огонь, они пошли в атаку.

Однако командиры, красногвардейцы, матросы не растерялись: раздумывать было некогда, и наши бойцы, без выстрела, с криком «ура!» бросились в контратаку, навалились на непрошеных гостей, опрокинули и погнали их.

Среди кричавших «ура» особенно звонко раздавался голос Густава Метуса. Он бежал вместе с другими, увлеченный общим порывом, почти бессознательно: ему так хотелось схватиться с немецкими солдатами, как он это представлял себе, сидя на паровозе. Но в центре контратаки, где очутился Густав, ряды врага были смяты, и

вместо вражеских солдат он видел темнеющие дома, деревья; в одно из них, стоявшее поодаль, он чуть было не воткнул штык, приняв его за немца. Все произошло не так, как это ему рисовалось в воображении. Вдруг из-за угла какого-то здания выскочил немецкий солдат, но, заметив красных, метнулся назад. За ним бросился Густав, но тут же увидел, что наши бойцы почему-то бегут обратно. Он выстрелил в немца и стал осматриваться.— «Скорее на станцию!» — крикнул, пробегая мимо Метуса, Руленков. Густав побежал за ним. Требовалось быстрее предупредить своих.

Вскоре послышалась стрельба севернее станции, совсем в тылу наших, где-то за железнодорожными составами. Отряды оказались в окружении. Белогвардейцы и их прихвостни из местных «патриотов», еще недавно ратовавших за «войну до победного конца», выступили на стороне врага. Хорошо зная местность, они помогли немцам окружить красных на станции Ризипере.

Но наши отряды штыками проложили путь себе к своим железнодорожным составам. Матросы и красноармейцы героически дрались (они потеряли 35 человек убитыми и ранеными) и лишь из-за подавляющего численного перевеса противника вынуждены были оставить станцию.

Как позже выяснилось, после переправы с Моонзундских островов на материк Северный корпус немцев наступал на Ревель двумя колоннами. Впереди шли снайперский и 5-й мотоциклетный батальоны, артиллерийский дивизион. С одной из этих колонн красные отряды имели дело под Ризипере.

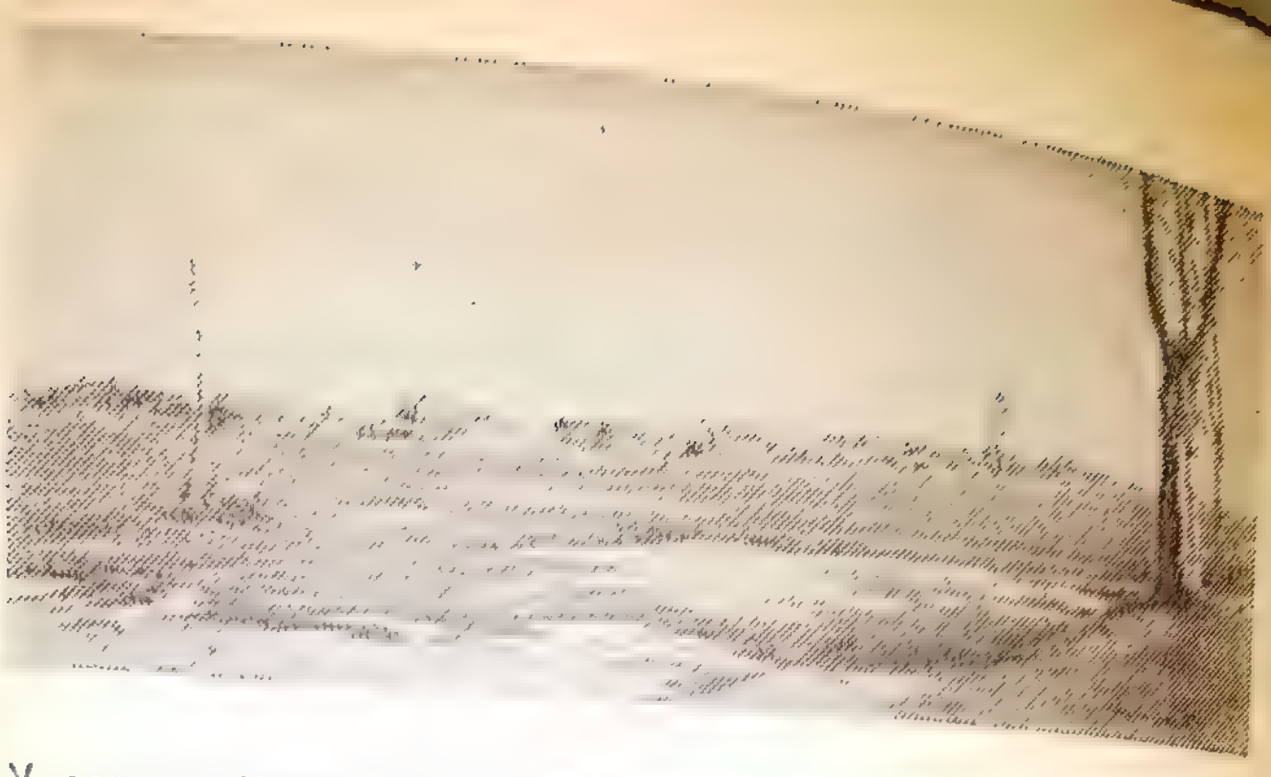
Утром 23 февраля отряд Пельда встретился между Кейла и Ризипере с отходившими по железной дороге нашими отрядами, состоящими из красногвардейцев и революционных матросов.

Выяснив обстановку, командиры решили отвести отряды к станции Кейла и здесь, заняв оборону, подождать подхода артиллерии из Ревеля.

Расставив посты и выслав разведку, Пельд выбрал с командирами рот позицию для обороны, фронтом на Хапсалу, и занялся боевой подготовкой солдат.

Вдруг его окликнул наблюдатель Ильвес, стоявший около эшелона:

— Товарищ командир, смотрите — самокатчики!



У города Кейла. Здесь 23 февраля 1918 г. произошел бой между немцами и таллинскими и красногвардейскими отрядами

Действительно от имения Туула по дороге, идущей вдоль левого берега реки Кейла, мимо парка двигался отряд немецких самокатчиков по направлению к железнодорожному мосту через реку. Враг появился не с той стороны, где была намечена оборона, и раньше, чем его ожидали.

За самокатчиками шли мотоциклисты. Противник быстро приближался к железнодорожному мосту и вот-вот мог захватить его.

К югу от железной дороги, вблизи сарая, также показалась группа немцев.

«Вот откуда вы пожаловали, — подумал Пельд. — Ну, это к лучшему: со стороны железнодорожного состава мы встретим вас огнем всех пяти пулеметов». (Позиции для пулеметов были оборудованы на платформах). Откинув несколько назад правую руку, как бы для удара, Пельд скомандовал:

— Пулеметная команда, к бою! Командиры рот, ко мне!

Расчеты заняли свои места и открыли огонь. Солдаты противника заметались, бросая самокаты и мотоциклы, в поисках укрытия.

Тем временем наши стрелковые роты быстро занимали позиции вдоль железнодорожной насыпи. Март Месснер с небольшой группой красногвардейцев, выполняя приказ командира отряда, торопился прикрыть железнодорожный мост.

Главные силы 5-го мотоциклетного батальона немцев начали развертываться к юго-западу от дороги, вдоль кустов низинки, и подниматься выше по направлению к сараю. Бойцы красногвардейского отряда, заняв позицию по полотну железной дороги, обстреливали наступающих.

Небольшая группа немцев пыталась подползти по канаве к мосту, но под пулеметным огнем Месснера вынуждена была залечь. В это время посыльный с наблюдательного пункта на водокачке доложил, что из-за парка имения, по восточному берегу Кейла, также появились вражеские солдаты.

Создалась угроза, как бы противник, наступая из-за имения Кейла на заставу, не перехватил железную дорогу, шоссе и не отрезал отряд красных от Ревеля. Боец Кеэбну, вернувшийся в это время со станции, сообщил некоторые подробности и о том, что наша артиллерия только погружается в Ревеле.

— Придется без пушек начинать,— сказал Пельд.

Он стоял на насыпи, совершенно не обращая внимания на то, что кругом свистели пули, но Алисе Тислер предложил уйти в укрытие.

— Я в распоряжении комиссара [illegible] командир,— гордо ответила девушка.

— Тем более вы должны показывать пример другим и до поры до времени находиться в укрытии [illegible] бойцах; сойдите, прошу вас,— строго сказал ей Пельд. Но Алиса продолжала стоять.

Командир не стал больше настаивать.

Подготовка к контратаке завершилась.

— Я, Андрей Михайлович, пойду в центре,— сказал Навчьеня,— а Алиса будет на правом фланге.

— В центре пойду я, а вас попрошу отправиться с левофланговой ротой,— ответил Пельд.

— Вы, Ильвес, можете возвращаться в свою роту,— сказал он связному левофланговой роты.

— Андрей Михайлович, вам нужно командовать всем отрядом, а наше с Алисой дело быть с бойцами.

Пельд улыбнулся и ответил:

— Командиру в пиру первая чарка, а в бою первая палка.

— Но теперь времена другие, не при Дмитрии Донском воюем.

А. Я. РЮЮТЕЛЬ

— Вот именно другие. Добрая половина отряда плохо обучена, воинского воспитания не имеет: тут не столько команда нужна, сколько пример.

— А кто же командовать будет? Остается резерв, пулеметная команда,— пытался настоять на своем комиссар.

— Я и буду командовать. За мной Петров потянет телефонную связь.

— Смотрите, вам виднее. Как лучше, так и делайте,— сказал Навчьеня.— Начинаем?

А. Я. ИЛЬВЕС

— Да, пора. Ни пуха ни пера,— крепко пожал он руку Назчьене, повернулся к Алисе, чтобы и ей пожать руку, но она уже ушла к своей роте.

Командир отряда подал команду:

— В атаку, вперед!

И когда красногвардейцы поднялись из-за насыпи, Пельд по привычке сдвинул папаху назад, повернулся лицом к врагу и, не оглядываясь, быстро, уверенно пошел вперед, так же как вчера после митинга, когда повел колонну.

Под прикрытием огня пяти пулеметов (с платформы удобно было стрелять через головы своих) красногвардейцы двумя цепями устремились в атаку. Ближе к правому флангу, несколько впереди первой цепи, по насту легко шла Алиса Тислер, изредка стреляя на ходу в сторону врага.

Ее знали и любили красногвардейцы и тогда, когда она занималась с ними в Ревеле, и особенно сейчас, в бою: решительная, смелая, она во время атаки находилась в первых рядах. Рядом с Алисой были Тийтсен, Рюютель, а несколько поодаль — Лахе.

Сближение шло быстро, огневой бой разгорался все сильнее.

Пельд, расстегивая кобуру револьвера, повернулся к цепям и, увидев идущую впереди Алису Тислер, с восхищением сказал:

— Молодец!

С громким, протяжным «ура!» бросились бойцы на немцев, опрокинули и погнали их. Из-за сарая неожиданно заработал пулемет противника и заставил залечь наш правый фланг.

— За мной! — крикнула Алиса и с песней «Смело мы в бой пойдем» бросилась на вражеский пулемет. Простреленная, она тут же упала замертво. Сразила пуля и Тийтсена, пытавшегося закрыть собою Тислер, упал мертвым седоголовый Кукк.

Пельд решил: подавить огневую точку противника. Он послал Петрова с приказанием командиру правофланговой роты забросать ее гранатами. Петров, Рюютель подползли к пулемету немцев с двух сторон и закидали его гранатами. Они легко отделались: у Рюютеля была прострелена шинель, Петрова ранило в щеку.

7*

Отброшенные немцы попрятались в кустах за канавой и оттуда вели огонь из пулеметов. Наши цепи интенсивно отвечали им.

Случайно отставшие в Ревеле красногвардейцы, узнав о том, что их отряд уже выступил, кинулись догонять своих. Поспешил на вокзал и боец Тамм, но отряда уже не застал. Юноша сел на отходящий поезд, по дороге перебрался на санитарную летучку и добрался до ближней станции, потом на случайной подводе — до станции Сауэ и отсюда уже по шпалам добежал, весь мокрый, до заставы, где шел бой. Тамм залег в цепь и начал стрелять в немцев, [illegible] упущенное.

Отброс[illegible], отряд красногвардейцев, не имея артиллерии [illegible] огнем врага не смог продолжать наступление. Комиссар отряда Навье-ня, попытавшийся снова поднять бойцов в атаку, был тут же тяжело [illegible] с трудом вынесли из-под огня.

Между тем [illegible] наращивать свои силы против небольш[illegible].

Пельду доло[illegible] одна из немецких колонн недалеко от [illegible] выходит в тыл отряда, и наша застава здес[illegible] натиск противника. К западу от Кейла, по [illegible] Хапсалу, наблюдатели заметили движени[illegible] колонны неприятеля. Наша артиллерия к Сауэ [illegible] подошла. Пельд вызвал к телефону Кингисеппа, [illegible] обстановку и получил разрешение во избежание окружения вывести отряд из боя и перебросить по железной дороге в Сауэ, куда должна была прибыть артиллерия.

Прикрывая отход товарищей, часть красногвардейцев не успела сесть в железнодорожные вагоны и попряталась в домах местных жителей. Некоторые сумели на крестьянских подводах пробраться в Ревель.

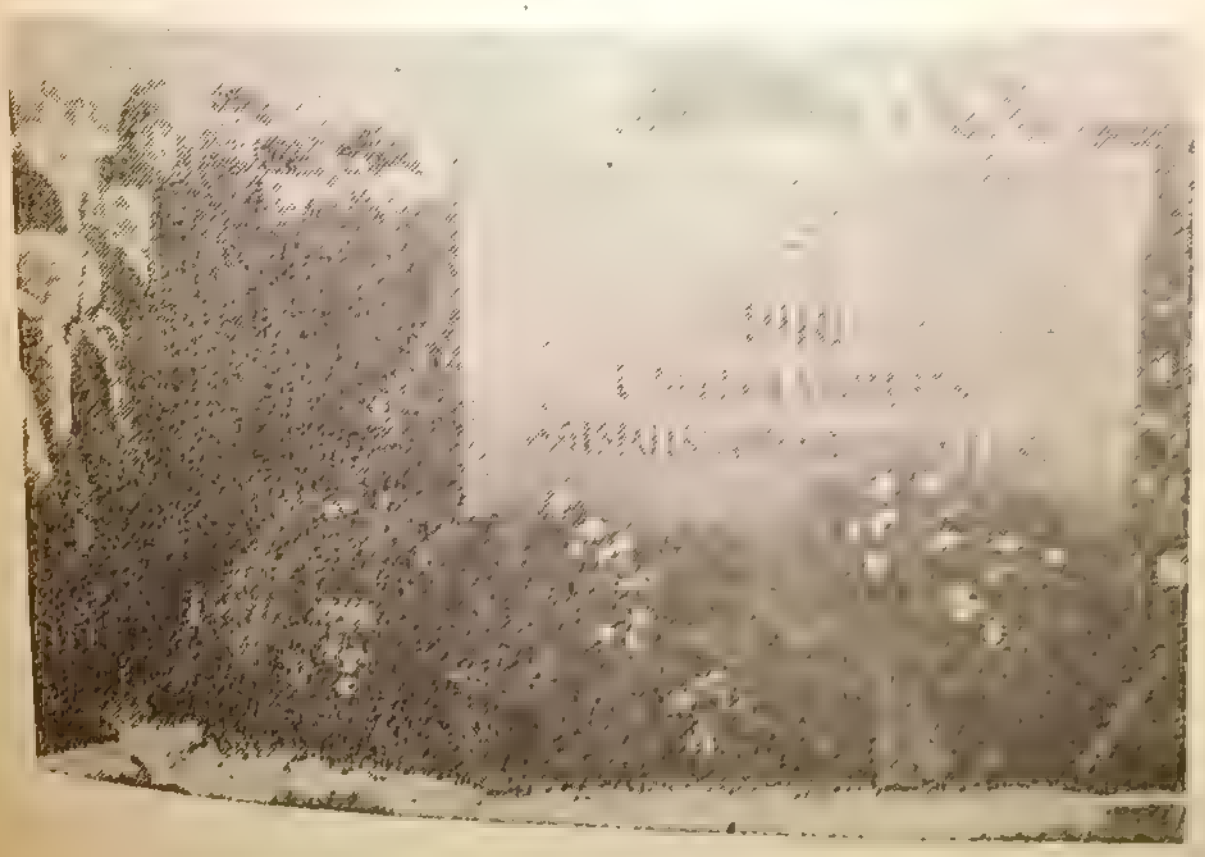
Нашлись, однако, среди населения и предатели. Девять красногвардейцев были выданы ими немцам и замучены.

Отойдя к Сауэ, отряд Пельда соединился там с прибывшей артиллерийской частью. Но организовать оборону вне Ревеля обстановка не позволяла. В городе начали активизироваться белогвардейцы, и отряду было приказано возвратиться в Ревель для охраны партийных

А. Ф. ТАММ

и советских организаций и совместно с матросами Балтийского флота прикрывать эвакуацию.

Сопротивление, оказанное врагу в первых февральских боях малочисленными отрядами красногвардейцев, матросов и красноармейцев, было настолько значитель-



Город Кейла. Братская могила красногвардейцев, погибших в бою 23 февраля 1918 г.

ным, что командир немецкого Северного корпуса, имевший приказ командующего армией незамедлительно занять Ревель, не решился все же продолжать наступление и отложил его на сутки.

В ночь на 25 февраля по приказу советского командования город был оставлен. Но захватить корабли Балтийского флота немецким войскам не удалось. Тяжелая ледовая обстановка не помешала флоту перебазироваться в Гельсингфорс.

И ПОД НАРВОЙ ТОЖЕ БОИ

Захватив с боем Псков, немецкое командование в течение нескольких дней не предпринимало активных наступательных действий. Высланные им в направлении [illegible]ица, Торошино разведывательные отряды обнаружили, что дорога на Петроград обороняется красногвардейскими отрядами, количество которых непрерывно увеличивается. Начали сказываться мероприятия партии и правительства, направленные на усиление обороны Советской республики.

В эти тревожные дни энергично работал Комитет революционной обороны Петрограда, объявивший всеобщую мобилизацию рабочих и солдат, поддерживавших Советы. Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов писал в эти дни: «Формируем и отправляем отряды Красной Армии. Подъем в рабочих районах большой. Один Сестрорецкий завод отправил сегодня 1000 человек, завтра отправляем еще второй отряд. Идут записываться целые заводы, мужчины и женщины от 18 до 50 лет»*. Петроградский пролетариат, революционные солдаты и матросы встали на защиту Петрограда, на деле доказали свою преданность Советской власти.

По призыву Комитета революционной обороны, движимые патриотическим долгом защиты Отечества, в эти дни явились в партийные и советские организации многие офицеры и генералы старой армии.

* С. М. Кляцкин. На защите Октября. М., 1965, стр. 132.

От рабочих не отставало и трудовое крестьянство. В одном из донесений командира авангардного красноармейского отряда, действовавшего под Псковом, отмечалось: «Всюду организуются крестьянские партизанские отряды. По приблизительному подсчету, до сих пор учтено таковых, как получающих директивы от меня и начальников отрядов, до 3000 человек в районе действия авангарда. Крестьяне крайне воодушевлены и организуются весьма энергично».

23 февраля, когда в Петрограде было получено сообщение о боях под Псковом, по всему городу тревожно загудели фабричные, заводские и паровозные гудки, призывая трудящихся на защиту революции. По зову партии и правительства тысячи людей шли на фронт, чтобы грудью прикрыть столицу. В Смольном — штабе революции, на вербовочных пунктах в казармах, на фабриках и заводах шла усиленная запись в боевые дружины.

Раньше других частей на Варшавский вокзал прибыл 1-й Красноармейский полк, за ним отряды Тукумского латышского полка под командованием К. К. Герцберга, 2-й пулеметный запасной полк, батарея Михайловского артиллерийского училища, красногвардейцы заводов «Резенкранц» и «Вулкан». Эти части составили ядро Псковских отрядов, к которым затем присоединялись все новые и новые отряды. Начиная с 25 февраля и вплоть до 3 марта с Варшавского вокзала столицы под Псков и Нарву один за другим отправлялись воинские эшелоны с боевыми отрядами.

Псковские отряды под командованием И. Г. Пехливанова 27 февраля завязали встречные бои с противником между Псковом и станцией Торошино и преградили ему путь на Петроград.

Командование 8-й немецкой армии, усилив Северный корпус 1-й кавалерийской дивизией, поставило перед ним задачу любой ценой занять Нарву и пробиться к Петрограду на этом направлении.

Комитет революционной обороны Петрограда, возглавляемый Я. М. Свердловым, для организации обороны и наведения порядка посылал в узловые пункты по пути наступления противника чрезвычайных комиссаров.

---

* ЦГАСА, ф. 7150, оп. 1, д. 9, лл. 136—140.

Н. К. БЛИНОВ

Одним из таких был Я. Ф. Фабрициус, с небольшим отрядом питерских красногвардейцев прибывший 27 февраля в Гдов.

Еще не успел остановиться состав, не успели еще выйти прибывшие на них красногвардейцы, как на эшелон набросились скопившиеся на вокзале солдаты старой армии, самовольно оставившие позиции: каждый хотел быстрее захватить место в вагоне. Но солдат остановил грозный окрик:

— Стой! Куда?

Ехавший на площадке впереди паровоза Фабрициус соскочил на перрон и пошел вдоль состава. Богатырского сложения, багровый от мороза, с пикообразными усами предстал он перед солдатами, похожий на былинного героя. Без всякого предисловия набросился на опешившую толпу:

— Мальчишки! Трусы! Куда это вы собрались? Так-то вы думаете защищать Советскую власть, которая дала вам свободу и землю? Кто у вас тут будет за старшего?

Из толпы вышел рослый, подтянутый кавалерист и молодцевато представился:

— Бывший корнет Второго прибалтийского драгунского полка Новиков.

— Ты что же, бежать собрался?

Я. Ф. ФАБРИЦИУС

— Никак нет. Уговаривал вместе со своим братом, бывшим вольноопределяющимся,— показал Новиков на красивого юношу,— уговаривал драгун перейти в Красную Армию и организовать оборону города, но они колеблются.

— Да он же гдовский, у него и хозяйство тут,— сказал рядом стоявший драгун.

— А ты откуда? — спросил его Фабрициус.

— Кто, я-то? Я — вологодский...

— Если никто Родину защищать не будет, то через неделю немцы на поездах и до твоей Вологодской губернии доедут,— сказал Фабрициус. И тут же приказал Новикову:

— Выводи своих драгун на привокзальную площадь. Я сам с ними поговорю.

Драгуны выстроились. Чуть поодаль Фабрициус увидел на привязи оседланных кавалерийских лошадей.

— Чьи это кони?

— Наши, товарищ комиссар,— ответил Новиков.

— И что же, вы и лошадей хотите немцу оставить?

— Вот и я им говорю, что жалко с конями расставаться,— сказал один из драгун.

— А с Советской властью не жалко расставаться? — спросил Фабрициус.

— Да тут ее нет. Вчера какой-то прапорщик со своей бандой арестовал членов ревкома.

— Как арестовал?

— Да так, арестовал и объявил себя какой-то властью.

— Как же вы это допустили? Да еще по домам собираетесь! — в гневе закричал Фабрициус.

— В Питере, говорят, уже Советской власти нет, — высказался какой-то драгун.

— Кто тебе это сказал? А кто меня прислал к вам сюда порядок наводить и город защищать — турецкий султан, что ли?

— Кто за Советскую власть — два шага вперед! — скомандовал затем Фабрициус.

Почти все вышли вперед.

— А колеблющиеся, трусы, все, кто не хочет бороться за Советскую власть, — [illegible] под конец Фабрициус, — марш отсюда, чтобы [illegible] вашего здесь не было!

— Драгуны! — приказал комис[illegible] — Сейчас же окружить и арестовать эту контррево[illegible]нную сволочь, посягнувшую на законную власть. Б[illegible]ужна тебе помощь, Новиков, возьми приехавших со [illegible] питерских красногвардейцев.

— Не надо, справимся сами.

— По коням! — скомандовал Новиков.

И драгуны ускакали. Через каких-нибудь полчаса Гдов был очищен от контрреволюционного охвостья и в городе вновь утвердилась Советская власть.

Вскоре в Гдов прибыл отошедший из-под Пярну 2-й батальон 4-го красноармейского полка с конной разведкой под командованием Н. К. Блинова и поступил в распоряжение Фабрициуса.

В тот же день Фабрициус телеграфировал в Петроград, что в Гдове спокойно, новый Исполнительный комитет приступил к работе, город очищается от контрреволюционеров, буржуазное население разоружается.

Обстановка под Нарвой между тем осложнялась: части и соединения 49-го армейского корпуса, до этого расквартированные в городе Везенберге (Раквере), неудержимо покатились в эшелонах, на подводах, кто на чем мог, к Нарве и далее на Петроград. Рассчитывать на отступающие войска старой армии, как на какую-то ре-

альную силу, не приходилось. Начали открыто поднимать голову белогвардейцы. Опираясь в Везенберге на 4-й эстонский полк, сформированный при Временном правительстве, и на вооруженный отряд, контрреволюционеры противопоставили себя органам Советской власти.

Нарвские большевики во главе с председателем Исполнительного комитета городского Совета А. Э. Даумаком и одним из организаторов Красной гвардии Нарвы, начальником обороны города Константином Жарновецким, учитывая положение в районе группы войск 49-го корпуса и видя беспомощность командования этой группы, взяли в свои руки защиту от врага территории по всему нарвскому направлению. Для усиления местных красногвардейцев еще 23 февраля они выслали в Везенберг отряд численностью в 300 человек под командованием подпрапорщика старой армии Артамонова.

Двадцать четвертого февраля был отправлен в Йыхви второй отряд в количестве 75 человек с двумя пулеметами под командованием рабочего Тыниссона, члена партии с 1910 г., одного из организаторов Красной гвардии Нарвы.

По прибытии в Везенберг отряд Артамонова помог местным красногвардейцам разоружить 4-й белоэстонский полк, а позднее совместно с 3-м красноармейским полком и красногвардейцами прикрывал эвакуацию города.

Комиссар милиции и организатор Красной гвардии Йыхви Маяк (Анслауд) рано утром 25 февраля был поднят с постели невысоким человеком в шинели и большой папахе: это был Тыниссон.

Узнав, кто перед ним, Маяк обрисовал обстановку в Йыхви, посоветовал прежде всего очистить станцию от антисоветских элементов и в первую очередь разоружить полуроту солдат 4-го эстонского полка, состоявшую из антибольшевистски настроенных солдат, в основном сынков эстонских «серых баронов» *.

— Мы,— говорил Маяк,— предлагали им демобилизоваться и разойтись по домам, так как почти все эти солдаты выходцы из южной Эстонии, но они категориче-

* Прибалтийских кулаков в насмешку называли «серыми баронами».

ски отказались. А теперь, [illegible] наступление, они совсем обнаглели.

Приняв необходимые предупредительные меры, Маяк и Тыниссон вошли в дом, где [illegible] полурота; их окружили и стали спрашивать, что им надо. Тыниссон именем Советской власти потребовал сдать винтовки, патроны и немедленно разойтись по домам. Поднялся шум, крики, угрозы, солдаты решительно отказались ра-

ЯН ТЫНИССОН

А. Э. ДАУМАН

зоружаться. Больше всех [illegible] пожилой унтер-офицер с георгиевским [illegible]. Размахивая винтовкой, он надрывно кричал:

— Я с этой винтовкой пробыл три года в окопах и никому ее не отдам.

Черные, глубоко посаженные [illegible]а Тыниссона загорелись гневом. Он резко оборвал унтер-офицера и сказал:

К. М. ЖАРНОВЕЦКИЙ

— Послушайте, господа серые бароны, подпорки помещиков. Если вы оружие не отдадите добровольно, мы отберем силой. Мы численно вдвое сильнее вас. Посмотрите в окно. Видите, дула наших пулеметов направлены на этот дом. Если не хотите кровопролития, не позднее чем через час сдайте винтовки и патроны в пожарное депо, где размещены наши люди. Не сдадите — пеняйте на себя: оружие отберем и кое-кого из вас арестуем.

Снова поднялся шум. Тыниссон отрезал:

— Хватит! Наговорились! — и, подтвердив ультиматум, вышел вместе с Маяком.

Оружие было сдано раньше срока.

В тот же вечер в Йыхви прибыли красногвардейцы из Кохтла-Ярве и забрали отобранные винтовки. Оказалось, однако, что у всех винтовок были сбиты ударники. Красноармейцы кинулись к дому, где помещались солдаты, но там никого из них уже не было: навредив, враги скрылись.

Двадцать шестого февраля на станцию Йыхви отошли эшелоны с красногвардейцами [illegible] Кунда, Ассери, нарвский отряд Артамонова [illegible] стрелковый полк.

В Йыхви продолжали прибывать [illegible] подкрепления: из Нарвы явился разведывательный отряд под командованием Покаева, из Петрограда — Юрьево-Путиловский партизанский отряд, сформированный из партийно-советского актива Юрьева, солдат латышского запасного батальона и рабочих Путиловского завода, численностью до 700 человек под командованием офицера старой армии Яновского. Питерцы прибыли в блиндированном поезде, вооруженном пулеметами и двумя артиллерийскими орудиями.

В городке собралось до десяти больших и малых отрядов. По чьей-то инициативе их командиры сошлись на станции, чтобы выработать общий план действий.

Выделялся командир Нарвского отряда Артамонов — крупный усатый мужчина с давно не бритой седеющей щетиной на квадратных щеках и массивном подбородке. Призванный в действующую армию из запаса, Артамонов за боевые отличия получил четыре Георгиевских креста и четыре медали, став полным Георгиевским кавалером, он был произведен в подпрапорщики. Свой отряд он сравнивал с батальоном и откровенно гордился, что командует такой силой.

Юрьево-Путиловский парт[illegible] направо: стоят — ДОБЬЯН, САЗОНОВ [illegible] ЛЬМАН, ПОБУС, ГЯЧ

Он не горячился, не у[illegible]горами, которые сразу же возникли между [illegible]горами, как только открылось собрание. Нам[illegible]ое спокойствие присутствующих, Артамонов сидел с достоинством, в разговор вступал не спеша, говорил веско.

Собрание открыл и вел председатель Йыхвинского совдепа, бывший учащийся художественной школы, вольноопределяющийся 9-го кавалерийского полка старой армии Кеслер. Профессия, к которой он готовился, наложила на него свой отпечаток, и его не сглаживало суровое время войны и революции. На Кеслере как-то особенно хорошо сидел военный костюм, на красивый лоб в «поэтическом беспорядке» ниспадали волнистые волосы, небольшие усики обрамляли верхнюю губу, лицо было чисто выбрито.

Так же подтянуто выглядел командир Юрьево-Путиловского партизанского отряда Яновский. Командуя одним из сильных петроградских отрядов, он смотрел на других несколько свысока. Говорил, как и Артамонов, не спеша, вносил дельные предложения.

Его помощник Путяев—кадровый питерский рабочий, немолодой, видавший виды большевик приветливо смотрел на собравшихся и во время бурных споров умел с улыбкой и шуткой утихомирить особенно горячих и придать разговору нужное, деловое направление.

Командир 3-го красноармейского полка Мухортов, человек небольшого роста, выходец из крестьян, кричал больше всех, никого не слушал и ни с кем не соглашался, несмотря ни на какие доводы.

Здесь же были знакомые нам Маяк и Тыниссон. Тыниссон выступал спокойно, с толковыми предложениями, от которых не отказывался. Так же держался и командир разведывательного отряда Покатов.

В конце собрания все единодушно пришли к решению — защищать Йыхви. Спорили главным образом о том, кому и где занимать позицию. Не имея обоза, отряды были привязаны к стоящим [illegible] эшелонам, в которых находились боеприпасы, [illegible] пища, было оборудовано жилье; [illegible] к тому же еще охраняли эвакуируемое имущество и семьи.

По соседству с помещением [illegible] расположились командиры, в проходной комнате собрались [illegible] отрядов. В ожидании конца совещания они [illegible] развлекались.

— Франц Иосифович,— обратился пожилой рабочий к своему товарищу по Путиловскому заводу, очень худому и очень маленькому юноше по фамилии Гяч.— А, Франц Иосифович,— раздвигая в улыбке усы, повторил рабочий,— скажи нам, кем ты приходишься австрийскому императору Францу Иосифу?

— Тезкой, Иван Гаврилович,— ответил, не растерявшись, Гач и, в свою очередь, парировал: — А вот ты, судя по твоему брюшку, должно быть, в родстве с хозяевами нашего завода — Путиловыми?

— Наследник,— так же быстро нашелся Иван Гаврилович.— Живот на заводе был мне не в тягость, даже иногда маскировал мою революционную деятельность. Придут, бывало, жандармы с обыском, посмотрят на мое брюшко и книгу «Жития святых» в руках и решат: благонадежный.

...Совещание выработало детальный план обороны Йыхви, и командиры разошлись, чтобы вывести свои отряды на позиции.

Однако бои с противником развернулись не совсем так, как было намечено.

Для прикрытия местечка и станции Йыхви на полустанок Сампа, что в трех километрах к западу, Юрьево-Путиловский партизанский отряд выслал заставу из 18 человек с пулеметом. Красногвардейцы поместили пулемет в железнодорожной будке, откуда можно было вести круговой обстрел. Стрелки расположились по обеим сторонам полотна.

В три часа 28 февраля эшелон немцев в составе батальона, эскадрона и мотоциклетной роты подошел к полустанку; он был встречен пулеметным и ружейным огнем красногвардейцев. Паровоз дал задний ход, вывел состав из-под обстрела, немцы выгрузились и начали наступление на путиловцев.

Завязался неравный бой длившийся около четырех часов. Раненых красногвардейцев вначале переносили в станционное здание, но скоро стало некуда их относить — кругом враги.

Однако красные бойцы далеки были от мысли сдаваться; они дрались насмерть, помня призыв В. И. Ленина: «Защищать каждую позицию до последней капли крови». Почти все они погибли в неравной схватке. В живых остались лишь два пулеметчика; с невероятной быстротой переносили они пулемет из одной бойницы в другую, короткими очередями отбивали атаки врага, стремившегося взять в кольцо защитников.

Последняя лента...

— Если наши не подойдут на помощь, живыми не дадимся,— предложил один из красногвардейцев.— Когда расстреляем всю ленту, я первым пущу себе из револьвера пулю в лоб, а потом ты.

— Посмотрим еще, для кого пули пригодятся, думаю — не для нас, а для немцев,— ответил другой пулеметчик.

Лента уже на исходе. Но что это? Враг ослабил напор. Загудели рельсы, послышались артиллерийские выстрелы: один, другой, третий, заработали пулеметы.

— Ура! Наши!

К семи часам утра на помощь заставе прибыли Юрьево-Путиловский партизанский отряд с блиндированным поездом и другие красногвардейские отряды, решительно атаковавшие интервентов.

После ожесточенного боя немцы [illegible] отброшены к станции Кохтла; враг оставил на поле боя много убитых солдат и одного офицера. Трофеи: пулеметы и винтовки.

Из 18 путиловцев остались в живых только два пулеметчика. Четверо бойцов полка, в том числе тяжелораненых были захвачены немцами в плен, доставлены в Везенберг и там казнены после жестоких пыток.

Патриоты-путиловцы с честью выполнили свой долг перед республикой. К сожалению, имена этих борцов до

А. Г. ПРЕЙСМАН

сих пор не установлены. Вечная слава погибшим неизвестным героям, показавшим пример бескорыстного служения своему народу!

Преследуя немцев, красногвардейские отряды выбили их из Кохтла. Враг отошел к Пюсси, подорвав железнодорожные пути.

Первого марта во второй половине дня появившиеся со стороны Ревеля войска противника перешли в наступление. Завязался неравный бой. Защитники Йыхви — красногвардейцы, красноармейцы, командиры, комиссары — сражались героически, не щадя своей жизни. Особенно отличились красноармейцы Юрьево-Путиловского отряда Лебедев, Сазонов, Добыш, Пушкин, Гец, Гарцини, Подус, Ридман, председатель ревкома Александров, комиссар отряда Антонов и его командир Яновский. Из отряда Везенберга мужественно бились Линдер, Маяк и Котлов, из партизан — Артамонов и Покаев.

На исходе боев, одним чувствовалось отсутствие общего руководства — каждый отряд дрался как бы сам за себя. Главное же — враг значительно превосходил красных. Его артиллерия подавляла огнем два наши орудия, поставленные на железнодорожные платформы.

Под вечер прискакал из конного разведывательного отряда, высланного на дорогу к Муствэ, красногвардеец Прессман и доложил, что во фланг и в тыл заходит кавалерия противника. Советские войска вынуждены были начать отступление на станцию Вайвара, чтобы занять окопы, построенные по высотам еще в 1915—1916 гг.

Между станциями Йыхви и Ору отходящие советские войска взорвали железнодорожный мост. В районе станции Вайвара, куда уже затемно прибыли красноармейские отряды, окопы были занесены снегом. Для очистки их не имелось шанцевого инструмента.

Железнодорожный путь был забит поездами. Артиллерия противника открыла по ним огонь. Часть эшелона пришлось отправить в Нарву, где несколько отрядов свели в один Везенбергский партизанский под командованием рабочего завода Порт-Кунда унтер-офицера старой армии Лебу.

Юрьево-Путиловский отряд занял позицию для обороны к северу от железной дороги, оседлав шоссе, отряд Артамонова — к югу, а 3-й красноармейский полк —

П. Е. ДЫБЕНКО

в центре, на железной дороге. Действия отрядов по-прежнему никто на поле боя не объединял. Командир 49-го армейского корпуса со своим штабом был уже тогда в Ямбурге. По его просьбе оборону направления Нарва-Петроград взял на себя Петроградский военный округ. П. Е. Дыбенко, на которого возложено было руководство обороной Нарвы, находился еще в пути вместе с отрядом балтийских моряков. До его прибытия Нарвский исполком осуществлял только общее руководство. Вследствие этого по-прежнему не было необходимого взаимодействия между отрядами, обороняющимися в районе Вайвара.

К вечеру 2 марта противнику удалось потеснить наши войска и овладеть ключевыми позициями — Вайварскими высотами.

Когда эшелон с моряками прибыл на станцию Нарва, из одного вагона вышли два человека, один высокий, в зимнем защитного цвета пальто и папахе, с биноклем на груди, другой — чуть пониже, потоньше, в обычном для матросов обмундировании.

— Кто этот, в папахе? — спросил железнодорожник у стоявших на платформе матросов.

— Наш Дыбенко, Павел Ефимович! — отрекомендовал прибывшего моряк С. И. Федоров.

— Уже очень он высок, — сказал железнодорожник.

— Наш Дыбенко — настоящий питерский гвардеец первой роты,— сказал один из балтийцев.

— А второй?

— Председатель нашего отрядного комитета Баранов.

— Петр Георгиевич,— обратился Дыбенко к Баранову,— я пойду в исполком к Дауману, а тебя прошу подготовить отряд к митингу.

Страна была истощена империалистической войной, кругом царили экономическая разруха, голод. Молодые и старые, коммунисты и беспартийные трудились, не зная ни сна, ни отдыха. Они спали в сутки какой-нибудь час, много — два, очень скудно питались, но духом были сильны; они отдавались делу революции всем горячим сердцем, всей душой, глубоко веря в конечную победу, в счастливое будущее страны; они верили партии, которая уверенно вела народ к победе...

Такими были Дыбенко, и Дауман, и многие их соратники.

★ ★ ★

Председатель Нарвского исполкома Дауман встал навстречу вошедшему Дыбенко и, крепко пожав ему руку, сказал.

— Знакомьтесь: товарищ Жарновецкий, начальник обороны Нарвы. Прошу садиться.

В кабинете было холодно. Дауман и Жарновецкий работали в шинелях и папахах. От бессонных ночей, недоедания и чрезмерного напряжения Дауман очень похудел. Не лучше выглядел и Жарновецкий.

Но никаких признаков душевной слабости ни у того, ни у другого не было заметно. Движения их были бодры, голоса тверды.

Дыбенко снял папаху, положил на стол, пальцами расправил бородку и спросил:

— Рассказывайте, что у вас тут делается?

В исполкоме, в штабе обороны смутно представляли обстановку. По железнодорожному проводу они время от время связывались с 3-м красноармейским полком, а с остальными отрядами, действовавшими вдали от железной дороги, связь поддерживалась нерегулярно.

П. Г. БАРАНОВ

На совещании Дауман и Жарновецкий предлагали, чтобы прибывший отряд матросов занял позицию непосредственно для обороны города Нарвы, подготовил ее для других отрядов, в том числе и для прибывающих из Петрограда. Дыбенко же требовал выступить навстречу врагу. Каждая сторона горячо отстаивала свой план. Жарновецкий, в прошлом учитель, неторопливо, как бы разъясняя ученикам урок, доказывал выгодность непосредственной обороны города.

С. И. ФЕДОРОВ

Дауман, призванный на войну как прапорщик запаса, имел уже боевой опыт и, основываясь на нем, также настаивал на обороне города: будучи по профессии землемером-таксатором, — эта профессия, как известно, любит точность, — он доказывал свою мысль, как математик теорему. Дыбенко, наоборот, требовал идти «полным вперед!» — он говорил с пафосом, словно выступал на митинге.

— Вы утверждаете, что нас немного для встречной схватки с противником. А что говорится в воззвании Верховного главнокомандующего? Кстати, и воззвание это лежит у вас на столе. — Дыбенко взял его в руки и тут же положил обратно на стол со словами: — Да я его и так знаю, на память; много раз пришлось говорить о нем на митингах.

— В воззвании сказано, — говорил Дыбенко, — что немецкое командование не в состоянии бросить на революционную Россию достаточно крупные силы и что наступление ведется им сравнительно небольшими отрядами, что только общий развал нашей армии, уставшей, измученной и истерзанной войной, и провокационные слухи, распространяемые буржуазией и ее агентами о немецком нашествии, мешают нам сразу же организовать нужное сопротивление.

Если нам удастся, указывается в воззвании, бросить против врага сплоченные массы революционных граждан, готовых сражаться за каждый город, за каждое село, за каждую улицу, за каждый дом, то у врага не найдется сил, чтобы противопоставить их нам; несколько отрядов в 1000—1500 человек, снабженных элементарным вооружением и легкими батареями, способных быстро окапываться и стремительно нападать, будет достаточно, чтобы задержать продвижение немцев. А такие силы у нас есть. Я привел тысячу матросов, которые лягут костьми, но не пропустят врага к революционному Питеру. Вы имеете тысячи полторы бойцов, да еще таких революционных бойцов, как рабочие Питера и Нарвы. И мы будем уступать противнику нашу землю? Нет! Ни в коем случае! Я категорически за «полный вперед!»

Исчерпав все аргументы и не убедив Дыбенко, Дауман и Жарновецкий согласились с ним, как с командующим, назначенным правительством, и все трое отправи-

лись на митинг, где активно выступили под лозунгом: «Только вперед!»

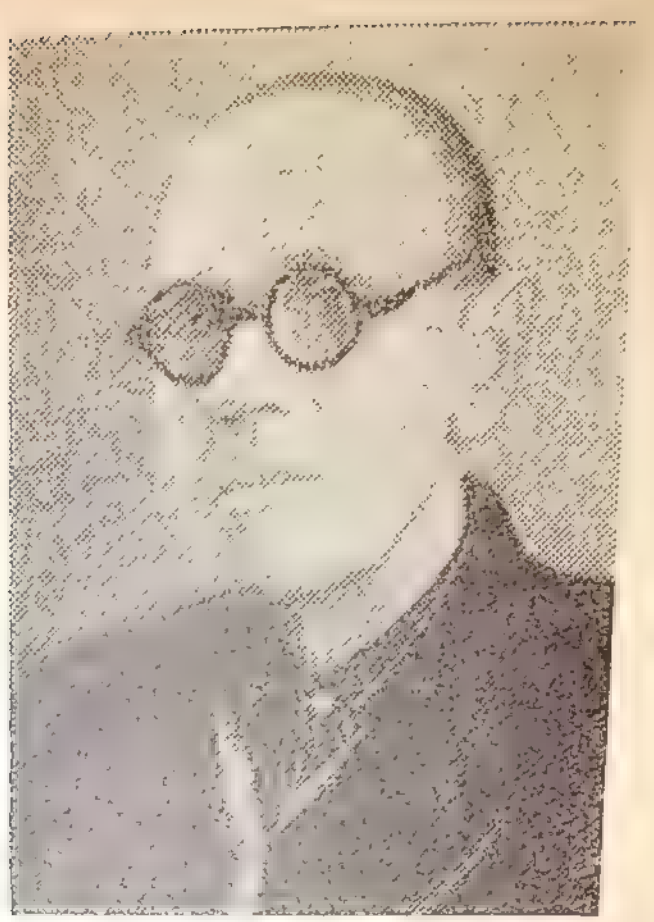
Второго марта главные силы отрядов выступили навстречу врагу. В тот же день по шоссе вышел на запад конный отряд, сформированный из добровольцев конно-гусарского Черниговского полка и пополненный нарвскими рабочими, бывшими кавалеристами, под командованием Петрова и комиссара Липняка. Вслед за ними отправился и Везенбергский партизанский отряд под командованием Лебу.

С семи часов утра 3 марта немцы из района Вайвара перешли в наступление двумя колоннами: правая — по железной дороге, левая — по шоссе. Эшелон с матросами, которые не знали местонахождения противника, был встречен за станцией Корф артиллерийским и пулеметным огнем с Вайварских высот; снаряды разбили три вагона. Выгрузив отряд под огнем неприятеля, Дыбенко завязал встречный бой с его колонной, наступавшей по железной дороге, смял ее и погнал назад.

Однако преследовать врага долго не пришлось. Отряд матросов очутился на открытом месте в низине, а противник занимал Вайварские высоты. Но матросы под руководством своего командира дрались не щадя жизни. По данным немцев, сообщенным ими 6 марта одному из уполномоченных по перемирию Муравейскому, на этом направлении наши войска потеряли 200—250 человек. Фактически потери были значительно больше.

Матросы были собраны с разных кораблей и ни одного часа не могли уделить обучению пехотному бою: они были в худших условиях, чем, например, бойцы красноармейских полков, среди которых имелось немало бывалых солдат. Отряды, сколоченные наспех из красногвардейцев, также были в лучших условиях, чем моряки: красногвардейцы прошли какой-то минимум боевой подготовки; матросы же, лишь только они сошли с кораблей, были сведены в отряды и сразу брошены в бой.

Но воодушевленные идеями пролетарской революции моряки буквально «ломили стеной». Не умея делать перебежки, они шли во весь рост, ведя на ходу огонь, который, по данным самих немцев, поражал не только первые их цепи, но и вторые, и третьи.



А. И. ВОРОБЬЕВ

У Дыбенко не было иной связи с другими отрядами, кроме посыльных. Во время встречного боя матросов Юрьево-Путиловский отряд находился на шоссе, большим уступом по отношению к морякам; левее его подходил и развертывался Везенбергский партизанский отряд. Оставшийся «на весу» правый фланг отряда Дыбенко начал ощущать на себе давление левофланговой колонны противника и вынужден был отойти к станции Солдино, где и задержал дальнейшее наступление немцев.

Около 15 часов левая (северная) колонна неприятеля вышла к высотам Ольгино, что в пяти километрах северо-западнее Нарвы, но и здесь была остановлена бойцами Юрьево-Путиловского и Везенбергского отрядов. Противник, потеряв в бою несколько десятков самокатчиков, подтянул артиллерию, но все же продвинуться дальше не смог.

В день подписания Брест-Литовского мира, 3 марта, красные отряды остановили наступление немцев в пяти шести километрах от Нарвы.

В этот же день сильный удар был нанесен немецким войскам между Псковом и Гдовом. 2 марта командир Гдовского отряда Фабрициус получил сведения о том, что малочисленный партизанский отряд, отступавший из района Юрьева, был сбит противником с перешейка Псковского и Чудского озер и к вечеру того же дня

отошел к селу Самолва. Для восстановления положения на этом участке фронта Фабрициус выслал на помощь конный отряд в 200 сабель под командованием братьев Новиковых (командир и его заместитель). Отряд был сформирован из добровольцев-красноармейцев 2-го Прибалтийского драгунского полка, конной разведки 4-го красноармейского полка, усилен тремя поставленными на подводы пулеметами того же полка. 3 марта конники прибыли в район села Самолва и в тот же день вместе с партизанами внезапно напали на немецкий отряд, насчитывавший около 500 человек, и полностью его уничтожили.

В этом бою вместе с закаленными воинами мужественно сражались 16-летний патриот А. И. Воробьев и будущий генерал И. Н. Макаров.

Отряды, действовавшие под Нарвой, узнав о подписании Брестского мира и понадеявшись на совесть немецкого командования, ослабили бдительность и оборону своих участков. Многие бойцы и командиры потянулись к кухням, находившимся в вагонах и на платформах на вокзале.

Не считаясь с подписанием мирного договора, немцы, пользуясь своим численным преимуществом, ночью перешли в наступление и утром 4 марта овладели городом Нарва.

Отряды Артамонова и Пейса отходили в аръергарде, прикрывая наши войска.

Последним оставил город председатель исполкома Дауман.

★ ★ ★

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Героическая борьба первых красноармейских отрядов на псковском и нарвском направлениях имела громадное значение. Задержав продвижение немецких оккупантов к сердцу молодого Советского государства — красному Питеру, защитники Пскова, Ревеля и Нарвы дали возможность командованию республики выиграть время для создания новых красноармейских формирований.

В период с 25 февраля по 4 марта и в последующие дни под Псков и Нарву из Петрограда было отправлено несколько сильных отрядов Красной Армии. Вместе с ранее действовавшими в этих районах силами революции им удалось в районах станции Торошино и Ямбурга (Кингисепа) окончательно остановить наступление врага на петроградском направлении.

Успешно шли бои против немецких войск и на других участках советско-германского фронта. Вооруженные рабочие, крестьяне, революционные солдаты героически отстаивали родную землю. На помощь белорусскому народу прибывали подкрепления из Петрограда, Москвы и других городов. Ожесточенные бои шли за Полоцк, Борисов, Гомель, Оршу. В ходе борьбы с оккупантами в Белоруссии были созданы 1-я и 2-я революционные армии.

Мужественно сражался против немецких захватчиков украинский народ. По призыву партии и правительства рабочие и крестьяне Украины повсюду вступали в самоотверженную борьбу с превосходящими силами врага. Отряд под командованием В. И. Киквидзе числен-

ностью около 1500 человек в течение восьми дней сдерживал наступление немцев и петлюровцев в районе Житомира, Бердичева и нанес им чувствительный урон. Западнее Киева на реке Ирпень другой отряд разбил и отбросил от переправ передовые части 27-го немецкого корпуса.

Захват 1 марта немецкими войсками Киева не сломил боевого духа украинского народа, а привел к дальнейшему расширению его борьбы с интервентами. В пролетарских центрах Украины развернулось массовое формирование вооруженных отрядов. В Харькове за короткий срок было создано несколько полков. В Луганске сформировался 1-й Луганский социалистический отряд, который под командованием К. Е. Ворошилова в начале марта выступил на фронт. Отряды Красной Армии создавались в Харьковской, Екатеринославской, Киевской, Черниговской, Полтавской губерниях.

Чем глубже проникали немецкие захватчики в глубь страны, тем ожесточеннее становилось сопротивление народа, тем ярче разгоралось пламя освободительной войны против иноземных захватчиков, пытавшихся задушить молодое социалистическое государство и снова превратить его народ в рабов помещиков и капиталистов.

На призыв В. И. Ленина, партии и советского правительства встать на защиту социалистического Отечества рабочий класс и трудовое крестьянство страны ответили усиленным формированием Красной Армии и партизанских отрядов.

Планы немецких империалистов на достижение легкой победы рухнули. Для похода на Петроград, Москву, в глубь России требовались большие силы, а они были связаны вооруженной борьбой на Западном фронте. Да и в самой немецкой армии начиналось революционное брожение. В этих условиях правительство кайзеровской Германии вынуждено было отказаться от своих планов войны против Советской Республики.

23 февраля, в тот самый день, когда под Псковом и Ревелем была одержана первая победа над вражескими войсками, немецкое командование сообщило Советскому правительству о своем согласии возобновить мирные переговоры. 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан мирный договор.

Таким образом, в результате принятых мер попытка империалистической реакции задушить первую в мире республику трудящихся потерпела позорный крах. Заключение Брестского, хотя и несправедливого, грабительского мира, давало молодому государству передышку, необходимую для укрепления Советской власти и строительства новой армии.

В эту грозную и опасную для судеб революции неделю с 18 по 24 февраля 1918 г., которая, по словам В. И. Ленина, войдет как один из величайших исторических переломов в историю русской и международной революции, самоотверженная борьба первых красноармейских полков и отрядов сыграла поистине выдающуюся роль. Плохо вооруженные, не имеющие достаточного количества боеприпасов, продовольствия и снаряжения, бойцы и командиры проявляли на полях сражений массовый героизм. Уже в первых боях молодые красноармейские полки и отряды доказали непобедимость Красной Армии, ее способность успешно бороться против сильного и коварного врага.

«Перед новой армией, — писал в 1943 г. М. И. Калинин, — организация которой только что была декретирована Советской властью и создание которой находилось еще в первоначальной стадии, — уже стоял жестокий и неумолимый враг. Немецкие войска подходили к Пскову и Нарве, стремясь захватить Петроград. Ленин поставил тогда основную задачу перед народом — научиться бороться, «создавать армию, способную не бежать, а идти на неслыханные мучения». Иначе, предупреждал он, «будете лежать под пятой немецкого сапога».

И молодая Рабоче-Крестьянская Красная Армия оправдала доверие Ленина, нашей партии и всего народа в эти тяжелые для Советского государства дни. В феврале 1918 г. она приостановила продвижение немецких войск под Псковом и Нарвой*.

23 февраля 1918 г. — день наиболее напряженных боев на петроградском направлении, день массового вступления в Красную Армию рабочих и крестьян и мобилизации всех сил и средств страны на отпор врагам революции стал считаться днем рождения Красной Ар-

* «50 лет Вооруженных Сил СССР», М., стр. 30.

мии и с тех пор ежегодно отмечается как день Советских Вооруженных Сил, как всенародный праздник любви и уважения нашего народа к своим вооруженным защитникам.

23 февраля 1969 года в торжественной обстановке был открыт памятник в городе Пскове.

Благодарный советский народ высоко оценил боевые заслуги героев Пскова, Ревеля и Нарвы, мужественно отразивших натиск немецких войск и задержавших их продвижение к Петрограду.

★ ★ ★

Наш 2-й красноармейский полк начал защищать социалистическое Отечество 18 февраля 1918 г., участвовал в разгроме Врангеля. За три года гражданской войны трижды менял свое наименование: в июне 1918 г. он был назван 13-м стрелковым полком Петроградской дивизии; осенью того же года — 47-м стрелковым полком 6-й дивизии; летом 1919 г. — 3-м стрелковым полком 1-й дивизии; в октябре 1920 г. он влился в 15-ю дивизию, а затем в 51-ю Перекопскую дивизию. За боевые заслуги на Карельском и Мурманском фронтах он удостоился ордена Красного Знамени и Красного знамени Президиума ВЦИК.

Во многих сражениях участвовал этот старейший в Красной Армии полк. Многих борцов за народное дело не досчитал он в своих рядах к концу гражданской войны. Я из полка выбыл осенью 1918 г. Но память о первых героях, в рядах которых мне довелось драться, людях, сумевших преградить путь немецким интервентам к революционному Питеру, живет в моем сердце.

★ ★ ★

СОДЕРЖАНИЕ

К ДРУЗЬЯМ ЧИТАТЕЛЯМ 6

НАКАНУНЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ 9

В окопах Северного фронта 11
Солдаты больше воевать не желают 19
Февральская революция. Солдатские комитеты. 30

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!» . . 45

Большевики взяли власть 47
1918 год 54
Партия большевиков борется за долгожданный мир 61
Рождение Красной Армии 65
Ленинский декрет 74
Первые красноармейские роты 84
Выборы командира полка 88
Старая армия бросает позиции 95
Накануне германского нападения 99
На петроградском направлении 104
Все на защиту республики Советов! 122

23 ФЕВРАЛЯ 1918 ГОДА 125

Под Псковом — бои 127
Бои под Ревелем 167
И под Нарвой тоже бои 182

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ 203

В БОЯХ РОЖДЕННАЯ

Александр Иванович Черепанов

★

Редактор Г. П. Гончаров
Художник Селезнев
Художественный редактор Г. Л. Ушаков
Технический редактор Д. А. Стеганцева
Корректор Р. М. Рыкунина

★

Г-70350. Сдано в набор 12/XII-69 г.
Подписано к печати 17/X-70 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Изд. № 3/5112
Тираж 100 000 экз. Цена 29 коп.
Ф. п. л. 6,5. Усл. п. л. 10,92. Уч. изд. л. 9,89.

★

Типография изд-ва «Омская правда», г. Омск,
пр. Маркса, 39. Заказ 256.

Цена 29 коп.

НОВАЯ ЦЕНА
руб. 29 коп.

30047 8/XII